ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

ПУТЕШЕСТВІЕ

КЪ ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ.

[Voyage au centre de la terre].

Романъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе П. П. Сойкина

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 96, уг. Надежд.

Типографія П. П. Сойкина, СПБ., Стремянная, № 12.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ.

[Voyage au centre de la terre].

I.

Въ воскресенье, 24-го мая 1863 г., дядя мой, профессоръ Лиденброкъ, быстро подходилъ къ своему маленькому домику на Кенигштрассе, одной изъ самыхъ старыхъ улицъ старой части города Гамбурга.

Служанка Марта подумала, что она запоздала съ обѣдомъ, такъ какъ супъ на плитѣ только что началъ закипать.

— Ну, вотъ,—подумалъ я,—если дядя проголодался, онъ сейчасъ же начнетъ ворчать, потому что нѣтъ на свѣтѣ человѣка нетерпѣливѣе моего дяди.

— Г. Лиденброкъ уже пришелъ домой!—сказала служанка Марта, пріоткрывъ дверь въ столовую.

— Да, Марта, но не бѣда, если обѣдъ не готовъ; вѣдь еще нѣтъ и двухъ часовъ. Часы на колокольнѣ Св. Михаила только что пробили половину.

— Такъ почему же онъ вернулся такъ рано?

— Пусть онъ намъ самъ скажетъ.

— Вотъ онъ идетъ! Ужъ я побѣгу скорѣе, а вы урезоньте его пожалуйста г. Аксель!

И Марта поспѣшила въ свою кулинарную лабораторію.

Я остался одинъ. Однако я, съ своимъ нерѣшительнымъ характеромъ, никогда не умѣлъ успокаивать раздражительнаго профессора, и потому готовился уже предусмотрительно уйти въ свою каморку на чердакъ, какъ вдругъ входная дверь заскрипѣла на петляхъ, по деревянной лѣстницѣ послышались

тяжелые шаги хозяина дома, и дядя быстро прошелъ черезъ столовую въ свой кабинетъ.

По пути старикъ бросилъ въ уголъ свою трость съ набалдашникомъ въ видѣ щипцовъ для орѣховъ, быстро положилъ на столъ свою широкополую мохнатую шляпу и сказалъ мнѣ:

— Ступай сюда, Аксель!

Не успѣлъ я еще сдѣлать шагу, какъ онъ уже нетерпѣливо окрикнулъ меня:

— Что же ты не идешь?

Я побѣжалъ въ кабинетъ моего стараго учителя.

Отто Лиденброкъ — человѣкъ не злой, но всегда былъ и останется до могилы большой руки чудакомъ.

Онъ былъ профессоромъ въ Іоганнеумѣ по кафедрѣ минералогіи и за каждой лекціей выходилъ изъ себя раза два. Онъ мало заботился о томъ, будутъ ли студенты ходить на его лекціи, будутъ ли они внимательно слушать его, будетъ ли онъ имѣть успѣхъ въ будущемъ. Онъ читалъ «субъективно», какъ говорятъ нѣмецкіе философы, для самого себя, а не для другихъ. Это былъ ученый-эгоистъ, кладезь знанія, но каждый разъ какъ изъ этого кладезя хотѣли почерпнуть, блокъ страшно скрипѣлъ. Словомъ, онъ былъ скупъ.

Въ Германіи еще можно встрѣтить такихъ профессоровъ.

Къ несчастью, дядя говорилъ не особенно внятно, особенно когда говорилъ публично, а это большой недостатокъ у лектора. Иногда онъ останавливался посреди лекціи и никакъ не могъ выговорить какое нибудь упрямое слово; оно вертѣлось у него на губахъ, мучило его и, наконецъ, вылетало въ видѣ далеко не научнаго проклятія.

Въ минералогіи есть много трудно произносимыхъ полугреческихъ, полулатинскихъ названій, которыя оскорбили бы своими варварскими звуками уста поэта. Я вовсе не имѣю желанія злословить объ этой наукѣ. Я далекъ даже отъ мысли объ этомъ. Но скажите сами, развѣ не простительно самому гибкому языку заплетаться, когда приходится говорить о ромбоэдрической кристаллизаціи, геленитахъ, тангацитахъ, молибденовомъ свинцѣ, марганцево-вольфрамовыхъ соединеніяхъ и цирконовой титанокислой соли.

Всѣ знали о недостаткѣ произношенія моего дяди и часто пользовались имъ. Студенты заранѣе ожидали критическихъ

для лектора моментовъ; онъ выходилъ изъ себя отъ гнѣва, а они хохотали такъ, что это становилось неприличнымъ даже для нѣмцевъ. Такимъ образомъ, хотя на лекціи Лиденброка всегда собиралась многолюдная аудиторія, лишь немногіе слушатели посѣщали ихъ постоянно, большинство же являлось, чтобы отвести душу и похохотать надъ сердитымъ профессоромъ и его вспышками гнѣва.

Какъ бы то ни было, дядя мой былъ настоящій ученый. Вслѣдствіе излишней поспѣшности, ему, правда, случалось ломать образцы своихъ коллекцій, но все же въ немъ соединялись талантъ геолога и знанія минералога. Вооруженный молоточкомъ, буравчикомъ, магнитомъ, паяльной трубкой, флакончикомъ съ азотной кислотой, онъ казался могучимъ человѣкомъ. По излому, внѣшнему виду, твердости, плавкости, звуку, запаху и вкусу онъ всегда умѣлъ признать, къ которому изъ шести сотъ видовъ, насчитываемыхъ наукой, относится тотъ или иной минералъ.

Имя Лиденброка гремѣло въ гимназіяхъ и національныхъ обществахъ. Гг. Гемфри Дэви, Гумбольдтъ, капитаны Франклинъ, Сабайнъ, находясь проѣздомъ въ Гамбургѣ, посѣтили его. Гг. Беккерель, Эбельменъ, Брьюстеръ, Дюма, Мильнъ-Эдуардсъ часто совѣтовались съ нимъ по поводу наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ химіи. Онъ сдѣлалъ довольно значительныя открытія въ области этой науки, и въ 1853 г. въ Лейпцигѣ вышла въ свѣтъ книга «Трактатъ о трансцедентальной кристаллографіи» профессора Отто Лиденброка, большой фоліантъ съ таблицами, не окупившій, однако, издержекъ по изданію.

Прибавьте ко всему этому, что дядя былъ хранителемъ минералогическаго музея г. Струве, русскаго посланника, владѣльца извѣстной всей Европѣ цѣнной коллекціи.

Вотъ какая личность былъ мой дядя, звавшій меня съ такимъ нетерпѣніемъ. Представьте себѣ высокаго, худощаваго человѣка, съ желѣзнымъ здоровьемъ и бѣлокурыми волосами, благодаря которымъ онъ казался на добрыхъ десять лѣтъ моложе своихъ пятидесяти лѣтъ. Онъ носилъ большіе очки и постоянно таращилъ изъ-за нихъ глаза. Носъ у него былъ длинный и тонкій, какъ отточенное лезвіе. Злые языки утверждали даже, что носъ его былъ намагниченъ и обладалъ

свойствомъ притягивать желѣзные опилки. Но это сущая клевета. Дядинъ носъ втягивалъ только табакъ, но зато въ обильномъ количествѣ.

Добавлю еще, что дядюшка, когда ходилъ, отмѣривалъ шаги по полсажени и при этомъ вѣчно сжималъ руки въ кулаки,—явный признакъ горячаго темперамента,—и вы познакомитесь съ почтеннымъ ученымъ настолько хорошо, чтобы не особенно искать его общества.

Жилъ онъ въ своемъ маленькомъ, наполовину деревянномъ, на половину кирпичномъ домикѣ на Кенигштрассе. Домъ выходилъ на одинъ изъ извилистыхъ каналовъ старой части Гамбурга, уцѣлѣвшей, благодаря счастливой случайности, отъ пожара 1842 г.

Старый домъ покачнулся и какъ то выпятился животомъ къ прохожимъ; крыша его съѣхала на бекрень, какъ фуражка студента корпораціи «союза добродѣтели»; вообще въ смыслѣ изящества или совершенства линій оставалось желать многаго; но въ общемъ зданіе стояло крѣпко, опираясь фасадомъ на старый вязъ, протягивавшій весною свои цвѣтущія вѣтки въ самыя окна.

Для нѣмецкаго профессора дядя мой былъ довольно богатъ Домъ со всѣмъ своимъ содержимымъ былъ его неотъемлемою собственностью, а содержимое это состояло изъ его семнадцатилѣтней воспитанницы Граубенъ, служанки Марты и меня. Въ качествѣ племянника и сироты, я сдѣлался помощникомъ дяди во всѣхъ его опытахъ.

Геологія, какъ наука, глубоко заинтересовала меня. Должно быть я родился, чтобы быть минералогомъ, и мнѣ никогда не бывало скучно въ обществѣ моихъ дорогихъ камней.

Жизнь въ маленькомъ домикѣ на Кенигштрассе, несмотря на вспыльчивый характеръ владѣльца, протекала въ общемъ довольно счастливо. Дядя, нѣсколько грубоватый по внѣшности, все-таки любилъ меня. Вся бѣда была только въ томъ, что онъ не умѣлъ ждать и вѣчно торопился.

Посадивъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ фаянсовые горшки на окнахъ гостиной резеду и вьюнки, онъ правильно каждое утро вытаскивалъ молодыя растеньица за листья, чтобы они поскорѣе росли.

Съ такимъ чудакомъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ слушаться. Итакъ, я бросился со всѣхъ ногъ въ его кабинетъ.

II.

Кабинетъ этотъ былъ настоящимъ музеемъ. Всѣ образцы минеральнаго царства были обозначены ярлычками въ самомъ строгомъ порядкѣ по принадлежности ихъ къ тремъ главнымъ группамъ минераловъ.

Какъ хорошо знакомы были мнѣ эти бездѣлушки минералогіи! Сколько разъ вмѣсто того, чтобы бездѣльничать съ сверстниками, я сметалъ пыль со всѣхъ этихъ графитовъ, антрацитовъ, каменныхъ углей, лигнита и торфа! А всѣ эти горныя и растительныя смолы, органическія соли, которыя надлежало предохранять отъ малѣйшей пылинки! А сколько тутъ было металловъ, отъ желѣза до золота, относительная стоимость которыхъ исчезала передъ равномѣрной величиной образцовъ коллекцій! Сколько драгоцѣнныхъ камней, продавъ которые можно было бы заново выстроить домикъ на Кенигштрассе, прибавивъ еще одну лишнюю комнату, которая очень пригодилась бы мнѣ!

Но я не думалъ о всѣхъ этихъ чудесахъ, когда вошелъ въ кабинетъ. Въ эту минуту я думалъ только о дядѣ. Онъ сидѣлъ въ своемъ глубокомъ креслѣ, обитомъ утрехтскимъ бархатомъ, и съ живымъ интересомъ читалъ какую-то книгу.

— Вотъ это книга! — восклицалъ онъ. — Чудесная книга!

Это восклицаніе напомнило мнѣ, что профессоръ Лиденброкъ былъ также и библіоманомъ; но книга только тогда и могла имѣть цѣну въ его глазахъ, когда она была рѣдкостная или же ее невозможно было прочитать.

— Развѣ ты не видишь? — сказалъ онъ мнѣ. — Я нашелъ это сокровище сегодня утромъ, роясь въ лавченкѣ еврея Гевеліуса.

— Великолѣпно! — отвѣчалъ я, восхищаясь по заказу.

На самомъ дѣлѣ я не видѣлъ, чѣмъ можно восторгаться въ этой старой пожелтѣвшей книжонкѣ въ четверку, въ грубомъ кожаномъ переплетѣ, съ такимъ же корешкомъ, съ выцвѣтшей закладкой.

Профессоръ, однако, не унимался. Восторгу его не было границъ.

— Посмотри, — говорилъ онъ, задавая вопросы и отвѣчая на нихъ немедленно самъ же. — Вѣдь красивая, не правда ли?

Да, прелесть! И что за переплетъ! Хорошо ли только раскрывается книга? Прекрасно: можно развернуть ее на любой страницѣ, и она не закрывается! Посмотримъ, какъ она закрывается! Отлично: переплетъ и страницы прилегаютъ плотно и не отскакиваютъ. На корешкѣ нѣтъ ни одной царапинки, хотя книгѣ болѣе шести сотъ лѣтъ. Бозеріанъ, Клоссъ и Пургольдъ могли бы гордиться такимъ переплетомъ.

Говоря это, дядя открывалъ и захлопывалъ старую книжонку. Надо же было, наконецъ, спросить его, какого содержанія книжка, хотя это меня ничуть не интересовало.

— Что это за книжка? — спросилъ я съ довольно грубо сыгранною поспѣшностью.

— Эта книга?—отвѣчалъ дядя, оживляясь, — это *Heims Kringla* Снорре Турлесона, извѣстнаго исландскаго писателя двѣнадцатаго столѣтія; это хроника норвежскихъ королей, которые правили въ Исландіи.

— Неужели!—воскликнулъ я, продолжая симулировать живой интересъ. — Навѣрно это нѣмецкій переводъ исландскаго сочиненія?

— Вотъ еще!—сердито возразилъ профессоръ,—переводъ! На что мнѣ переводъ! Очень онъ мнѣ нуженъ, какъ же! Это оригинальное сочиненіе на исландскомъ языкѣ, этомъ великолѣпномъ, богатомъ и въ то же время простомъ нарѣчіи, допускающемъ самыя разнообразныя грамматическія сочетанія и всевозможныя измѣненія словъ.

— Какъ и нѣмецкій языкъ,—подсказалъ я.

— Да,—сказалъ дядя, пожавъ плечами, — съ тою разницей, однако, что исландскій языкъ допускаетъ три рода, какъ греческій, и склоняетъ имена собственныя, какъ латинскій.

— А! — протянулъ я, уже нѣсколько заинтересованный этимъ въ дѣйствительности.—А какова печать въ книгѣ?

— Печать? Несчастный Аксель, кто тебѣ сказалъ, что книга печатная? Невѣжда ты этакій, это рукопись, и письмена въ ней руническія!..

— Руническія?

— Да! Прикажешь, можетъ быть, объяснить тебѣ это слово?

— Это совершенно излишне, — отвѣчалъ я тономъ человѣка, получившаго уколъ самолюбію.

Но дядя продолжалъ наставлять и поучать меня относительно вещей, до которыхъ мнѣ не было никакого дѣла.

— Руны, — говорилъ онъ, — это знаки, употреблявшіеся нѣкогда въ Исландіи и, по преданію, изобрѣтенные самимъ Одиномъ. Да посмотри же, нечестивецъ, полюбуйся этими письменами, созданными воображеніемъ Бога!

Не зная, что отвѣтить, я уже собирался пасть ницъ, — своего рода отвѣтъ, который долженъ одинаково нравиться и богамъ, и царямъ, — какъ вдругъ простая случайность дала иное направленіе нашему разговору.

Изъ книжонки выскользнулъ и упалъ на полъ грязный пергаментъ.

Дядя съ понятною жадностью бросился на эту бездѣлушку. Старый документъ, лежавшій въ книгѣ съ незапамятныхъ временъ, долженъ былъ имѣть огромную цѣну въ его глазахъ.

— Это что такое? — вскричалъ онъ, бережно развертывая на столѣ пергаментъ въ пять дюймовъ длиною и въ три — шириною, на которомъ поперечными строчками тянулись какія-то кобалистическія письмена.

Вотъ точный снимокъ этой рукописи. Я хочу непремѣнно познакомить васъ съ этими странными буквами, потому что онѣ побудили профессора Лиденброка и его племянника предпринять самую необычайную экспедицію девятнадцатаго вѣка:

[illegible]

Профессоръ смотрѣлъ нѣсколько времени на эти странные знаки, потомъ сдвинулъ очки на лобъ и сказалъ:

— Это руны. Эти знаки совершенно однородны съ знаками рукописи Снорре Турлесона. Вотъ только что они могутъ значить?

Мнѣ всегда казалось, что руническія письмена изобрѣтены учеными для мистификаціи профановъ, и потому порадовался въ душѣ, увидя, что самъ дядя ничего въ нихъ не понимаетъ.

По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось, судя по тому, какъ задрожали его пальцы.

— Однако, это навѣрно древнеисландское нарѣчіе, — пробормоталъ онъ сквозь зубы.

Профессоръ Лиденброкъ долженъ былъ знать это, не даромъ же онъ слылъ за настоящаго полиглота. Конечно, онъ не могъ бѣгло объясняться на двухъ тысячахъ языковъ и четырехъ тысячахъ нарѣчій, на которыхъ говорятъ люди всего земного шара, но все же онъ многое зналъ.

Встрѣтивъ неожиданное препятствіе, онъ уже собирался разсердиться, по свойственной его характеру вспыльчивости, и я уже предвидѣлъ страшную вспышку гнѣва, какъ вдругъ каминные часы пробили два.

Марта открыла дверь кабинета и доложила:

— Супъ поданъ.

Чортъ побери супъ вмѣстѣ съ тою, которая его приготовила!—вскричалъ дядя.

Марта убѣжала, я послѣдовалъ за нею и самъ не помню, какъ очутился на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ столовой, за столомъ.

Я подождалъ. Профессоръ не шелъ. Въ первый разъ, какъ я себя помню, онъ пропустилъ обѣденное торжество. А обѣдъ былъ какъ нарочно на славу: супъ съ петрушкой, яичница съ ветчиной, приправленная щавелемъ и мускатнымъ орѣхомъ, телячій окорокъ съ салатомъ изъ сливъ, а на десертъ креветы въ сахарѣ. Прибавьте ко всему этому прекрасное мозельское вино.

Всего этого лишился дядя по винѣ какого-то стараго манускрипта. Какъ преданный племянникъ, я счелъ своею обязанностью поѣсть за двоихъ — за него и за себя.

— Никогда съ нимъ этого не бывало раньше!—говорила Марта, подавая кушанья.— Г. Лиденброкъ не обѣдаетъ. Слыханое ли это дѣло!

— Просто непонятно.

— Ужъ это не къ добру!—качала головою старая служанка.

По моему же мнѣнію, это могло служить предзнаменованіемъ лишь того, что дядя страшно разсердится, когда придетъ и увидитъ, что обѣдъ его съѣденъ.

Я проглатывалъ послѣдняго кревета, когда громкій окрикъ дяди оторвалъ меня отъ пріятнаго занятія. Однимъ прыжкомъ я очутился въ кабинетѣ.

III.

— Это, очевидно, руническія письмена,—сказалъ, нахмуривъ брови, профессоръ.—Подъ ними скрывается какая-то тайна, но я разгадаю ее, или...

Онъ закончилъ свою мысль сердитымъ жестомъ.

— Садись,—указалъ онъ мнѣ кулакомъ на столъ,—и пиши.

Я тотчасъ же сѣлъ за столъ.

— Я продиктую тебѣ буквы нашего алфавита, соотвѣтствующія каждому руническому знаку. Посмотримъ, что получится. Только, смотри, не ошибись! Боже тебя упаси!

Онъ началъ диктовать. Я старательно писалъ буквы одна за другою и вотъ какія непонятныя слова получились на бумагѣ:

mm. rnlis	esrenel	seec Jde
sgtssmf	unteief	niedrke
kt, samn	atrate S	Saodrrn
emtnael	nuaect	rril Sa
Atvaar	nscrc	ieaabs
ccdrmi	eeutul	frantu
dt, iac	oseibo	Kedii Y.

Когда работа была окончена, дядя схватилъ листокъ, на которомъ я писалъ, и долго и внимательно смотрѣлъ на него.

— Что это значитъ?—машинально повторялъ онъ.

Ей Богу, я ни за что не съумѣлъ бы объяснить ему значеніе этой тарабарщины. Впрочемъ, онъ меня и не спрашивалъ, а продолжалъ разговаривать самъ съ собою.

— Это называется криптограммой, т. е. тайнописаніемъ,—говорилъ онъ.—Въ этихъ преднамѣренно спутанныхъ буквахъ есть тайный смыслъ и, если ихъ расположить, какъ должно, получится вполнѣ понятная фраза. Можетъ быть, эти слова объясняютъ какое-нибудь великое открытіе.

Я думалъ про себя, что ничего подобнаго нѣтъ, но благоразумно промолчалъ.

Профессоръ взялъ пергаментъ и книгу и сравнилъ ихъ.

— Это два разныхъ почерка,—сказалъ онъ.—Криптограмма позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ книга, и вотъ неопровержимое доказательство: первая буква рукописи M; напрасно

стали бы мы искать ее въ книгѣ Турлесона; буква эта была прибавлена къ исландскому алфавиту лишь въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Такимъ образомъ, рукопись появилась на двѣсти лѣтъ позже книги.

Доводъ этотъ показался мнѣ логичнымъ.

— Мнѣ приходитъ въ голову мысль, что эти таинственные знаки начертаны однимъ изъ владѣльцевъ этой книги. Но, чортъ побери! кто могъ быть ея владѣльцемъ? Не написалъ ли онъ гдѣ нибудь на рукописи своего имени?

Дядя снялъ очки, взялъ лупу и внимательно осмотрѣлъ первыя страницы книги. На обратной сторонѣ заглавнаго листка онъ замѣтилъ пятнышко, похожее на чернильное. Присмотрѣвшись, онъ замѣтилъ, однако, что это были полустертые знаки. Дядя догадался, что въ нихъ то и кроется самая интересная сторона дѣла. Онъ сталъ внимательно разсматривать пятно въ сильное увеличительное стекло и скоро увидѣлъ слѣдующія руническія письмена, которыя онъ прочиталъ безъ труда:

ᛅᚱᚿᛁ ᛋᛅᚴᚿᚢᛋᛋᛁᛘ

— Арнэ Сакнуссемъ! — воскликнулъ онъ, торжествуя.— Это имя и притомъ имя исландскаго ученаго, извѣстнаго алхимика, жившаго въ шестнадцатомъ вѣкѣ.

Я посмотрѣлъ на дядю съ невольнымъ уваженіемъ передъ его ученостью.

— Эти алхимики,—продолжалъ онъ,—Авиценнъ, Баконъ, Люлль и Парацельзъ были единственными и настоящими учеными своего времени. Они сдѣлали удивительныя открытія. Можетъ быть, и Сакнуссемъ скрылъ въ этой криптограммѣ какое нибудь замѣчательное изобрѣтеніе. Должно быть такъ оно и есть! Навѣрное такъ.

Воображеніе ученаго разыгралось надъ этимъ предположеніемъ.

— Конечно,—дерзнулъ я высказать свое мнѣніе,—но зачѣмъ ученому понадобилось скрывать такъ свое замѣчательное открытіе?

— Зачѣмъ? зачѣмъ? Да я то почему знаю? Галилей поступилъ точно такъ же, открывъ Сатурна. Посмотримъ. Я найду

ключъ къ этой загадкѣ и не стану ни ѣсть, ни спать, пока не прочитаю документа.

— О!—подумалъ я.

— И ты тоже, Аксель!—продолжалъ онъ.

— Чортъ возьми!—подумалъ я.—Хорошо, что я сегодня пообѣдалъ за двоихъ!

— Сначала надо узнать на какомъ языкѣ написанъ этотъ «шифръ». Это будетъ не особенно трудно.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на дядю. Онъ продолжалъ между тѣмъ разсуждать вслухъ.

— Ничего не можетъ быть легче. Въ этомъ документѣ сто тридцать двѣ буквы, изъ которыхъ семьдесятъ девять согласныхъ и пятьдесятъ три гласныхъ. Эта пропорія встрѣчается обыкновенно въ словахъ южныхъ языковъ, тогда какъ въ сѣверныхъ нарѣчіяхъ гораздо больше согласныхъ. Итакъ, манускриптъ написанъ на какомъ нибудь южномъ языкѣ! Заключенія эти совершенно правильны.

— Но какой это языкъ?

Вотъ тутъ то ученый и долженъ былъ проявить себя. Впрочемъ, ему нельзя было отказать въ умѣньѣ анализировать.

— Этотъ Сакнуссемъ,—продолжалъ онъ,—былъ очень образованный человѣкъ. Разъ онъ писалъ не на своемъ родномъ языкѣ, онъ долженъ былъ отдать предпочтеніе общеупотребительному въ шестнадцатомъ вѣкѣ среди образованныхъ людей латинскому языку. Если я ошибусь, попробую языки испанскій, французскій, итальянскій, греческій, еврейскій. Но ученые шестнадцатаго столѣтія писали обыкновенно по-латински. Итакъ, я въ правѣ предположить: это языкъ латинскій.

Я подскочилъ на стулѣ. Какъ латинистъ, я возмущался при мысли, что эти странныя слова могутъ принадлежать благозвучному языку Виргилія.

— Да, латинскій,—говорилъ дядя,—но буквы словъ преднамѣренно спутаны.

— Въ часъ добрый!—подумалъ я.—Разберись-ка, дядюшка, въ этой путаницѣ. Для этого надо быть очень хитроумнымъ.

— Посмотримъ внимательно,—сказалъ онъ, взявъ въ руки исписанный мною листокъ.—Вотъ рядъ буквъ, расположенныхъ, повидимому, безъ всякаго порядка. Нѣкоторыя слова, напримѣръ первое «mm. rnlls», состоятъ исключительно изъ согласныхъ.

Другія изобилуютъ гласными, таковы пятое слово «unteief» и предпослѣднее «oseibo». Очевидно, такая комбинація не искусственная, а получилась она, вѣроятно, въ силу математическаго дѣйствія невидимаго разума, расположившаго буквы именно въ этомъ порядкѣ. Мнѣ кажется, что первоначально фраза была написана правильно, а затѣмъ перевернута въ извѣстномъ порядкѣ, который и надо найти. Тотъ, у кого былъ бы ключъ шифрованнаго письма, прочелъ бы его совсѣмъ легко. Но гдѣ взять ключъ? Аксель, не знаешь ли ты, гдѣ ключъ?

Я ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ по той причинѣ, что взглядъ мой упалъ на висѣвшій на стѣнѣ портретъ Граубенъ. Воспитанница дяди гостила въ то время въ Альтонѣ, у одной родственницы, и мнѣ было очень скучно безъ нея. Теперь я могу признаться, что хорошенькая воспитанница и племянникъ профессора были влюблены другъ въ друга терпѣливо и спокойно, какъ настоящіе нѣмцы. Мы дали другъ другу слово, безъ вѣдома дяди: слишкомъ серьезный геологъ не понялъ бы нашихъ чувствъ. Граубенъ была прелестная молоденькая голубоглазая блондинка, съ довольно серьезнымъ складомъ ума и характера. Она глубоко любила меня, а я просто обожалъ ее, если только такой глаголъ допустимъ на германскомъ языкѣ! Такимъ образомъ, портретъ хорошенькой дѣвушки въ одинъ мигъ заставилъ меня забыть дѣйствительность и улетѣть въ міръ грезъ и воспоминаній.

Я увидѣлъ мысленно товарку моихъ трудовъ и удовольствій. Она помогала мнѣ каждый день убирать драгоцѣнные камни коллекціи дяди и вмѣстѣ со мною наклеивала ярлычки. Фрейлейнъ Граубенъ была очень сильна въ минералогіи! Она любила поговорить на научныя темы. Сколько счастливыхъ часовъ провели мы вмѣстѣ за ученьемъ. Какъ часто завидовалъ я судьбѣ этихъ безчувственныхъ камней, которые она перебирала своими хорошенькими пальчиками!

Въ свободные отъ занятій часы мы шли вмѣстѣ гулять по тѣнистымъ аллеямъ Алсера, къ живописной мельницѣ, стоящей въ концѣ озера. По дорогѣ мы разговаривали, причемъ ручка ея лежала въ моей рукѣ. Я болталъ, что приходило въ голову, а она тихонько смѣялась. Такъ приходили мы на берегъ Эльбы и, простившись съ лебедями, плавающими среди бѣлыхъ кувшинокъ, возвращались на пароходикѣ на набережную.

На этомъ мѣстѣ моихъ грезъ дядя прервалъ меня, сердито ударивъ кулакомъ по столу.

— Первая мысль, которая должна придти человѣку, желающему спутать буквы фразы, это—написать слова вмѣсто горизонтальнаго направленія вертикально,—сказалъ онъ.

— Вотъ тебѣ и разъ!—подумалъ я.

— Посмотримъ, что выйдетъ. Аксель, напиши на этомъ клочкѣ бумажки какую-нибудь фразу, только пиши буквы не рядомъ, а одну подъ другою вертикальными столбцами, группируя ихъ по пяти или шести.

Я понялъ, что отъ меня требовалось, и моментально написалъ сверху внизъ:

Я	ю	н	,	и	р	н
л	т	ѣ	м	л	а	ъ
ю	е	ж	о	а	у	!
б	б	н	я	я	б	
л	я	о	м	Г	е	

— Отлично,—сказалъ профессоръ, не читая.—Теперь напиши слова на горизонтальной строчкѣ.

Я повиновался. Получилась слѣдующая фраза:

Яюн, ирн лтѣмлаъ юежоау! ббняяб ляомГе.

— Хорошо!—замѣтилъ дядя, вырывая у меня изъ рукъ бумажку.—Это уже похоже на древній документъ. Гласныя и согласныя перемѣшаны такъ же безпорядочно. Среди словъ встрѣчаются даже прописныя буквы и запятыя, точь въ точь какъ на пергаментѣ Сакнуссема!

Невольно я призналъ эти замѣчанія остроумными.

— Для того, чтобы прочитать написанную тобою фразу, которой я не знаю,—обратился ко мнѣ дядя,—достаточно читать первую букву каждаго слова, затѣмъ вторую, потомъ третью и т. д.

И дядя, къ своему величайшему удивленію, а также и къ моему, прочиталъ:

— Я люблю тебя нѣжно, моя милая Граубенъ!

— Что такое?—промычалъ профессоръ.

Да, самъ того не подозрѣвая, влюбленный безумецъ, я написалъ эту компрометирующую фразу!

— Ахъ! такъ ты любишь Граубенъ?—спросилъ дядя тономъ настоящаго опекуна.

— Да... Нѣтъ...—бормоталъ я.

— Ахъ, ты любишь Граубенъ? — повторилъ онъ машинально.—Ну, такъ примѣнимъ же мой способъ къ этому документу!

Поглощенный своимъ дѣломъ, дядя уже забылъ мое неосторожное признаніе. Говорю неосторожное, потому что умъ ученаго ничего не смыслилъ въ дѣлахъ сердечныхъ. Къ счастью, все его вниманіе было сосредоточено на документѣ.

Когда профессоръ Лиденброкъ приступалъ къ настоящему опыту, глаза его метали молніи сквозь очки; дрожащими пальцами взялъ онъ старый пергаментъ. Онъ волновался не на шутку. Наконецъ, онъ откашлялся и строгимъ голосомъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее, читая сначала первую, потомъ вторую букву каждаго слова:

mmessunkaSenr.A. icefdoK. segnittamurtn
ecertserrette, rotaivsadua, ednecsedsadne
lacartniiilu J siratrac Sarbmutabiledmek
meretarcsiluco YsleffenGnI

Когда я кончилъ, я былъ, признаюсь, взволнованъ. Эти буквы, названныя одна за другою, не имѣли въ моихъ глазахъ никакого смысла, и я ждалъ, что профессоръ торжественно произнесетъ великолѣпную латинскую фразу.

Но кто могъ это предвидѣть! Столъ задрожалъ отъ удара кулака. Чернила пролились, а перо выпало у меня изъ рукъ.

— Не то!—воскликнулъ дядя.—Въ этомъ нѣтъ никакого смысла.

Потомъ онъ, какъ пушечное ядро, вылетѣлъ изъ кабинета, какъ лавина, спустился съ лѣстницы, и бѣгомъ пустился по Кёнигштрассе.

IV.

— Ушелъ!—воскликнула Марта, услышавъ шумъ захлопнувшейся выходной двери, отъ котораго задрожалъ весь домъ.

— Да,—отвѣчалъ я,—совсѣмъ ушелъ!

— А обѣдъ то какъ же?—спросила старая служанка.

— Онъ не будетъ обѣдать!

— А ужинъ?

— Онъ и ужинать не будетъ!

— Какъ же это?—всплеснула руками Марта.

— Нѣтъ, моя добрая Марта, теперь ни самъ онъ, никто въ домѣ не будетъ ѣсть! Мой дядя Лиденброкъ обрекаетъ насъ на постъ до тѣхъ поръ, пока онъ не прочитаетъ старинную тарабарщину, которую самъ чортъ не разберетъ!

— Господи Іисусе! значитъ всѣ мы должны умереть съ голоду!

Я не рѣшился признаться, что съ человѣкомъ такого деспотическаго характера, какъ мой дядя, насъ дѣйствительно ожидаетъ эта неизбѣжная участь.

Не на шутку испуганная служанка со стонами и жалобами отправилась въ кухню.

Когда я остался одинъ, мнѣ пришла въ голову мысль разсказать все Граубенъ. Но какъ уйти изъ дома? Вдругъ онъ меня позоветъ? А если онъ снова примется за разгадываніе этого логогрифа, котораго не разрѣшилъ бы самъ мудрый Эдипъ! Что будетъ, если я не явлюсь на его зовъ?

Благоразумнѣе было остаться. Одинъ минералогъ только что прислалъ намъ изъ Безансона коллекцію кремнистыхъ жеодъ, которыя надо было распредѣлить. Я принялся за работу, разобралъ, снабдилъ ярлычками и разставилъ въ витринѣ всѣ эти пустыя внутри горныя породы, заполненныя по стѣнкамъ мелкими кристаллами разныхъ минераловъ.

Это занятіе не поглотило меня однако настолько, чтобы я забылъ о древнемъ документѣ. Въ головѣ у меня стоялъ какой то сумбуръ, и смутное безпокойство овладѣвало мною. Я предчувствовалъ близкую катастрофу.

Часъ спустя жеоды мои стояли въ полномъ порядкѣ. Я развалился въ большомъ утрехтскомъ креслѣ, свѣсивъ руки и запрокинувъ голову, закурилъ трубку съ длиннымъ закругленнымъ чубукомъ, на головкѣ которой изображена была наяда въ непринужденной позѣ, и сталъ слѣдить, какъ по мѣрѣ обугливанія табака наяда превратилась въ негритянку. Отъ времени до времени я прислушивался, не идетъ ли кто по лѣстницѣ. Но нѣтъ. Куда могъ исчезнуть дядя? Я представлялъ себѣ, какъ онъ бѣжитъ подъ прекрасными деревьями по

дорогѣ въ Альтону, жестикулируя, гремя тростью, сбивая ею головки травы и репейника и нарушая покой аистовъ.

Каковъ то онъ вернется, торжествующій или унылый? Разгадаетъ ли онъ загадку, или тайнописаніе не дается ему? Я задавалъ себѣ эти вопросы и машинально взялъ въ руки листокъ бумаги, на которомъ тянулся рядъ непонятныхъ, написанныхъ мною буквъ.

— Что это значитъ?—повторялъ я мысленно.

Я попытался сгруппировать буквы такъ, чтобы получились слова. Ничего. Пробовалъ соединять ихъ по двѣ, по три, по пяти, по шести, ничего не выходило. Впрочемъ, четырнадцатая, пятнадцатая и шестнадцатая буквы, составляли аглійское слово «ice», а восемьдесятъ четвертая, восемьдесятъ пятая и восемьдесятъ седьмая слово «sir». Наконецъ, въ серединѣ документа и на второй и третьей строчкахъ я замѣтилъ латинскія слова «rota», «mutadile», «ira», «nec», «atra».

— Чортъ возьми!—подумалъ я.—Пожалуй, дядя и правъ относительно этого документа. Тутъ я еще нашелъ на четвертой строкѣ слово «luco», что означаетъ по-латински «священная роща». Правда, что на третьей строчкѣ красовалось слово «tabiled» безспорно еврейскаго происхожденія, а на послѣдней—слова несомнѣнно французскія «mer», «arc», «mère».

Умъ положительно заходилъ за разумъ! Четыре разныхъ нарѣчія встрѣчались въ одной нелѣпой фразѣ! Какое отношеніе могло быть между словами «ледъ, господинъ, гнѣвъ, жестокій, священная роща, измѣнчивый, мать, лукъ и море?» Только между первымъ и послѣднимъ могла быть связь. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ документѣ, написанномъ въ Исландіи, говорится о «ледовитомъ морѣ». Но какъ разобраться въ остальной криптограммѣ!

Я ломалъ голову надъ неразрѣшимой задачей. Кровь прилила къ мозгу. Глаза не могли оторваться отъ исписаннаго листка. Сто тридцать двѣ буквы, казалось кружились вокругъ меня, какъ тѣ капли огненнаго дождя, который мелькаетъ передъ утомленными глазами послѣ усиленной работы мозга.

Я начиналъ галлюцинировать. Я задыхался. Мнѣ нечѣмъ было дышать. Машинально я схватилъ листокъ бумаги и началъ обмахиваться имъ, причемъ взглядъ мой невольно падалъ то на лицевую, то на оборотную сторону.

Каково же было мое удивленіе, когда во время быстраго полета бумаги, въ моментъ, когда оборотная сторона была обращена ко мнѣ, я ясно увидѣлъ латинскія слова, между прочимъ «craterem» и «terrestre».

Вдругъ меня осѣнила мысль. Эти указанія открыли мнѣ истину. Я нашелъ ключъ шифра. Незачѣмъ было даже читать документъ сквозь перевернутый листъ. Нѣтъ, его можно было бѣгло читать такъ, какъ его продиктовали по слогамъ. Всѣ остроумныя комбинаціи профессора оправдывались. Онъ былъ правъ относительно группировки буквъ и языка документа. Не доставало бездѣлицы, чтобы онъ могъ прочитать эту латинскую фразу съ начала до конца и слѣпой случай открылъ мнѣ эту бездѣлицу.

Легко представить себѣ мое волненіе! Все затуманилось у меня въ глазахъ, и я ничего не видѣлъ. Я разложилъ листокъ бумаги на столѣ. Стоитъ мнѣ взглянуть на него, и я узнаю тайну.

Наконецъ, я немного успокоился, заставилъ собя обойти два раза вокругъ комнаты, чтобы дать нервамъ время улечься и снова опустился въ кресло.

— Прочитаемъ! — воскликнулъ я, вдохнувъ въ себя побольше воздуха.

Я наклонился надъ столомъ и, водя пальцемъ по буквамъ, не останавливаясь и не колебаясь, громко прочиталъ всю фразу.

Мною овладѣло изумленіе и страхъ. То, что я прочелъ, какъ громомъ поразило меня. Неужели это дѣйствительно было! Неужели нашелся человѣкъ, который дерзнулъ проникнуть!..

— Ахъ! —воскликнулъ я, вскакивая,—нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Дядя не долженъ этого знать! Если онъ только узнаетъ о подобномъ путешествіи, онъ захочетъ самъ предпринять его; Ничто не будетъ въ силахъ остановить его! Такой ярый геологъ, какъ онъ, не остановится ни передъ чѣмъ! Онъ и меня возьметъ съ собою, и мы никогда не вернемся! Никогда! никогда!

Я былъ страшно взволнованъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ! — энергично твердилъ я,—въ моихъ рукахъ есть средство помѣшать, чтобы подобная мысль не пришла въ голову моему дядѣ, и я воспользуюсь имъ. Вертя документъ и такъ, и сякъ, онъ можетъ случайно найти ключъ «шифра». Лучше всего уничтожить его!

*

Огонь въ каминѣ догоралъ. Дрожащею рукою я схватилъ не только листокъ бумаги, но и пергаментъ Сакнуссема и хотѣлъ бросить все это на уголья, уничтожить опасную тайну, какъ вдругъ дверь кабинета открылась. Вошелъ дядя.

V.

Я не успѣлъ положить на столъ злополучный документъ.

Профессоръ Лиденброкъ казался глубоко поглощеннымъ какою-то мыслью.

Навязчивая мысль не давала ему покоя. Повидимому, онъ во время прогулки хорошо взвѣсилъ и обдумалъ дѣло, пустилъ въ ходъ всѣ пружины своего воображенія, а теперь возвратился, чтобы испытать придуманную имъ новую комбинацію.

Въ самомъ дѣлѣ онъ сѣлъ въ кресло, взялся за перо и принялся писать какія-то формулы, похожія на алгебраическія.

Я видѣлъ, какъ дрожала его рука, слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ. Чего-то онъ добьется, къ какому неожиданному выводу придетъ? Напрасно, я, однако, боялся: вѣдь единственная вѣрная комбинація уже найдена мною и всякая иная попытка останется безплодной.

Дядя работалъ цѣлыхъ три часа, молча и не поднимая головы; онъ писалъ, зачеркивалъ, снова писалъ, стиралъ написанное, начиналъ съ начала въ тысячный разъ.

Я зналъ, что если ему удастся поставить буквы въ извѣстномъ порядкѣ, получится фраза. Но мнѣ было также извѣстно, что изъ двадцати буквъ можно составить два квинтильона, четыреста тридцать два квадрильона, девятьсотъ два трильона, восемь мильярдовъ, сто семьдесятъ шесть милліоновъ, шестьсотъ сорокъ тысячъ комбинацій. Фраза же состояла изъ ста тридцати двухъ буквъ, изъ которыхъ можно было составить множество другихъ фразъ.

Я былъ спокоенъ относительно способа дяди рѣшить задачу.

Между тѣмъ время шло. Уже стемнѣло. Уличный шумъ замолкъ. Дядя продолжалъ сидѣть, склонившись надъ задачей.

Марта пріоткрыла дверь.

— Не угодно ли поужинать, баринъ?—спросила она.

Онъ не видѣлъ ее и не слышалъ ея вопроса. Марта такъ и ушла, не дождавшись отвѣта. Я долго боролся съ одолѣвав-

шею меня дремотой, но, наконецъ, заснулъ въ углу дивана, а дядя Лиденброкъ все считалъ, зачеркивалъ и писалъ.

Когда я проснулся на слѣдующее утро, неутомимый труженникъ все еще работалъ. Глаза у него были красные, лицо мертвенно блѣдное, съ красными лихорадочными пятнами на щекахъ, волосы спутаны. Все свидѣтельствовало о невѣроятной борьбѣ съ непреодолимымъ, о страшномъ напряженіи мозга. Долгіе часы работы страшно утомили его.

Мнѣ стало жаль дядю. Я сталъ журить его, но невольно умилялся надъ его терпѣніемъ. Бѣдняга былъ такъ поглощенъ своею мыслью, что даже не сердился. Вся его жизненная энергія ушла въ одинъ предметъ, а такъ какъ она не находила истока чрезъ обычную фонтанель, можно было ожидать, что отъ чрезмѣрнаго напряженія онъ лопнетъ.

Однимъ жестомъ, словомъ однимъ я могъ разжать тиски, стиснувшіе его черепъ, но я этого не сдѣлалъ.

Между тѣмъ я никогда не былъ злымъ человѣкомъ. Почему же я молчалъ въ этомъ случаѣ? Въ интересахъ моего же дяди.

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторялъ я мысленно,—не скажу!

Я его знаю не сегодня: онъ непремѣнно захочетъ отправиться туда и ничто не будетъ въ силахъ удержать его. Воображеніе у него вулканическое, и онъ охотно поставитъ на карту жизнь, лишь бы сдѣлать то, чего не дѣлали другіе геологи. Буду же молчать и хранить случайно узнанную мною тайну. Открывъ ее, я погублю профессора Лиденброка. Пусть откроетъ ее самъ, если можетъ. Не хочу, чтобы на моей совѣсти былъ грѣхъ, что я его толкнулъ навстрѣчу смерти.

Принявъ такое рѣшеніе, я ждалъ, сложа руки. Я, однако, не предвидѣлъ того, что случилось нѣсколько часовъ спустя.

Когда Марта отправилась на базаръ, она нашла выходную дверь запертою. Въ замочной скважинѣ не было ключа. Кто могъ вынуть его? Очевидно, дядя, вернувшись наканунѣ съ прогулки.

Сдѣлалъ ли онъ это нечаянно или преднамѣренно? Ужъ не собирается ли онъ морить насъ голодомъ? Это было бы ужъ слишкомъ! Неужели Марта и я сдѣлаемся жертвами положенія, до котораго намъ въ сущности нѣтъ ровно никакого дѣла? Тутъ я вспомнилъ прецедентъ, который испугалъ меня. Нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ, дядя работалъ надъ своей системой классификаціи и не ѣлъ двое сутокъ. Весь домъ сидѣлъ тогда на этой научной діэтѣ. Я былъ въ то время довольно прожорливымъ юношей и даже захворалъ отъ такого поста.

Между тѣмъ о завтракѣ не было рѣчи, какъ наканунѣ объ ужинѣ. Я принялъ, однако, героическое рѣшеніе, что не сдамся, несмотря на муки голода. Добрая Марта была въ отчаяніи. Что же касается меня, то меня больше всего огорчала невозможность выйти изъ дома. Читатель пойметъ, почему.

А дядя все работалъ. Воображеніе его жило въ мірѣ идей и комбинацій. Онъ, казалось, забылъ все земное.

Въ полдень я не на шутку проголодался. Марта по простотѣ душевной съѣла наканунѣ все, что оставалось въ кладовой; въ домѣ не было никакой провизіи. Однако, я выдерживалъ характеръ. Это было для меня вопросомъ самолюбія.

Пробило два часа. Это, наконецъ, становилось и смѣшно, и невыносимо. Я широко раскрылъ глаза. Я началъ увѣрять себя, что документъ вовсе не имѣетъ важности, какую я ему придаю, что дядя не повѣритъ ему, приметъ за мистификацію, что, въ крайнемъ случаѣ, если онъ захочетъ предпринять это путешествіе, его можно будетъ остановить, что, наконецъ, онъ можетъ найти ключъ къ шифру самъ и тогда окажется, что я напрасно постился.

Всѣ эти доводы, которые я съ негодованіемъ отвергъ бы наканунѣ, показались мнѣ превосходными, мнѣ показалось даже нелѣпымъ, что я такъ долго молчалъ, и рѣшилъ сказать все.

Я искалъ уже, съ чего начать, какъ вдругъ дядя всталъ, взялъ шляпу и собрался уходить.

Что! онъ опять уйдетъ и оставитъ насъ подъ замкомъ! Ни за что!

— Дядя!—сказалъ я.

Онъ, казалось, не слышалъ.

— Дядя Лиденброкъ!—повторилъ я погромче.

— А?—спросилъ онъ, словно очнувшись отъ сна.

— Этотъ ключъ я нашелъ.

— Какой? отъ двери?

— Нѣтъ,—воскликнулъ я,—ключъ къ документу!

Профессоръ посмотрѣлъ на меня черезъ очки. Должно быть онъ уловилъ въ моемъ лицѣ что-то необычайное, потому что

схватилъ меня за руки и, не будучи въ состояніи говорить, спросилъ меня взглядомъ. Этотъ нѣмой вопросъ былъ однако совершенно ясенъ.

Я утвердительно кивнулъ головой.

Онъ же покачалъ головой какъ бы съ видомъ сожалѣнія ко мнѣ, безумцу.

Я сдѣлалъ болѣе увѣренный жестъ.

Глаза его блестѣли, рука судорожно сжалась въ кулакъ.

Нашъ нѣмой разговоръ не преминулъ бы заинтересовать самаго безучастнаго зрителя. Я уже почти не рѣшался говорить, боясь, что дядя отъ радости задушитъ меня въ своихъ объятіяхъ. Но онъ требовалъ такъ настоятельно, что надо было отвѣчать.

— Да, этотъ ключъ... случайно...

— Что ты говоришь?—воскликнулъ онъ, оживляясь.

— Вотъ, — протянулъ я ему исписанный мною листокъ бумаги,—прочтите.

— Это ничего не значитъ!—отвѣчалъ онъ, комкая листъ.

— Ничего, если начнете читать съ начала, но попробуйте читать съ конца...

Не успѣлъ я окончить фразы, какъ профессоръ закричалъ, даже не закричалъ, а зарычалъ! Его внезапно осѣнила мысль, и онъ весь преобразился.

— Ахъ! хитрый Сакнуссемъ! — воскликнулъ онъ. — Онъ сначала написалъ фразу наоборотъ!

Онъ поднялъ листокъ бумаги и, чуть не плача отъ волненія, дрожащимъ голосомъ прочиталъ весь документъ съ последней буквы до первой.

Вотъ что въ немъ говорилось:

In Sneffels Yoculis craterem kem delibat umbra Scartaris Julii intra calendas descende, audas viator, et terrestre centrum attinges. Kod feci. Arne Saknussem.

Слова эти, написанныя на плохомъ латинскомъ языкѣ, означали приблизительно слѣдующее:

«Смѣлый путешественникъ, спустись въ кратеръ Іокуль въ Снеффельсѣ, который раньше первыхъ чиселъ іюля ласкаетъ тѣнь Скартариса, и ты проникнешь въ центръ земли, какъ это сдѣлалъ я. Арне Сакнуссемъ.

Прочитавъ это, дядя подпрыгнулъ такъ, какъ будто нечаянно прикоснулся къ лейденской банкѣ. Отвага, радость, глубокое убѣжденіе, казалось, переродили его. Онъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, хватался обѣими руками за голову, сдвигалъ стулья съ мѣста, перекладывалъ книги съ мѣста на мѣсто, подбрасывалъ на воздухъ свои драгоцѣнныя жеоды, стучалъ кулакомъ, щелкалъ пальцами. Наконецъ, нервы успокоились и какъ человѣкъ, утомленный потерею большого количества животнаго организма, онъ упалъ въ кресло.

— Который часъ?—спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Три,—отвѣчалъ я.

— Ба! да я пропустилъ часъ обѣда и ужасно голоденъ. Пойдемъ обѣдать, а потомъ...

— Потомъ?

— Уложи мой чемоданъ.

— Что!—воскликнулъ я.

— Да кстати и свой тоже!—возразилъ безжалостный профессоръ, входя въ столовую.

VI.

При этихъ словахъ дрожь пробѣжала у меня по всему тѣлу. Однако, я сдержался и рѣшилъ даже не показывать вида, что у меня кошки скребутъ на сердцѣ. Только научные доводы могли остановить профессора Лиденброка. Доводы, и очень основательные противъ осуществимости подобнаго путешествія, конечно, были. Что за безуміе предпринимать путешествіе къ центру земли! Но я приберегалъ свою аргументацію до удобнаго случая и занялся обѣдомъ.

Увидѣвъ пустой столъ, дядя, конечно, началъ кричать и сердиться. Тогда все объяснилось. Мартѣ возвратили полную свободу, она побѣжала на рынокъ и, благодаря ея стараніямъ, черезъ часъ я могъ уже, утоливъ голодъ, обдумать положеніе дѣла.

За обѣдомъ дядя былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Онъ подшучивалъ довольно наивно, какъ вообще острятъ ученые. Послѣ дессерта онъ знакомъ велѣлъ мнѣ слѣдовать за нимъ въ кабинетъ.

Я повиновался. Онъ сѣлъ у одного конца своего письменнаго стола, я сѣлъ у противоположнаго.

— Аксель,—заговорилъ онъ ласково,—ты не глупый малый. Ты оказалъ мнѣ большую услугу въ моментъ, когда я уже готовъ былъ признать себя побѣжденнымъ и отказаться отъ рѣшенія задачи. Я могъ запутаться Богъ знаетъ какъ. Никогда не забуду, какую услугу ты мнѣ оказалъ и сдѣлаю тебя за это участникомъ своей славы.

— Онъ въ хорошемъ расположеніи духа,—подумалъ я,—теперь какъ разъ удобный моментъ разубѣдить его.

— Прежде всего,—продолжалъ дядя,—настоятельно прошу тебя хранить тайну. Слышишь? У меня есть завистники среди ученыхъ, и многіе изъ нихъ захотѣли бы предпринять это путешествіе. Пусть же, пока мы не вернемся, они ничего не знаютъ о немъ.

— Вы думаете, что много найдется такихъ смѣльчаковъ?—спросилъ я.

— Конечно же! Всякому хочется прославиться! Еслибы опубликовать этотъ документъ, цѣлая армія геологовъ отправилась бы по слѣдамъ Арне Сакнуссема.

— Сомнѣваюсь, дядюшка; вѣдь ничто не доказываетъ достовѣрность этого документа.

— Какъ, а книга, въ которой мы его нашли?

— Прекрасно! Допустимъ, что Сакнуссемъ дѣйствительно написалъ эти строчки; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы онъ совершилъ это путешествіе; можетъ быть, этотъ старый пергаментъ—сущая мистификація!

Я тотчасъ же пожалѣлъ, что рискнулъ произнести это слово. Профессоръ нахмурился, и я опасался, что неосторожнымъ словомъ испортилъ все дѣло. Къ счастью, мои опасенія не сбылись. Дядя только иронически улыбнулся и сказалъ:

— А вотъ посмотримъ.

— Ахъ!—замѣтилъ я нѣсколько обиженный,—позвольте, я высказалъ вамъ еще не все относительно этого документа.

— Говори, другъ мой, не стѣсняйся. Ты можешь свободно высказать свое мнѣніе. Теперь ты уже не племянникъ только, а мой коллега. Ну-съ, я слушаю.

— Такъ вотъ позвольте васъ спросить, что это за Іокуль, Снеффельсъ и Скартарисъ, о которыхъ я никогда раньше не слышалъ?

— Ничего не можетъ быть проще. Я очень кстати полу-

чилъ недавно карту отъ моего друга Петермана изъ Лейпцига. Возьми третій атласъ во второмъ пролетѣ библіотеки, серія Z, полка 4.

Я всталъ и, благодаря тщательности указанія, очень скоро нашелъ атласъ. Дядя открылъ его и сказалъ:

— Вотъ одна изъ лучшихъ географическихъ картъ Исландіи, изданная Гандерсономъ. Я думаю, что она разрѣшитъ всѣ наши сомнѣнія.

Я наклонился надъ картой.

— Островъ изобилуетъ вулканами,—сказалъ профессоръ,— и всѣ они носятъ названіе Іокуль. Слово это означаетъ по исландски «ледникъ», «глетчеръ». Подъ широтой, на которой находится Исландія изверженія вулкановъ прорываются черезъ слои льда. Вотъ почему всѣ огнедышащія горы острова носятъ названія Іокуль.

— Хорошо,—отвѣчалъ я.—Но что значитъ Снеффельсъ?

Я надѣялся, что дядя не съумѣетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Я ошибался. Дядя продолжалъ:

— Взгляни на западный берегъ Исландіи. Видишь ея столицу Рейкіавикъ? Да? Хорошо. Поднимись по безчисленнымъ фіордамъ этихъ изрѣзанныхъ моремъ береговъ и остановись немного ниже 65° широты. Что ты видишь?

— Подобіе полуострова, похожаго на кость, съ которой снято мясо, и заканчивающуюся колѣннымъ суставомъ.

— Вѣрное сравненіе, другъ мой. Не замѣчаешь ли ты чего нибудь на этомъ суставѣ?

— Гору, вдающуюся въ море.

— Вотъ это и есть Снеффельсъ.

— Снеффельсъ?

— Да. Гора эта, имѣющая пять тысячъ футовъ вышины, самая замѣчательная на всемъ островѣ, а можетъ быть и въ мірѣ, если только ея кратеръ ведетъ къ центру земного шара.

— Но этого не можетъ быть!—воскликнулъ я, пожимая плечами и не допуская возможности такого предположенія.

— Не можетъ быть?—строго переспросилъ профессоръ Лиденброкъ.—Но почему же?

— Потому что кратеръ этотъ вѣроятно загроможденъ раскаленными камнями, лавой и потому что...

— А если это потухшій кратеръ?

— Потухшій?

— Да. На землѣ всего около трехсотъ дѣйствующихъ вулкановъ; вулкановъ погасшихъ—несравненно больше. Къ этимъ послѣднимъ относится и Снеффельсъ. Исторія помнитъ только одно изверженіе этого вулкана въ 1219 г.; съ тѣхъ поръ подземный гулъ мало-по-малу затихъ, и вулканъ пересталъ дѣйствовать.

Мнѣ нечего было возражать на эти положительныя увѣренія дяди; поэтому я постарался обратить его вниманіе на другія неясности документа.

— Что значитъ слово Скартарисъ,—спросилъ я,—и причемъ тутъ первыя числа іюля?

Дядя задумался. На мгновеніе во мнѣ ожила надежда, но это было лишь одно мгновеніе, потому что, подумавъ, онъ возразилъ мнѣ:

— То, что тебѣ кажется неясностью, по моему проливаетъ свѣтъ. Это только доказываетъ, что Сакнуссемъ хотѣлъ точно обозначить свое открытіе. Въ Снеффельсѣ — нѣсколько кратеровъ, слѣдовательно надо было опредѣлить, который изъ нихъ ведетъ къ центру земного шара. Что же сдѣлалъ ученый исландецъ? Онъ замѣтилъ, что до первыхъ чиселъ іюля, или въ концѣ іюня одна изъ острыхъ вершинъ горы, а именно Скартарисъ, бросаетъ тѣнь до отверстія этого кратера. Онъ и отмѣтилъ этотъ фактъ въ своемъ документѣ. Можно ли было пріискать болѣе точное указаніе? Достигнувъ вершины Снеффельса, мы безъ труда найдемъ дорогу, которою должны слѣдовать.

Положительно у дяди на все готовъ отвѣтъ. Я убѣдился, что словами древняго пергамента его въ тупикъ не поставишь. Итакъ, я оставилъ этотъ предметъ и перешелъ, чтобы убѣдить его, къ научнымъ возраженіямъ, которыя имѣли, по моему мнѣнію, больше значенія и силы.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ я, — я долженъ согласиться, что фраза Сакнуссема ясна и не допускаетъ никакого сомнѣнія. Допускаю даже, что документъ выглядитъ вполнѣ подлиннымъ. Ученый спустился въ кратеръ Снеффельса; онъ видѣлъ, какъ раньше первыхъ чиселъ іюля тѣнь Скартариса ласкала воронку кратера; слышалъ легенды современниковъ о томъ, будто кратеръ этотъ ведетъ къ центру земли; но чтобы

онъ самъ проникъ туда и возвратился изъ подобнаго путешествія, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

— Но почему бы и нѣтъ?—насмѣшливо спросилъ дядя.

— Потому что всѣ научныя теоріи доказываютъ, что подобное предпріятіе неосуществимо!

— Всѣ теоріи доказываютъ это? — возразилъ дядя, принимая наивный видъ. — Ахъ! противныя теоріи! Какъ онѣ намъ помѣшаютъ!

Я замѣтилъ, что онъ подсмѣивается надо мною, но тѣмъ не менѣе продолжалъ:

— Да! Давно извѣстно, что температура земного шара по мѣрѣ углубленія внутрь повышается на одинъ градусъ на каждые семьдесятъ футовъ. Принимая во вниманіе, что радіусъ земного шара имѣетъ тысячу пятьсотъ миль длины, можно предположить, что въ центрѣ земли температура достигаетъ двухъ милліоновъ градусовъ. Всѣ вещества, находящіяся внутри земного шара, должны находиться при такой температурѣ въ состояніи раскаленныхъ газовъ. Золото, платина, другіе металлы, даже камни не могутъ выдержать такой жары. Мыслимо ли людямъ проникнуть въ такую область, спрашиваю я васъ?

— Тебя смущаетъ высокая температура, Аксель?

— Конечно же. Если мы проникнемъ даже только на глубину десяти миль, гдѣ кончается земная кора, то и тамъ уже температура будетъ выше тысячи трехсотъ градусовъ.

— И ты боишься расплавиться?

— Рѣшайте теперь сами этотъ вопросъ,—отвѣчалъ я, не скрывая своего неудовольствія.

— Вотъ какъ я рѣшу,—возразилъ профессоръ Лиденброкъ, напуская на себя важность.—Ни тебѣ, ни кому либо другому неизвѣстно, что происходитъ въ глубинѣ земного шара, потому что люди едва изучили одну двѣнадцатитысячную часть земли по радіусу. Наука постоянно совершенствуется. Старыя теоріи то и дѣло совершенно уничтожаются новыми. Долго думали, что температура воздушнаго пространства безконечно понижается по мѣрѣ удаленія отъ планетъ; Фурье опровергъ эту теорію. Въ настоящее время стало извѣстнымъ, что температура въ воздушномъ пространствѣ понижается самое большее на сорокъ, пятьдесятъ градусовъ ниже нуля. То же можетъ быть и относительно внутренней температуры. Почему бы,

поднявшись до извѣстной границы, ей не оставаться безъ измѣненія, вмѣсто того, чтобы подниматься до такой высоты, при которой расплавляются всѣ минералы?

Дядя перешелъ на гипотезы, и я не могъ ничего возразить.

— Настоящіе ученые, напримѣръ Пуассонъ, доказываютъ, что еслибы внутри земного шара температура поднималась до двухъ милліоновъ градусовъ, раскаленные газы, происшедшіе отъ расплавленныхъ веществъ, пріобрѣли бы такую упругость, что земная кора не выдержала бы ихъ давленія и земля разлетѣлась бы, какъ котелъ, взорвавшійся отъ давленія пара.

— Это—мнѣніе Пуассона, дядя, и только.

— Правда, но и другіе извѣстные геологи думаютъ, что ядро земного шара состоитъ не изъ газа, не изъ воды, ни даже изъ наиболѣе тяжелыхъ камней, потому что тогда онъ имѣлъ бы вдвое меньшій вѣсъ.

— Цифрами можно доказать что угодно!

— Фактами тоже, другъ мой. Вѣдь со времени мірозданія до нашихъ дней число вулкановъ значительно уменьшилось. Изъ этого можно заключить, что земной шаръ охладѣваетъ внутри.

— Если вы станете вдаваться въ гипотезы, дядя, я не стану и возражать.

— Я хочу доказать тебѣ, что мое мнѣніе подтверждается мнѣніемъ компетентныхъ людей. Помнишь, что въ 1825 г. меня посѣтилъ извѣстный англійскій химикъ Гемфри Дэви?

— Какъ же я буду помнить, когда я родился девятнадцать лѣтъ спустя?

— Все равно. Такъ вотъ Гемфри Дэви, находясь проѣздомъ въ Гамбургѣ, навѣстилъ меня. Мы долго говорили о разныхъ вопросахъ, между прочимъ о предположеніи нѣкоторыхъ, будто ядро земного шара находится въ жидкомъ состояніи. Оба мы пришли къ убѣжденію, что этого не можетъ быть.

— Почему?—спросилъ я.

— Потому что жидкая масса, какъ океанъ, была бы подвержена притяженію луны и, такимъ образомъ, два раза въ день происходили бы внутренніе отливы и приливы, которые приподнимая земную кору, производили бы періодическія землетрясенія!

— Но вѣдь несомнѣнно, что земной шаръ горѣлъ когда то; можно предположить, что охладѣла земная кора, но что внутри температура все еще очень повышенная.

— Ошибаешься, — отвѣчалъ дядя, — земля раскалилась отъ того, что горѣла ея поверхность. На поверхности земли было много металловъ, какъ натрій, калій, которые загораются при простомъ прикосновеніи воздуха и воды. Когда охладѣвшіе пары атмосферы пролились на землю дождемъ, металлы эти загорѣлись. Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ вода проникала въ трещины земной коры, начались новые пожары съ взрывами и изверженіями. Вотъ почему въ первые дни мірозданія на землѣ было такъ много вулкановъ.

— Остроумная гипотеза! — не удержался я отъ восклицанія.

— Гемфри Дэви убѣдилъ меня путемъ простого химическаго опыта, который онъ произвелъ при мнѣ. Онъ сдѣлалъ, главнымъ образомъ, изъ названныхъ мною металловъ шаръ, который долженъ былъ представлять землю. Стоило брызнуть на этотъ шаръ водою, какъ онъ раздувался окислялся, на его поверхности появлялся бугорокъ, на вершинѣ котораго открывался кратеръ; начиналось изверженіе, вслѣдствіе котораго весь шаръ нагрѣвался такъ, что его нельзя было держать въ рукахъ.

Доводы профессора начинали убѣждать меня; онъ доказывалъ съ обычными одушевленіемъ и страстью.

— Видишь, Аксель, — продолжалъ онъ, — ученые создавали массу теорій относительно свойства ядра земного шара. Ничто не доказываетъ высокой внутренней температуры земли, а по моему это и вовсе неправда. Впрочемъ, посмотримъ и убѣдимся сами, какъ это сдѣлалъ Арне Сакнуссемъ.

— Хорошо же! — сказалъ я, увлеченный его энтузіазоммъ; — посмотримъ, если только тамъ можно что нибудь видѣть!

— Отчего же? Мы можемъ разсчитывать на электрическія явленія, которыя освѣщаютъ внутренность земного шара; наконецъ, по мѣрѣ приближенія къ центру, самый воздухъ, подъ вліяніемъ сильнаго давленія, можетъ быть свѣтящимся.

— Да! — сказалъ я. — Можетъ быть все это и въ самомъ дѣлѣ такъ.

— Непремѣнно такъ, — торжествовалъ дядя. Но ты молчи; понимаешь ли, ты долженъ молчать обо всемъ этомъ, чтобы кто нибудь не изслѣдовалъ раньше насъ центра земли.

VII.

Такъ кончился нашъ достопамятный разговоръ, послѣ котораго меня такъ и трясла лихорадка. Я вышелъ изъ кабинета дяди, какъ пьяный. На улицахъ Гамбурга мнѣ не хватало воздуха, и я пошелъ къ берегу Эльбы, къ тому мѣсту, откуда отходитъ паровой паромъ, совершающій рейсы между городомъ и Гамбургской желѣзной дорогой.

Былъ ли я дѣйствительно убѣжденъ только что слышанными доводами? Не слишкомъ ли я поддался вліянію профессора Лиденброка? Неужели слѣдуетъ смотрѣть на его рѣшеніе проникнуть къ центру земли, какъ на серьезное? Что это я только что слышалъ: безумные разсчеты сумасшедшаго, или научные выводы великаго генія? Гдѣ во всемъ этомъ кончается истина и начинаются заблужденія?

Передо мною носилась тысяча противорѣчивыхъ гипотезъ и я не зналъ, къ которой изъ нихъ склониться.

Я помнилъ одно, что дядя убѣдилъ меня; но мой восторгъ начиналъ охладѣвать, и ужъ если непремѣнно надо отправляться, мнѣ хотѣлось бы отправиться немедленно, чтобы не было времени раздумать. Въ эту минуту я могъ еще храбро уложить свой дорожный чемоданъ.

Признаюсь, однако, черезъ часъ моего приподнятаго настроенія какъ не бывало. Наступила реакція, и изъ глубины земного шара я вышелъ снова на поверхность.

— Это абсурдъ! — воскликнулъ я. — Это ни съ чѣмъ не сообразно! Умному человѣку нельзя дѣлать подобныхъ предположеній. Ничего подобнаго не существуетъ. Я просто плохо спалъ и мнѣ приснился скверный сонъ.

Между тѣмъ я шелъ по берегамъ Эльбы и обошелъ городъ; повернувъ въ гавань, я вышелъ на дорогу, ведущую въ Альтону... Должно быть у меня было предчувствіе, потому что скоро я увидѣлъ мою милую Граубенъ, возвращавшуюся своею легкой походкой въ Гамбургъ.

— Граубенъ!—закричалъ я ей издалека.

Молодая дѣвушка остановилась. Должно быть ее немного смутило, что кто то посреди большой дороги зоветъ ее по имени. Въ нѣсколько шаговъ, скорѣе прыжковъ, я очутился около нея

— Ты, Аксель?—удивилась она.—Ахъ! ты вѣрно вышелъ встрѣчать меня! Это очень мило съ твоей стороны.

Но взглянувъ на меня, Граубенъ по моему растерянному и озабоченному виду увидѣла, что случилось что то необычайное.

— Что съ тобою?—спросила она, протягивая мнѣ руку.

— Что со мною, Граубенъ!—воскликнулъ я.

Я объяснилъ своей хорошенькой кузинѣ все въ какихъ-нибудь двѣ секунды и въ трехъ фразахъ. Она помолчала нѣсколько минутъ. Билось ли ея сердце такъ, какъ мое, я не знаю, но ручка ея которую я держалъ въ своей рукѣ, не дрогнула. Мы прошли нѣсколько сотъ шаговъ, молча.

— Аксель!—сказала она наконецъ.

— Милая моя Граубенъ!

— Это будетъ чудное путешествіе!

Я такъ и подпрыгнулъ при этихъ словахъ.

— Да, Аксель, ты—достойный племянникъ ученаго. Какъ хорошо, когда человѣкъ прославитъ себя какимъ-нибудь великимъ предріятіемъ!

— Неужели, Граубенъ, ты даже не отсовѣтуешь мнѣ подобную экспедицію.

— Нѣтъ, милый Аксель, еслибы женщина не являлась въ подобныхъ случаяхъ обузой, я охотно отправилась бы вмѣстѣ съ дядей и тобою.

— Ты правду говоришь?

— Правду.

О сердце женщины, сердце дѣвушки! Кто тебя разгадаетъ! Женщины или слишкомъ робки, или чрезмѣрно отважны. Онѣ живутъ не разсудкомъ. Этотъ ребенокъ уговариваетъ меня предпринять такую экспедицію! Она и сама не побоялась бы пуститься въ это путешествіе. Она меня любитъ, а между тѣмъ толкаетъ на такія злоключенія.

Я смутился и, признаюсь, чувствовалъ себя пристыженнымъ.

— Граубенъ, — сказалъ я, — посмотримъ, будешь ли ты такъ говорить завтра.

— Милый Аксель, завтра я скажу то же, что сегодня.

Мы шли съ Граубенъ по дорогѣ, молча и держа другъ друга за руку. Волненія, пережитыя мною въ теченіе дня, сломили меня.

— Въ концѣ концовъ начало іюля еще далеко, а до тѣхъ поръ могутъ случиться событія, которыя заставятъ дядю забыть его манію путешествовать подъ землею.

Уже смерклось, когда мы пришли къ домику на Кенигштрассе. Я ожидалъ, что дома все тихо: дядя уже давно спитъ, а Марта подметаетъ на ночь столовую.

Но я не принялъ въ разсчетъ безпокойный характеръ дяди. Я засталъ его среди кучки носильщиковъ, которые выгружали какія то покупки. Онъ кричалъ, а старая служанка суетилась.

— Да иди же скорѣе, Аксель! Шевелись скорѣе, несчастный!—закричалъ мнѣ дядя, лишь только завидѣлъ меня.— Твои вещи еще не уложены, мои бумаги не убраны, я не могу найти ключа отъ своего чемодана и моихъ штиблетъ все еще не прислали!

Я такъ и остолбенѣлъ. Даже голосъ у меня пропалъ, и я не могъ говорить.

— Такъ мы уѣзжаемъ?—вотъ все, что я могъ произнести.

— Да, несчастный юноша, а ты разгуливаешь себѣ, когда ты тутъ нуженъ.

— Уѣзжаемъ?—чуть слышно выговорилъ я опять.

— Да послѣ завтра утромъ, чуть свѣтъ.

Я больше и слушать не сталъ и убѣжалъ въ свою комнату.

Не оставалось никакого сомнѣнія: дядя употребилъ весь день на пріобрѣтеніе необходимыхъ для путешествія вещей. Всѣ сѣни были завалены веревочными лѣстницами, факелами, фляжками, желѣзными крюками, кирками, палками, ломами. Чтобы перенести все это понадобилось бы человѣкъ десять.

Я провелъ мучительную ночь. На слѣдующій день меня разбудили очень рано. Я рѣшилъ, что не открою двери. Но какъ было устоять, когда ласковый голосъ позвалъ меня: «Мой милый Аксель!»

Я вышелъ изъ своей комнаты. Я думалъ, что мой измученный видъ, блѣдное лицо, покраснѣвшіе отъ безсонницы глаза произведутъ впечатлѣніе на Граубенъ и заставятъ ее перемѣнить мнѣніе.

— Ахъ, дорогой Аксель! — сказала она,—я вижу что за ночь ты успокоился и чувствуешь себя лучше.

— Успокоился!—вскричалъ я.

Я бросился къ зеркалу. Въ самомъ дѣлѣ, я выглядѣлъ лучше, чѣмъ ожидалъ. Это было просто невѣроятно.

— Аксель,—сказала мнѣ Граубенъ,—я долго говорила съ моимъ опекуномъ. Это смѣлый ученый, человѣкъ необычайной отваги, помни же, что въ твоихъ жилахъ течетъ его кровь. Онъ разсказалъ мнѣ о своихъ планахъ и надеждахъ, объяснилъ, почему онъ надѣется достигнуть цѣли. Не сомнѣваюсь, что это ему удастся. Ахъ, дорогой Аксель, какъ хорошо такъ любить науку! Профессоръ Лиденброкъ прославится, и частица его славы выпадетъ на долю его спутника... Когда ты вернешься, Аксель, ты будешь равнымъ профессору человѣкомъ который можетъ свободно говорить, поступать, наконецъ...

Молодая дѣвушка не докончила фразы, а только покраснѣла. Слова ея вливали въ меня энергію. Но мнѣ положительно не вѣрилось, что мы ѣдемъ. Я пошелъ вмѣстѣ съ Граубенъ въ кабинетъ профессора.

— Дядя,—сказалъ я,—отъѣздъ нашъ безповоротно рѣшенъ?

— Ты все еще сомнѣваешься?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, не желая его раздражать.—Только позвольте васъ спросить, зачѣмъ намъ такъ спѣшить?

— Но вѣдь время летитъ страшно быстро.

— Сегодня 26-е мая и до конца мая времени...

— Ты думаешь, что въ Исландію попасть такъ просто? Еслибы ты не убѣжалъ изъ дома, какъ сумасшедшій, я взялъ бы тебя съ собою въ контору Копенгагенскаго пароходства Лифлендера и К°, и ты узналъ бы, что между Копенгагеномъ и Рейкіавикомъ ходитъ только одинъ пароходъ.

— Ну, такъ что же?

— А то же, что если мы не уѣдемъ до 22 іюня, мы не поспѣемъ къ тому времени, когда тѣнь Скартариса ласкаетъ кратеръ Снеффельса. Итакъ, надо какъ можно скорѣе ѣхать въ Копенгагенъ, чтобы найти способъ переправиться въ Исландію. Ступай скорѣе укладывать чемоданъ.

Тутъ было не до возраженій. Я возвратился въ свою комнату. Граубенъ слѣдовала за мною. Она взялась укладывать необходимыя дорожныя вещи въ чемоданъ. Она такъ же мало волновалась, какъ еслибы дѣло шло о поѣздкѣ въ Любекъ или Гельголандъ. Ея маленькія ручки работали, не спѣша. Говорила

она спокойно, доказывая мнѣ всю пользу и прелесть предстоящаго путешествія. Она была очаровательна, и въ то же время я былъ страшно сердитъ на нее. Повременамъ я готовъ былъ раскричаться, но она, не обращая вниманія, спокойно продолжала свое дѣло.

Наконецъ, чемоданъ былъ перетянутъ ремнемъ, и я сошелъ въ первый этажъ.

Въ теченіе дня одинъ за другимъ являлись посыльные изъ разныхъ магазиновъ съ физическими инструментами, оружіемъ, электрическими приборами. Марта просто голову теряла.

— Ужъ не сошелъ ли баринъ съ ума?—спросила она меня.

Я утвердительно кивнулъ головою.

— Онъ и васъ беретъ съ собою?

Я повторилъ тотъ же жестъ.

— Куда?—продолжала она допрашивать.

Я пальцемъ указалъ на землю.

— Въ погребъ?—воскликнула старая служанка.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—гораздо глубже.

Наступилъ вечеръ. Я не имѣлъ никакого представленія о времени.

— Покойной ночи,—сказалъ дядя,—завтра ровно въ шесть часовъ мы тронемся въ путь.

Въ десять часовъ вечера я повалился на постель, какъ мертвый.

Ночью мною снова овладѣлъ страхъ.

Меня трясла лихорадка. Мнѣ снились пропасти; снилось, что профессоръ схватилъ меня своею сильною рукою и увлекаетъ меня; чудилось, что я лечу въ бездну съ все возрастающею по мѣрѣ паденія быстротою, какъ тѣла, брошенныя въ пространство. Вся моя жизнь казалась безконечно долгимъ паденіемъ.

Въ пять часовъ утра я проснулся усталый, разбитый физически и нравственно. Я сошелъ въ столовую. Дядя сидѣлъ уже за столомъ и торопливо глоталъ завтракъ. Мнѣ даже смотрѣть на ѣду было противно. Тутъ же сидѣла Граубенъ. Я ничего не сказалъ, но ѣсть не могъ

Въ половину шестого на улицѣ послышался стукъ колесъ. За нами пріѣхала карета, чтобы отвезти насъ въ Альтону. Всю ее завалили дорожными тюками дяди.

— А твой чемоданъ?—спросилъ онъ меня.

— Готовъ,—отвѣчалъ я, чуть не падая въ обморокъ.

— Такъ вели же его принести скорѣе. Мы опоздаемъ на поѣздъ изъ-за тебя!

Я увидѣлъ, что бороться съ судьбой невозможно, пошелъ въ свою комнату, спустилъ свой чемоданъ по лѣстницѣ и самъ въ отчаяніи ринулся вслѣдъ за нимъ.

Тѣмъ временемъ дядя торжественно передавалъ Граубенъ бразды правленія въ домѣ. Хорошенькая дѣвушка была спокойна, какъ всегда. Она поцѣловала опекуна, но когда губки ея коснулись моей щеки, у нея навернулись слезы на глаза.

— Граубенъ!—воскликнулъ я.

— Поѣзжай, Аксель, ты покидаешь свою невѣсту, но когда пріѣдешь найдешь свою жену.

Я крѣпко сжалъ Граубенъ въ своихъ объятіяхъ, потомъ сѣлъ въ карету. Марта и молодая дѣвушка, стоя на порогѣ дома, послали намъ послѣдній прощальный привѣтъ. Кучеръ свистнулъ, чтобы подбодрить лошадей, и онѣ галопомъ помчали насъ въ Альтону.

VIII.

Изъ Альтоны, этого настоящаго пригорода Гамбурга, отправляются поѣзда въ Киль. Съ однимъ изъ нихъ мы должны были выѣхать къ побережью Бельтовъ, и не болѣе какъ черезъ двадцать минутъ были уже на Голштинской территоріи.

Въ половину седьмого карета остановилась передъ вокзаломъ; тюки и объемистые дорожные пакеты дяди были выгружены, перенесены, свѣшены, занумерованы и сданы въ багажъ, а въ семь часовъ мы уже сидѣли въ купе вагона другъ противъ друга. Раздался свистокъ, и локомотивъ тронулся. Мы отъѣзжали.

Я все еще не могъ покориться судьбѣ. Но свѣжій утренній воздухъ и быстрая смѣна мелькавшихъ въ окна вагона предметовъ немного развлекли меня.

Профессору же вѣроятно казалось, что поѣздъ идетъ слишкомъ медленно. Кромѣ насъ въ вагонѣ никого не было, но мы не разговаривали. Дядя тщательно пересматривалъ содержимое своихъ кармановъ и дорожныхъ мѣшковъ. Я увидѣлъ,

что у него было рѣшительно все необходимое для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана.

Между прочимъ я замѣтилъ тщательно сложенную бумагу на бланкѣ датской канцеляріи и за подписью датскаго консула въ Гамбургѣ и друга профессора, Христіансена, которая должна была помочь намъ достать въ Копенгагенѣ рекомендательное письмо къ губернатору Исландіи.

Въ самомъ завѣтномъ отдѣленіи бумажника хранился также извѣстный документъ. Я мысленно послалъ этой грамотѣ проклятіе и принялся смотрѣть въ окно. Пейзажъ былъ не изъ любопытныхъ: всюду разстилалась однообразная илистая и довольно плодородная равнина; по ней было бы легко проложить желѣзную дорогу:—товарищества желѣзныхъ дорогъ очень цѣнятъ такія мѣстности.

Однако, однообразіе вида не успѣло мнѣ наскучить, потому что черезъ три часа ѣзды поѣздъ остановился въ Килѣ, въ двухъ шагахъ отъ моря.

Багажъ былъ сданъ до Копенгагена, и намъ не пришлось заботиться о немъ. Впрочемъ, профессоръ съ безпокойствомъ слѣдилъ за своими дорожными тюками, когда ихъ переносили на пароходъ, пока они не исчезли въ трюмѣ.

Въ своей поспѣшности дядя плохо разсчиталъ часы прибытія поѣзда и отплытія парохода, и намъ пришлось потерять цѣлый день. Пароходъ «*Элеонора*» отправлялся вечеромъ. И вотъ, цѣлыхъ девять часовъ раздражительный путешественникъ посылалъ ко всѣмъ чертямъ пароходную и желѣзнодорожную администраціи, а въ придачу и самое правительство, допускающее подобные порядки. Я вторилъ ему, когда онъ сцѣпился по этому поводу съ капитаномъ «*Элеоноры*». Онъ требовалъ, чтобы на пароходѣ сейчасъ же развели пары, — капитанъ не сталъ его и слушать.

Пришлось какъ нибудь убить время. Мы гуляли по зеленымъ берегамъ залива, въ глубинѣ котораго возвышается городокъ, бродили по тѣнистымъ рощамъ, благодаря которымъ Киль напоминаетъ свитое въ вѣтвяхъ дерева гнѣздышко, любовались виллами, изъ которыхъ каждая имѣла свою купальню, наконецъ, просто ходили и проклинали свою судьбу. Такъ прошло время до десяти часовъ вечера.

«*Элеонора*» уже дымила, палуба вздрагивала подъ влія-

ніемъ наполнявшаго котелъ пара. Намъ отвели единственную на пароходѣ каюту съ двумя койками.

Въ десять часовъ пароходъ отвалилъ и быстро пошелъ по темнымъ водамъ Большого Бельта.

Ночь была непроглядная. Свѣжій вѣтеръ волновалъ море. Во мракѣ промелькнуло нѣсколько огоньковъ на берегу, потомъ надъ водою засверкалъ перемежающійся огонь какого-то маяка. Вотъ все, что я помню о началѣ путешествія.

Въ семь часовъ утра мы вышли въ Корсерѣ, небольшомъ городкѣ, расположенномъ на западномъ берегу Зеландіи, и снова сѣли въ поѣздъ, который помчалъ насъ по такой же равнинѣ, по какой мы ѣхали въ Голштиніи.

До столицы Даніи было три часа ѣзды. Дядя всю ночь не смыкалъ глазъ. Нетерпѣніе его было такъ велико, что онъ готовъ былъ, казалось, подталкивать вагонъ ногами, чтобы онъ шелъ скорѣе.

Вдругъ онъ замѣтилъ море.

— Зундъ!—воскликнулъ онъ.

Налѣво промелькнуло огромное больничнаго типа зданіе.

— Домъ сумасшедшихъ,—сказалъ одинъ изъ пассажировъ.

— Вотъ, гдѣ наше мѣсто!—подумалъ я.—Но какъ ни велика эта больница, она все-таки слишкомъ мала, чтобы умѣстить все безуміе профессора Лиденброка!

Наконецъ, въ десять часовъ утра мы прибыли въ Копенгагенъ. Багажъ нашъ взвалили въ карету и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ гостиницу «Фениксъ», въ Бреīъ-Гадѣ. Мы ѣхали туда полчаса, потому что вокзалъ находится за городомъ. Дядя наскоро переодѣлся и потащилъ меня съ собою. Швейцаръ отеля говорилъ по-нѣмецки и по-англійски, но профессоръ, въ качествѣ полиглота, спросилъ его по-датски, тотъ указалъ ему, какъ пройти въ музей сѣверныхъ древностей.

Директоромъ этого интереснаго учрежденія, гдѣ собраны чудеса древности, орудія каменнаго вѣка, кубки, разныя драгоцѣнности, на основаніи которыхъ можно возсоздать исторію страны, былъ другъ гамбургскаго консула, г. Томсонъ.

У дяди было къ нему рекомендательное письмо. Обыкновенно ученые не особенно дружелюбно встрѣчаютъ своихъ коллегъ. Но Томсонъ оказался услужливымъ человѣкомъ и принялъ профессора Лиденброка и его племянника очень радушно. Не-

чего и говорить, что мы не открыли директору музея настоящей цѣли нашего путешествія, а сказали ему, что изъ простой любознательности хотимъ посмотрѣть Исландію, какъ обыкновенные туристы.

Томсонъ предоставилъ себя въ наше распоряженіе, и мы всѣ вмѣстѣ отправились на набережную разузнавать, не отправляется ли въ Исландію какой-нибудь пароходъ.

Я надѣялся, что такого судна не найдется, но ошибся. Маленькая датская шкуна «*Валькирія*» собиралась сняться съ якоря 2-го іюня по назначенію Рейкіавика. Капитанъ Біарнъ оказался на пароходѣ и его будущій пассажиръ чуть не сломалъ ему руку, пожимая ее. Добродушный датчанинъ нѣсколько удивился такой горячности. Рейсы въ Исландію казались ему самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, вѣдь это его ремесло. Дядя же приходилъ въ восторгъ отъ такой поѣздки. Капитанъ воспользовался случаемъ и взялъ съ насъ вдвое большую плату, чѣмъ слѣдовало, за проѣздъ на его пароходѣ. Но мы не придавали никакого значенія такимъ мелочамъ.

— Будьте на пароходѣ въ семь часовъ утра, — сказалъ Біарнъ, опуская въ карманъ значительное количество долларовъ.

Мы поблагодарили Томсона за его заботы о насъ и возвратились въ гостиницу «Фениксъ».

— Дѣло идетъ отлично!—говорилъ дядя.—Какое счастье, что мы нашли этотъ пароходъ, готовящійся отплыть! А теперь позавтракаемъ и пойдемъ осматривать городъ.

Мы отправились на площадь Конгенсъ-Ни-Торвъ, гдѣ находится гауптвахта съ двумя нацѣленными, но никого не пугающими, пушками довольно невиннаго свойства. Недалеко отъ гауптвахты, въ домѣ № 5, былъ ресторанъ, содержатель котораго французъ Винцентъ накормилъ насъ завтракомъ за довольно умѣренную плату по четыре марки съ персоны *).

Я съ почти дѣтскимъ восторгомъ принялся осматривать городъ. Дядя слѣдовалъ за мною, но ничего не видѣлъ: ни невзрачный дворецъ короля, ни хорошенькій мостикъ семнадцатаго столѣтія, перекинутый черезъ каналъ противъ зданія музея, ни огромный украшенный безобразными фресками кенотафъ Торвальдсена, въ которомъ хранятся произведенія этого

---

*) Около 1 рубля.

скульптора, ни замокъ Розенборгъ, похожій на бонбоньерку и расположенный въ довольно красивомъ паркѣ, ни великолѣпное зданіе Биржи, выстроенное въ стилѣ эпохи возрожденія, съ башнею изъ четырехъ переплетающихся хвостовъ бронзовыхъ драконовъ, ни большія мельницы на валу, огромныя крылья которыхъ надувались, какъ заполненные вѣтромъ паруса корабля; ничто не интересовало его.

Какія чудныя мѣста для прогулокъ нашли бы здѣсь мы съ Граубенъ: гавань, въ которой мирно дремлютъ двухпалубные фрегаты, зеленые берега канала, тѣнистые сады, изъ-за которыхъ выглядываетъ цитадель и пушки просовываютъ свое черное дуло между вѣтвей бузины и ивъ!

Увы! Граубенъ была далеко, и могъ ли я надѣяться, что мы когда-нибудь свидимся съ нею!

Равнодушный къ красотамъ ландшафта дядя обратилъ, однако, вниманіе на колокольню, возвышающуюся на островѣ Амакѣ, составляющемъ юго-западную часть города.

По его желанію мы, немедленно отправились туда, сѣвъ на маленькій пароходъ, ходившій вверхъ и внизъ по каналамъ и чрезъ нѣсколько минутъ доставившій насъ на набережную Докъ-Ярдъ.

Мы прошли нѣсколько узкихъ улицъ, гдѣ работали каторжники, одѣтые въ панталоны, одна половина которыхъ была желтая, а другая сѣрая. Смотритель съ палкой расхаживалъ среди нихъ. Наконецъ, мы достигли церкви Vor-Frelsers-Kirk. Въ ней не было ничего замѣчательнаго. Но профессоръ обратилъ вниманіе на ея высокую колокольню, потому что эта послѣдняя была обвита до самой верхушки наружною винтовою лѣстницею.

— Взберемся-ка туда,—сказалъ дядя.

— Голова закружится,—отвѣчалъ я.

— Тѣмъ болѣе слѣдуетъ подняться: надо ко всему привыкать.

— Но...

— Пойдемъ, говорю тебѣ, нечего разсуждать.

Пришлось повиноваться. Жившій на противоположной сторонѣ улицы сторожъ далъ намъ ключъ и мы стали подниматься.

Дядя быстро шелъ впередъ. Я слѣдовалъ за нимъ боязливо, потому что у меня легко кружилась голова, и нервы и храбрость у меня были вовсе не орлиные.

Пока лѣстница вилась внутри колокольни, дѣло шло благополучно, но на стопятидесятой ступенькѣ мы достигли платформы, а дальше лѣстница подымалась въ пространствѣ, огражденная лишь хрупкими перилами, ступеньки становились все уже и уже и, казалось, вела въ вѣчность.

— Я не могу!—воскликнулъ я.

— Неужели ты трусишь? Стыдись!—безжалостно отвѣчалъ профессоръ.

Съ трудомъ цѣпляясь, я послѣдовалъ за нимъ. Воздухъ опьянялъ меня. Мнѣ казалось, что колокольня качается подъ напоромъ вѣтра, ноги подкашивались, скоро я ползъ на колѣняхъ, потомъ на животѣ и закрылъ глаза. У меня закружилась голова.

Дядя схватилъ меня за воротникъ, когда мы были уже у самаго шпица.

— Смотри,—сказалъ онъ,—и смотри хорошенько! Мы должны привыкнуть глядѣть въ пропасть!

Я открылъ глаза. Внизу утопали въ туманѣ дыма дома, казавшіеся плоскими. Надъ моею головою неслись облака, но мнѣ казалось, что они стоятъ неподвижно, а что движемся мы, колокольня, шпицъ. Вдали, съ одной стороны, разстилалась зеленая равнина, съ другой—залитое солнцемъ море. За мысомъ Гельсингеромъ начинался Зундъ; на немъ мелькали, словно крылья морскихъ чаекъ, паруса, а на западѣ въ туманѣ смутно обрисовывались берега Швеціи. Вся эта необъятная картина такъ и плясала передо мною.

Но дядя заставилъ меня встать, выпрямиться и смотрѣть. Этотъ первый «урокъ головокруженія» продолжался часъ. Какъ я былъ радъ, когда мнѣ позволили сойти съ колокольни и когда я почувствовалъ подъ ногами твердую уличную мостовую!

— Завтра мы повторимъ,—сказалъ профессоръ.

Въ самомъ дѣлѣ пять дней подрядъ мы предпринимали головокружительную прогулку на колокольню и въ концѣ концовъ я невольно сдѣлалъ успѣхи въ искусствѣ «созерцаній съ высотъ».

IX.

Наступилъ день отъѣзда. Наканунѣ обязательный Томсонъ принесъ намъ рекомендательныя письма къ Исландскому губернатору, графу Трампу, помощнику епископа Пиктурсону и меру

городу Рейкіавика. Дядя съ благодарностью пожималъ Томсону руку.

2-го числа, въ шесть часовъ утра, мы сдали свой цѣнный багажъ на «*Валькирію*». Капитанъ проводилъ насъ до нашихъ довольно узкихъ, расположенныхъ въ рубкѣ каютъ.

— Каковъ вѣтеръ?—спросилъ дядя.

— Попутный,—отвѣчалъ капитанъ Біарнъ,—югозападный. Мы выйдемъ подъ полнымъ бакштагомъ, распустивъ всѣ паруса.

Черезъ нѣсколько минутъ шкуна снялась съ якоря и пошла подъ фокомъ, бригантиной, марселемъ и брамселемъ въ проливъ. Часъ спустя столица Даніи исчезла вдали, словно погрузившись въ волны, и «*Валькирія*» прошла мимо берега Гельсингера. Я былъ такъ нервно настроенъ, что меня не удивило бы, еслибы мнѣ почудилась тѣнь Гамлета прогуливающагося по легендарной терассѣ.

— Великій безумецъ! — сказалъ я мысленно. — Ты вѣрно одобрилъ бы нашъ планъ. Можетъ быть, ты послѣдовалъ бы за нами къ центру земли, ища отвѣта на твои вѣчныя сомнѣнія!

Но на древнихъ стѣнахъ не показывался призракъ. Впрочемъ, замокъ этотъ выстроенъ значительно позже времени, когда жилъ героическій принцъ датскій. Теперь въ этомъ пышномъ жилищѣ живетъ надзиратель Зундскаго пролива, въ которомъ ежегодно проходитъ съ пятнадцать тысячъ кораблей разныхъ національностей.

Скоро замокъ Кронгборгъ исчезъ въ туманѣ, такъ же какъ и башня Гельсинборгъ, на шведскомъ побережьѣ. Шкуна слегка накренилась подъ вѣтромъ Категата.

«*Валькирія*» была быстроходнымъ паруснымъ судномъ, но на эти суда никогда нельзя разсчитывать. Она везла въ Рейкіавикъ грузъ угля, глиняной посуды, шерстяного платья и ржи. Экипажъ состоялъ всего изъ пяти человѣкъ.

— Сколько времени будемъ мы въ дорогѣ?—спросилъ дядя капитана.

— Дней десять, — отвѣчалъ тотъ, — если намъ не помѣшаетъ сѣверо-западный вѣтеръ на траверсѣ Феретскихъ островов.

— Но все-таки вы не думаете, чтобы мы очень запоздали?

— Нѣтъ, г. Лиденброкъ, будьте покойны—придемъ во время.

Къ вечеру шкуна обогнула мысъ Скагенъ, на сѣверѣ Даніи, ночью прошла черезъ Скагеракъ, прошла на высотѣ норвежскаго мыса Линднеса и вышла въ Сѣверное море.

Черезъ два дня мы увидѣли гору Петергедъ, на берегу Шотландіи, и «*Валькирія*», пройдя между Оркадскими островами и Шотландіей, направились къ Ферерскимъ островамъ.

Шкуну стали качать волны Атлантическаго моря, ей пришлось лавировать противъ сѣвернаго вѣтра и она достигла Ферерскихъ островъ не безъ труда. 3-го числа капитанъ увидѣлъ самый восточный изъ острововъ Маганнея и съ этой минуты сталъ держать курсъ прямо на мысъ Портландъ, на южномъ берегу Исландіи.

Плаваніе шло безъ особыхъ приключеній. Я довольно хорошо переносилъ качку, дядя же, къ своей великой досадѣ и стыду, былъ *все время* боленъ.

Такимъ образомъ, ему не удалось поговорить съ капитаномъ о Снеффельсѣ, о путяхъ сообщенія и пр. Дѣлать нечего, надо было отложить объясненія до пріѣзда, а всю дорогу пролежать у себя въ каютѣ, переборки которой такъ и скрипѣли во время сильной килевой качки. Признаюсь, я подумалъ, что подѣломъ была дядѣ эта мука.

11-го числа мы миновали мысъ Портландъ. Погода стояла ясная и можно было различить господствующую надъ мысомъ снѣговую вершину Мирдальсъ. Мысъ собственно и состоитъ то весь изъ большого одиноко стоящаго на берегу холма, съ очень крутыми склонами.

«*Валькирія*» шла вдоль берега, но на значительномъ разстояніи отъ него, окружаемая цѣлыми стадами китовъ и акулъ. Скоро показалась большая скала съ сквознымъ отверстіемъ, въ которое бѣшено ударяли волны. Вестманскіе острова словно выплыли изъ океана, какъ рядъ скалъ изъ водной равнины. Шкуна повернула, чтобы отойти подальше отъ мыса Рейкіа-Неса, которымъ Исландія заканчивается на западѣ.

Море было бурное, и дядя не могъ выйти на палубу полюбоваться изрѣзанными юго-западными берегами, о которые разбивались волны.

Двое сутокъ буря заставляла шкуну идти подъ одними снастями. Наконецъ, обогнули на востокѣ буй мыса Скагена, отъ котораго опасные утесы идутъ на далекомъ разстояніи

подъ водою. На шкуну явился исландскій штурманъ и черезъ три часа «Валькирія» стала на якорь въ виду Рейкіавика, въ заливѣ Факса.

Профессоръ вышелъ изъ своей каюты, блѣдный, утомленной, но попрежнему восторженный и видимо довольный.

На набережной толпились люди, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе пріѣзда корабля, на которомъ для каждаго была какая-нибудь посылка.

Дядя поспѣшилъ разстаться съ своей плавучей тюрьмой или, вѣрнѣе, больницей. Но раньше, чѣмъ сойти съ палубы шкуны, онъ повелъ меня на носъ и указалъ мнѣ пальцемъ въ сѣверной части бухты высокую увѣнчанную вѣчными снѣгами гору съ двумя конусообразными вершинами.

— Снеффельсъ!—воскликнулъ онъ.—Снеффельсъ!

Потомъ, знакомъ приказавъ мнѣ молчать, онъ сѣлъ въ ожидавшую насъ шлюпку. Я послѣдовалъ за нимъ, и скоро мы вышли на берегъ Исландіи.

Здѣсь мы прежде всего замѣтили виднаго человѣка, одѣтаго въ генеральскій мундиръ. Онъ оказался губернаторомъ острова барономъ Трампе. Профессоръ тотчасъ же узналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Онъ передалъ губернатору письма изъ Копенгагена, и между ними произошелъ короткій разговоръ на датскомъ языкѣ, изъ котораго я не понялъ ни слова. Результатомъ этой бесѣды было однако то, что баронъ Трампе предоставилъ себя въ полное распоряженіе профессора Лиденброка.

Городской голова Финзенъ принялъ дядю не менѣе радушно. Онъ тоже былъ въ военномъ мундирѣ и оказался такой-же миролюбивый и по характеру, и по должности.

Что-же касается помощника епископа Пиктурсона, онъ былъ въ отъѣздѣ на сѣверѣ, совершая объѣздъ епархіи. Мы не имѣли удовольствія представиться ему. Очень полезнымъ оказалось для насъ знакомство съ преподавателемъ естествовѣдѣнія въ Рейкіавикской школѣ Фридрихсономъ. Этотъ скромный ученый говорилъ только на двухъ языкахъ, исландскомъ и латинскомъ. Онъ заговорилъ со мною по-латински, и я сразу почувствовалъ, что мы будемъ понимать другъ друга. Дѣйствительно, за все время моего пребыванія въ Исландіи это былъ единственный человѣкъ, съ которымъ я могъ поговорить.

Этотъ радушный исландецъ уступилъ намъ двѣ комнаты своей, состоявшей изъ трехъ комнатъ, квартиры, и мы помѣстились въ нихъ вмѣстѣ съ своимъ багажемъ, обиліе котораго нѣсколько удивило жителей Рейкіавика.

— Ну, Аксель,—сказалъ дядя,—самая трудная часть путешествія уже пройдена.

— Какъ самая трудная?—воскликнулъ я.

— Конечно-же. Остается только спуститься въ кратеръ.

— Да, если вы такъ смотрите на дѣло, то конечно; но все же, положимъ мы спустимся, но вѣдь придется же когда нибудь и подниматься, я полагаю?

— О, объ этомъ я нисколько не безпокоюсь! Однако, нечего мѣшкать. Я пойду въ библіотеку. Поищу, нѣтъ ли тамъ рукописей Сакнуссема; я былъ бы не прочь съ ними познакомиться.

— А я тѣмъ временемъ осмотрю городъ. Вы не пойдете со мною?

— О, это мало меня интересуетъ! Меня интересуетъ въ Исландіи не то, что на поверхности земли, а то, что подъ землею.

Я вышелъ и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Заблудиться на двухъ улицахъ Рейкіавика не было возможности. Поэтому мнѣ не понадобилось спрашивать дорогу у прохожихъ, что было бы очень трудно и сдѣлать, такъ какъ пришлось бы объясняться мимикой.

Городъ расположенъ въ болотистой низинѣ, между двумя холмами. Съ одной стороны холмы покрыты лавою и спускаются довольно отлогимъ склономъ къ морю. Съ другой разстилается обширная бухта Факса, ограниченная на сѣверѣ огромнымъ глетчеромъ Снеффельсомъ. Въ это время въ бухтѣ стояла на якорѣ одна шкуна «Валькирія». Обыкновенно въ открытомъ морѣ стоятъ наблюдающія за флотиліей рыбачьихъ судовъ англійскіе и французскіе корабли; но на этотъ разъ они крейсировали вдоль восточнаго берега острова.

Наиболѣе длинная изъ двухъ улицъ Рейкіавика тянется параллельно берегу. Здѣсь въ деревянныхъ избахъ, сложенныхъ изъ красноватыхъ балокъ, живутъ купцы и негоціанты. Другая улица, расположенная на западѣ, кончается близъ небольшого озера. На нее выходятъ дома епископа и другихъ лицъ не купеческаго класса.

Скоро я исходилъ эти мрачныя и печальныя улицы вдоль и поперекъ. Кое-гдѣ виднѣлись поблекшія, похожія на вытершійся отъ времени коверъ лужайки, подобіе огородовъ, жалкія овощи которыхъ, картофель, капуста, салатъ, годились бы развѣ для стола лилипутовъ. Нѣсколько чахлыхъ левкоевъ тянулись къ солнцу.

Посреди не торговой улицы я наткнулся на огражденное землянымъ валомъ кладбище, гдѣ еще оставалось много мѣста. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находился губернаторскій домъ,—хижина по сравненію съ Гамбургской Думой,—дворецъ по сравненію съ избушками исландскаго населенія.

Между озеромъ и городомъ высилась протестантскаго типа церковь, выстроенная изъ обожженныхъ камней, выбрасываемыхъ вулканами изъ земли. Западные вѣтры бываютъ иногда такъ сильны, что угрожаютъ снести красныя черепицы ея крыши, съ большою опасностью для жизни молящихся.

На сосѣднемъ холмѣ я увидѣлъ зданіе Національной школы, въ которой, какъ я узналъ впослѣдствіи отъ нашего хозяина, обучали еврейскому, англійскому, французскому и датскому языкамъ, изъ которыхъ, къ моему великому стыду я не зналъ ни одного. Я былъ бы послѣднимъ изъ сорока учениковъ этой маленькой школы, я былъ бы не достоинъ спать, какъ они, въ кроватяхъ, похожихъ на шкафы, съ двумя отдѣленіями, въ которыхъ легко задохнуться.

Въ какихъ-нибудь три часа времени я осмотрѣлъ не только весь городъ, но и его окрестности. Общій видъ ихъ былъ необыкновенно унылый. Деревья, растительность почти отсутствовали. Всюду—горные отроги, скалы вулканическаго происхожденія. Стѣны выстроенныхъ изъ земли и торфа исландскихъ хижинъ съуживаются кверху, такъ что въ общемъ весь домъ напоминаетъ поставленную на землю крышу. Благодаря выходящей изъ жилья теплотѣ, на крышахъ этихъ растетъ густая трава, и ее старательно косятъ, иначе скотъ самъ сталъ бы взбираться на хижины, принявъ ихъ за пастбище.

Мало жителей встрѣтилъ я во время своей прогулки по городу. Большинство изъ нихъ, возвращаясь изъ коммерческой части города, я засталъ за соленьемъ, сушкой и нагрузкой трески, главнѣйшаго продукта внѣшней торговли. Это были люди коренастые, довольно неповоротливые, бѣлокурые, какъ

нѣмцы, и съ задумчивымъ выраженіемъ глазъ. Вѣроятно, живя на этой сѣверной окраинѣ, на рубежѣ полярнаго пояса, гдѣ обитаютъ лишь эскимосы, они чувствуютъ себя какъ бы изгнанниками, отщепенцами человѣчества. Тщетно старался я уловить на ихъ лицахъ улыбку. Правда, они иногда смѣялись и мускулы ихъ лица невольно сокращались при этомъ, но я никогда не видѣлъ ихъ улыбающимися.

Обычная въ скандинавскихъ странахъ черная куртка изъ грубаго сукна, называемаго на мѣстномъ нарѣчіи «вадмель», широкополая шляпа, панталоны съ красной каемкой, а вмѣсто сапогъ обернутый вокругъ ноги кусокъ кожи составляли ихъ обычный нарядъ.

Исландскія женщины недурны собою, но у нихъ печальное и покорное выраженіе лица; онѣ носятъ юбку и лифъ изъ темнаго «вадмеля». Дѣвушки закладываютъ заплетенные въ косу волосы вѣночкомъ вокругъ головы и прикрываютъ ихъ коричневыми шапочками. Замужнія женщины носятъ на головѣ цвѣтные платки и бѣлыя полотняныя накидки.

Когда я, послѣ продолжительной прогулки, возвратился въ домъ Фридрихсона, гдѣ мы остановились, я уже засталъ дядю, бесѣдующимъ съ хозяиномъ.

X.

Подали обѣдъ. Профессоръ Лиденброкъ, во все время плаванія сидѣвшій на діэтѣ, сдѣлалъ ему честь и ѣлъ за четверыхъ. Кухня ничемъ не отличалась отъ датской, но самъ хозяинъ оказался типичнымъ исландцемъ. Онъ напоминалъ своимъ гостепріимствомъ героевъ древнихъ сказаній. Въ его глазахъ гость долженъ былъ пользоваться предпочтеніемъ предъ хозяиномъ.

Разговоръ шелъ на туземномъ нарѣчіи, причемъ дядя вставлялъ иногда нѣмецкія, а Фридриксонъ латинскія фразы, чтобы я могъ понять, о чемъ идетъ рѣчь. Какъ подобаетъ ученымъ, говорили о научныхъ вопросахъ, но профессоръ Лиденброкъ былъ очень сдержанъ, ни словомъ не обмолвился самъ, да и мнѣ каждый разъ, какъ я начиналъ говорить, дѣлалъ знакъ глазами, чтобы я молчалъ о нашихъ планахъ.

Прежде всего Фридрихсонъ освѣдомился, о результатахъ посѣщенія дядею библіотеки.

— На почти пустыхъ полкахъ вашей библіотеки есть только кое-какіе разрозненныя книжонки!—воскликнулъ дядя.

— Какъ же это? — удивился Фридриксонъ. — Въ нашей библіотекѣ до восьми тысячъ томовъ, изъ которыхъ многіе представляютъ изъ себя рѣдкіе и цѣнные труды на скандинавскомъ языкѣ. Кромѣ того, намъ ежегодно присылаютъ много новыхъ изъ Копенгагена.

— Такъ гдѣ же эти восемь тысячъ? Что касается меня...

— О! г. Лиденброкъ, они въ чтеніи, по всей странѣ. Обитатели нашего холоднаго острова любятъ читать и поучаться. У насъ умѣетъ читать и дѣйствительно читаетъ каждый крестьянинъ, каждый рыбакъ. Мы считаемъ, что книги не должны плѣсневѣть за желѣзной рѣшеткой, вдали отъ любопытныхъ взоровъ, а должны износиться въ чтеніи. Вотъ почему наши книги передаются изъ рукъ въ руки, читаются, перечитываются и возвращаются на полку иногда черезъ годъ или два.

— А иностранцы между тѣмъ...—съ неудовольствіемъ замѣтилъ дядя.

— У иностранцевъ есть дома свои библіотеки, а нашимъ крестьянамъ надо учиться. Исландцы очень любознательны по природѣ. Въ 1816 г. мы основали литературное общество, и оно процвѣтаетъ. Многіе иностранные ученые почитаютъ за честь состоять его членами. Оно издаетъ книги въ цѣляхъ образованія соотечественниковъ и оказываетъ огромную услугу странѣ. Если хотите быть нашимъ членомъ-корреспондентомъ, г. Лиденброкъ, вы сдѣлаете намъ большое удовольствіе.

Дядя, состоявшій уже членомъ чуть ли не сотни ученыхъ обществъ, охотно согласился, чѣмъ Фридрихсонъ былъ очень тронутъ.

— А теперь, — предложилъ исландецъ, — укажите мнѣ, какія книги вы надѣялись найти въ нашей библіотекѣ; можетъ быть, я могу дать вамъ относительно нихъ нѣкоторыя указанія.

Я взглянулъ на дядю. Онъ колебался. Вѣдь это было въ тѣсной связи съ его проектомъ. Подумавъ, онъ рѣшился, однако, сказать.

— Г. Фридрихсонъ,—сказалъ онъ,—я хотѣлъ бы знать, нѣтъ ли среди вашихъ древнихъ памятниковъ литературы рукописей Арне Сакнуссема?

— Арне Сакнуссема! — отвѣчалъ Рейкіавокскій профессоръ.—Вы это объ ученомъ шестнадцатаго столѣтія, великомъ натуралистѣ, алхимикѣ и путешественникѣ спрашиваете?

— О немъ.

— Которымъ гордятся исландская литература и наука?

— Именно.

— Который пользуется всемірной извѣстностью?

— Согласенъ и съ этимъ.

— Смѣлость котораго была равна его геніальности?

— Вижу, что вы хорошо его знаете.

Дядя былъ въ восторгѣ слышать такія похвалы своему герою. Онъ такъ и впился глазами въ Фридриксона.

— Такъ гдѣ же его труды?—спросилъ онъ.

— У насъ ихъ нѣтъ!

— Неужели ихъ нѣтъ въ Исландіи?

— Ни здѣсь, ни въ иной странѣ.

— Отчего.

— Потому что Арне Сакнуссемъ подвергся гоненію за ересь и въ 1573 г. его труды были преданы сожженію въ Копенгагенѣ.

— Отлично! Великолѣпно! — вскричалъ дядя, чѣмъ очень удивилъ профессора естествовѣдѣнія.

— То есть почему же это?—спросилъ тотъ.

— Потому, что это объясняетъ все. Находясь подъ надзоромъ и принужденный скрывать свои открытія, Сакнуссемъ вынужденъ былъ скрыть свою тайну въ непонятной криптограммѣ.

— Какая тайна?—быстро спросилъ Фридрихсонъ.

— Тайна, которая... о которой...—запнулся дядя.

— Можетъ быть, у васъ есть какой-нибудь особый документъ?—продолжалъ нашъ хозяинъ.

— Нѣтъ... Это я такъ высказалъ предположеніе.

— Хорошо, — отвѣчалъ Фридрихсонъ и, замѣтивъ смущеніе своего собесѣдника, не сталъ настаивать. — Надѣюсь, — прибавилъ онъ, — что вы не уѣдете отъ насъ, не поинтересовавшись минералогическими богатствами нашего острова.

— Конечно, — отвѣчалъ дядя, — но я немного опоздалъ: раньше меня сюда пріѣзжали другіе ученые.

— Да, г. Лиденброкъ, — труды Олафсена и Повельсена, исполненные по порученію короля, изысканія Троиля, научная

экспедиція Гемара и Робера, пришедшая на французскомъ корветѣ «Изысканіе», а въ послѣднее время работы ученыхъ прибывшихъ на фрегатѣ «Королева Гортензія», много способствовали изслѣдованію Исландіи. Но, повѣрьте мнѣ, въ этой области остается еще много новаго, неизвѣстнаго.

— Вы думаете? — спросилъ дядя съ притворнымъ равнодушіемъ, стараясь, чтобы блескъ глазъ не выдалъ его.

— Да. Сколько горъ, ледниковъ, вулкановъ можно еще изслѣдовать. Да вотъ не далеко ходить, — посмотрите на эту гору, которая высится на горизонтѣ: это Снеффельсъ.

— Ахъ! — сказалъ дядя, — Снеффельсъ?

— Да, одинъ изъ интереснѣйшихъ вулкановъ, въ кратеръ котораго рѣдко спускаются.

— Погасшій вулканъ?

— О, да! Онъ погасъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ.

— Ну, — возразилъ дядя, едва удерживаясь, чтобы не прыгнуть отъ радости, — я пожалуй начну свои геологическія изслѣдованія съ этого Сеффеля... Фесселя... Какъ вы назвали?

— Снеффельсъ, — отвѣчалъ добродушный Фридрихсонъ.

Эта часть разговора велась по латински. Я понялъ все и едва удерживался отъ смѣха, видя, какъ дядя старается скрыть свою радость. Онъ прикидывался простакомъ, а на самомъ дѣлѣ корчилъ дьявольскія рожи.

— Да, — сказалъ онъ, — въ самомъ дѣлѣ вы надоумили меня подняться на эту гору, а можетъ быть даже осмотрѣть ея кратеръ.

— Мнѣ очень жаль, что занятія не позволяютъ мнѣ сопровождать васъ, — сказалъ Фридрихсонъ, — я бы съ удовольствіемъ сдѣлалъ это.

— О! нѣтъ, о! нѣтъ, — перебилъ его дядя, — мы не хотимъ никого безпокоить, г. Фридрихсонъ. Очень, очень вамъ благодаренъ. Присутствіе такого ученаго, какъ вы, было бы, конечно, очень полезно, но ваши преподавательскія обязанности...

Кажется, нашъ хозяинъ, по свойственному исландцамъ простодушію, не понялъ шитую бѣлыми нитками хитрость дяди.

---

*) Корветъ „Изысканіе" былъ отправленъ въ 1835 г. адмираломъ Дюперре въ поиски за безслѣдно пропавшей экспедиціей Блюссевилля, вышедшей на суднѣ „Лиллуазъ" (Lilloise).

— Я одобряю вашъ планъ начать съ этого вулкана, г. Лиденброкъ,—сказалъ онъ,—вы увидите много интереснаго. Но скажите, какъ вы разсчитываете добраться до полуострова Снеффельса?

— Очень просто—моремъ, черезъ бухту. Это кратчайшій путь.

— Конечно, но имъ нельзя плыть.

— Отчего.

— Оттого что во всемъ Рейкіавикѣ вы не найдете ни одной лодки.

— Чортъ побери!

— Вамъ придется идти по берегу. Это болѣе длинный, но и болѣе интересный путь.

— Отлично. Постараюсь пріискать себѣ проводника.

— Я могу вамъ рекомендовать проводника.

— Надежнаго и толковаго?

— Да, обитателя полуострова. Это охотникъ за гагачьимъ пухомъ. Онъ очень ловкій малый, и вы останетесь имъ довольны. Онъ отлично говоритъ по датски...

— Когда же мнѣ можно будетъ переговорить съ нимъ?

— Если угодно, завтра.

— Отчего бы не сегодня?

— Да онъ только завтра придетъ сюда.

— Подождемъ до завтра.

Эта чрезвычайно важная бесѣда кончилась нѣсколько минутъ спустя выраженіемъ горячей признательности нѣмецкаго профессора исландскому. Во время обѣда дядя узналъ много цѣннаго, напримѣръ, исторію Сакнуссема и причину таинственности оставленнаго имъ документа; не менѣе важно было для него знать, что Фридрихсонъ не пойдетъ насъ провожать и что завтра утромъ мы будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи проводника.

XI.

Вечеромъ я немного прошелся по набережной Рейкіавика, рано вернулся, легъ на огромную деревянную кровать и крѣпко проспалъ до утра.

Проснувшись, я услышалъ, что дядя громко разговариваетъ въ сосѣдней комнатѣ, и поспѣшилъ выйти къ нему.

*

Онъ разговаривалъ по-датски съ человѣкомъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія. Должно быть этотъ человѣкъ былъ чрезвычайно силенъ. На его большомъ и нѣсколько наивномъ лицѣ бѣгали умные, узкіе, синеватосѣраго цвѣта, глаза. Его длинные, ниспадавшіе на плечи, волосы даже въ Англіи назвали бы рыжими. Несмотря на мягкость своихъ движеній, этотъ туземецъ мало жестикулировалъ—ему былъ чуждъ свойственный южанамъ языкъ жестовъ. Вообще онъ былъ замѣчательно ровенъ и спокоенъ, но его нельзя было назвать лѣнивымъ. Чувствовалось, что онъ никому ничѣмъ не обязанъ, работаетъ, сколько ему хочется и что ничто въ мірѣ не въ силахъ удивить или смутить его.

Я составилъ себѣ это понятіе о его характерѣ, наблюдая за тѣмъ, какъ исландецъ слушалъ страстныя изліянія своего собесѣдника. Дядя горячо жестикулировалъ, а онъ стоялъ неподвижный, дѣлая только по временамъ отрицательный или утвердительный жестъ головою, но такой слабый, что его длинные волосы едва шевелились при этомъ. Скупость на движенія необычайная.

Глядя на этого человѣка, я ни за что не подумалъ бы, что это охотникъ. Конечно, онъ дичи не вспугнетъ, но за то и не догонитъ ея.

Но Фридрихсонъ объяснилъ мнѣ, что этотъ спокойный малоподвижный человѣкъ охотится только за гагами, пухъ которыхъ представляетъ собою одно изъ природныхъ богатствъ острова. Для собиранія гагачьяго пуха дѣйствительно незачѣмъ проявлять особой быстроты движеній.

Въ началѣ лѣта самки этой породы утокъ вьютъ себѣ гнѣзда на скалахъ, изрѣзывающихъ берегъ фіордовъ *). Устроивъ гнѣздо, птица устилаетъ его мягкимъ пухомъ, который выщипываетъ у себя на брюшкѣ. Охотникъ, котораго было бы правильнѣе назвать просто торговцемъ, приноситъ и уноситъ гнѣздо. Самка снова начинаетъ свою работу. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока у нея есть еще хоть сколько-нибудь пуха. Когда она выщиплетъ весь свой пухъ, тоже дѣлаетъ и самецъ; но такъ какъ грубый и жесткій пухъ послѣдняго не представляетъ никакой цѣнности, охотникъ не трогаетъ на этотъ разъ

*) Такъ называются узкіе заливы въ Скандинавіи и другихъ сѣверныхъ странахъ.

гнѣзда. Самка кладетъ яички, выводитъ птенцовъ, а на слѣдующій годъ начинается снова сборъ гагачьяго пуха.

Гаги вьютъ гнѣзда не на крутыхъ, а на отлогихъ вдающихся въ море скалахъ. Исландецъ можетъ охотиться поэтому безъ особыхъ волненій. Это своего рода фермеръ, которому незачѣмъ сѣять, лишь бы была охота собирать жатву.

Серьезнаго, флегматичнаго и молчаливаго человѣка звали Гансомъ Біелке. Это былъ нашъ будущій проводникъ, котораго рекомендовалъ Фридриксонъ.

Онъ и мой дядя представляли разительный контрастъ по манерамъ.

Однако, они отлично сговорились. Ни тотъ, ни другой не придавали значенія деньгамъ: одинъ былъ готовъ взять, чтобы ему ни дали, другой—дать, сколько бы у него ни спросили. При такихъ условіяхъ не трудно было добиться соглашенія.

Изъ переговоровъ выяснилось, что Гансъ согласенъ проводить насъ до деревни Стапи, расположенной на южномъ берегу полуострова Снеффельса, у самаго подножія вулкана. Надо было пройти пѣшкомъ около двадцати двухъ миль, разстояніе, которое, по разсчету дяди, мы могли пройти въ два дня.

Когда же ему сказали, что рѣчь идетъ о датскихъ миляхъ, по двадцать четыре тысячи футовъ каждая, да еще посовѣтовали принять во вниманіе дурное состояніе дорогъ, дядѣ пришлось считать, что путешествіе продлится не два дня, а недѣлю.

За нами должны были пріѣхать четыре лошади: двѣ верховыхъ — для насъ съ дядей и двѣ — для перевозки нашего багажа. Гансъ долженъ былъ слѣдовать пѣшкомъ. Онъ хорошо зналъ побережье и обѣщалъ вести насъ кратчайшимъ путемъ.

На его обязанности лежало не только проводить насъ до Стапи: онъ долженъ былъ оставаться при насъ на все время нашихъ научныхъ экскурсій, съ платою по три риксдаля въ недѣлю, при непремѣнномъ условіи, что разсчетъ будетъ производиться каждую субботу вечеромъ.

Отъѣздъ былъ назначенъ на 16-е іюня. Дядя хотѣлъ вручить охотнику задатокъ, но тотъ на отрѣзъ отказался.

— Efter,—сказалъ онъ.

— Это значитъ «послѣ»,—объяснилъ мнѣ профессоръ.

Уговорившись съ дядей, Гансъ тотчасъ же ушелъ.

— Чудесный человѣкъ!—воскликнулъ дядя.—Но онъ самъ не ожидаетъ, какую роль ему придется сыграть.

— Онъ будетъ провожать насъ...

— Да, Аксель, къ центру земли.

До отъѣзда оставалось двое сутокъ. Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось употребить ихъ на сборы въ дорогу. Мы старались уложить всѣ наши вещи, какъ можно удобнѣе: инстументы вмѣстѣ, оружіе въ другой пакетъ, провизію въ третій, и распредѣлили все на четыре группы.

Мы взяли съ собою слѣдующіе инструменты:

1. Сто пятидесяти градусный термометръ Эйгеля. Сто пятьдесятъ градусовъ казалось мнѣ или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Слишкомъ много въ томъ случаѣ, если окружающая температура поднимется до крайнихъ предѣловъ, потому что тогда мы сварились бы сами. Слишкомъ мало, если намъ придется измѣрять температуру ключей и разныхъ расплавленныхъ веществъ.

2. Манометръ для измѣренія давленія атмосферы, находящейся надъ уровнемъ океана. Давленіе воздуха должно усиливаться по мѣрѣ того, какъ мы будемъ спускаться ниже поверхности земли, и потому обыкновенный барометръ оказался бы недостаточнымъ.

3. Хронометръ Буассона младшаго въ Женевѣ, урегулированный по меридіану Гамбурга.

4. Два компаса, наклоненія и склоненія.

5. Зрительная труба.

6. Два прибора Румкорфа, легко переносимыхъ, не требующихъ много мѣста, и дающихъ свѣтъ при помощи электрическаго тока *).

---

*) Приборъ Румкорфа состоитъ изъ Бунзеновскаго электрическаго элемента соединеннаго съ фонаремъ особой конструкціи. Въ этомъ фонарѣ есть стеклянная спиральная трубка, наполненная углекислотой или азотомъ. Когда приборъ дѣйствуетъ, газъ свѣтится и даетъ непрерывный бѣловатый свѣтъ. Элементъ и индукціонная катушка заключены въ кожаный футляръ, который путешественникъ носитъ черезъ плечо. Такой фонарь свѣтитъ довольно ярко, позволяетъ ходить, не опасаясь взрыва, среди легко воспламеняющихся газовъ и не гаснетъ даже въ водѣ. Румкорфъ—извѣстный ученый химикъ; важнѣйшее его открытіе—индукціонная катушка, дающая электрическій токъ высокаго напряженія. Въ 1864 г. онъ получилъ премію въ 50.000 фр., которую Франція присудила за наиболѣе остроумное примѣненіе электричества

Изъ оружія мы захватили съ собою двѣ винтовки Мури и К°. и два револьвера Кольта. Къ чему намъ оружіе? Вѣдь намъ не придется имѣть дѣло ни съ дикарями, ни съ дикими звѣрями. Но дядя дорожилъ своимъ арсеналомъ, какъ и своими инструментами, особенно же значительнымъ количествомъ не боящагося сырости пироксилина, взрывчатая сила котораго значительно больше силы обыкновеннаго пороха.

Орудія взяты нами были слѣдующія: двѣ кирки, два лома, шелковая лѣстница, три палки съ желѣзными наконечниками, топоръ, молотокъ, дюжина клиньевъ и желѣзныхъ скобъ, длинныя веревки. Все это занимало довольно много мѣста, потому что одна лѣстница была въ триста футовъ длиною.

Наконецъ, не забыты были и съѣстные припасы. Свертокъ ихъ оказался не очень великъ объемомъ, но заключалъ въ себѣ мясныхъ консервовъ и сухарей по меньшей мѣрѣ на шесть мѣсяцевъ. Мы взяли съ собою также можевеловой воды,— единственный припасенный нами напитокъ,—воды не было вовсе. Зато у насъ были фляжки, и дядя разсчитывалъ, что намъ удастся наполнять ихъ водою источниковъ. Напрасно старался я убѣдить его, что источниковъ мы можемъ и не встрѣтить, а если встрѣтимъ, неизвѣстно, каковы будутъ ихъ температура и качество.

Чтобы докончить перечень предметовъ нашего багажа, назову дорожную аптечку, содержавшую ножницы съ тупымъ лезвіемъ, лубки для переломовъ костей, марлю, полотно для компрессовъ, спарадрепъ, тазикъ для пусканія крови и другія не менѣе страшныя вещи, кромѣ того, цѣлую батарею стклянокъ съ декстриномъ, заживляющимъ раны спиртомъ, уксусомъ, эфиромъ, свинцовой примочкой, нашатыремъ и тому подобными лекарствами, наконецъ вещества, необходимыя для приборовъ Румкорфа.

Дядя взялъ съ собою также запасъ табаку, пороха, трута и наполнилъ свой кожанный поясъ золотомъ, серебромъ и кредитными бумажками. Вмѣстѣ съ орудіями уложены были шесть паръ прочныхъ сапогъ, смазанныхъ составомъ дегтя и резины, чтобы они не промокали.

— Почему бы намъ и не отправиться въ далекое путешествіе при такомъ прекрасномъ снаряженіи и экипировкѣ?— сказалъ дядя.

14-го числа мы цѣлый день провели за укладкой, а вечеромъ обѣдали у барона Трампе. На обѣдѣ присутствовали городской голова Рейкіавика и медицинское свѣтило края докторъ Гіальталинъ. Фридриксона не было; я узналъ впослѣдствіи, что онъ былъ не въ ладахъ съ губернаторомъ по поводу одного административнаго вопроса и они избѣгали встрѣчаться. Такимъ образомъ, я сидѣлъ за этимъ полуоффиціальнымъ обѣдомъ и не понималъ ни словечка изъ того, что говорилось за столомъ. Я замѣтилъ только, что дядя говорилъ безъ умолку.

На слѣдующій день, 15-го числа, мы закончили всѣ приготовленія въ дорогу. Нашъ хозяинъ доставилъ дядѣ огромное удовольствіе, подаривъ ему карту Исландіи, гораздо лучшую, чѣмъ карта Гендерсона, а именно, начерченную Олафомъ Николасъ—Ольсеномъ, въ масштабѣ 1:480,000 и изданную исландскимъ литературнымъ обществомъ по послѣднимъ геодезическимъ трудамъ Шеля Фрисака и топографическимъ съемкамъ Бьерна Гумлаугсона. Это былъ цѣнный для минералога документъ.

Послѣдній вечеръ мы провели въ интимной бесѣдѣ съ Фридриксономъ, къ которому я чувствовалъ все больше и больше симпатіи. Потомъ мы легли спать, и не знаю, какъ дядя, а я спалъ очень тревожно.

Въ пять часовъ утра меня разбудили раздававшіеся подъ окномъ ржаніе и топотъ копытъ четырехъ лошадей. Я наскоро одѣлся и вышелъ на улицу. Гансъ осторожно, какъ то почти не двигаясь, укладывалъ нашъ багажъ въ повозку. Дѣлалъ онъ это, однако, замѣчательно ловко. Дядя не столько помогалъ, сколько шумѣлъ и суетился, но проводникъ обращалъ мало вниманія на его совѣты.

Въ шесть часовъ все было готово. Фридриксонъ пожалъ намъ руку. Дядя горячо поблагодарилъ его по-исландски за его радушіе и гостепріимство. Я тоже простился съ нимъ самой сердечной фразой, какую только могъ составить на латинскомъ языкѣ. Затѣмъ мы сѣли на лошадей, и Фридриксонъ сказалъ мнѣ на прощанье слѣдующій стихъ Виргилія, написанный поэтомъ точно для насъ, путниковъ, не вѣдающихъ, что ожидаетъ ихъ впереди.

Et quacunque viam dederit fortuna sequamur *).

---

*) Мы послѣдуемъ любою дорогою, какую намъ дастъ судьба.

XII.

Погода стояла пасмурная, но не дождливая, когда мы тронулись въ путь. Такіе прохладные дни подходятъ какъ нельзя болѣе для путешествія.

Мнѣ было пріятно ѣхать верхомъ по неизвѣстной мѣстности и это примиряло меня съ предпринимаемымъ путешествіемъ. Чувство свободы и жажды впечатлѣній опьяняли меня.

— Чѣмъ рискую я, путешествуя по такой интересной странѣ?—успокоивалъ я себя.—Ну, поднимемся мы на вершину замѣчательной горы, въ худшемъ случаѣ спустимся даже въ кратеръ погасшаго вулкана. Что за важность? Навѣрно и этотъ Сакнуссемъ сдѣлалъ не больше. Что же касается галлереи, ведущей будто бы къ самому центру земли, это сущая фантазія! Это немыслимо! Итакъ, воспользуюсь какъ можно лучше этой поѣздкой, вотъ и все!

Пока я размышлялъ такимъ образомъ, мы выѣхали изъ Рейкіавика.

Гансъ открывалъ шествіе. Онъ шелъ быстрымъ, ровнымъ шагомъ. Лошади, навьюченныя нашимъ багажемъ, сами, никѣмъ не управляемыя, слѣдовали за нимъ. Въ концѣ отряда ѣхали мы съ дядей на своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ лошадяхъ, и видъ у насъ, право, былъ молодцоватый.

Исландія, одинъ изъ самыхъ крупныхъ европейскихъ острововъ, имѣетъ четыреста миль разстоянія и всего шестьдесятъ тысячъ жителей. Географы раздѣлили его на четыре части, и намъ пришлось пересѣчь вкось ту часть, которая носитъ названіе Юго-восточной четверти, «Sudvestr Tjordungr».

Какъ только мы вышли изъ Рейкіавика, Гансъ тотчасъ прошелъ къ берегу моря. Мы шли по скудно поросшимъ травою пастбищамъ, скорѣе желтаго, чѣмъ зеленаго оттѣнка. На востокѣ въ туманѣ обрисовывались морщинистыя вершины трахитовыхъ горъ. Мѣстами на склонахъ этихъ далекихъ вершинъ, собирая и отражая лучи свѣта, блестѣли снѣжные пласты. Нѣкоторые утесы, смѣлыхъ очертаній, прорѣзывали сѣрыя облака и снова выплывали среди небеснаго пространства.

Суровыя горныя цѣпи часто вдавались въ море, но путешественники все-таки находили тропинку, по которой можно

было пройти. Лошади сами, руководимыя инстинктомъ, выбирали дорогу и ни на минуту не замедляли хода. Дядѣ положительно нечего было дѣлать, даже поощрять лошадь кнутомъ или крикомъ представлялось излишнимъ. Я не могъ удержаться отъ улыбки, взглянувъ на крупную фигуру дяди верхомъ на низкорослой лошадкѣ; его длинныя ноги болтались почти до земли, и онъ былъ похожъ на шестиногаго центавра.

— Славное животное! доброе животное!—говорилъ онъ.— Увидишь, Аксель, что нѣтъ на свѣтѣ животнаго умнѣе исландской лошади. Ни снѣга, ни бури, ни непроходимыя дороги, ни скалы, ни глетчеры не остановятъ ее. Она смѣла, умѣренна, поступь ея увѣренна. Никогда она не споткнется, не встанетъ на дыбы. Пусть только намъ попадется на пути какая нибудь рѣка или фіордъ, черезъ которые придется переправляться. Ты увидишь, что наши лошади безъ малѣйшаго колебанія бросятся въ воду, какъ земноводныя, и достигнутъ противоположнаго берега. Но съ исландскою лошадью слѣдуетъ хорошо обращаться, предоставимъ ей свободу дѣйствій, и мы смѣло будемъ дѣлать по десяти миль въ день.

— Мы то, пожалуй,—согласился я,—а вотъ нашъ проводникъ?

— О! я о немъ не безпокоюсь. Эти люди ходятъ, сами того не замѣчая. Посмотри на этого, напримѣръ: онъ такъ мало двигается, что ему не отъ чего уставать. Впрочемъ, въ случаѣ надобности, я ему уступлю своего коня. Вѣдь, если все время ѣхать, ноги задеревенѣютъ. Рукамъ то хорошо, но надо подумать и о ногахъ.

Между тѣмъ мы быстро подвигались впередъ по почти пустынной мѣстности. Лишь кое-гдѣ, какъ нищій на краю дороги, виднѣлась одинокая избушка исландскаго боэра *), выстроенная изъ бревенъ, земли и кусковъ лавы. Казалось, эти полуразвалившіяся хижины молятъ прохожихъ о подаяніи; такъ и хотѣлось подать имъ милостыню. Ни дорогъ, ни даже тропинокъ въ этой странѣ не было. Люди проходятъ тутъ рѣдко, не прото');
торяя тропинки, слѣды ихъ заростаютъ чахлой травой.

И, однако, эта подгородная часть провинціи считалась еще наиболѣе населенной и обработанной. Что же представляютъ

*) Крестьянина.

въ такомъ случаѣ мѣстности, еще менѣе населенныя, чѣмъ эта пустыня? Мы прошли около полумили и не встрѣтили ни одного крестьянина на порогѣ своего дома, ни одного пастуха, пасущаго свое стадо. Кое-гдѣ паслись только нѣсколько коровъ и овецъ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Что же будетъ дальше, въ областяхъ, изрытыхъ изверженіями вулкановъ и подземными землетрясеніями?

Съ ними намъ пришлось познакомиться впослѣдствіи; но взглянувъ на карту Ольсена, я увидѣлъ, что мы ихъ тщательно избѣгаемъ, стараясь идти вдоль извилистаго берега. Слѣды великаго плутоническаго переворота остались, главнымъ образомъ, въ центрѣ острова. Тамъ горизонтальные пласты взгроможденныхъ другъ на друга скалъ, называемые на скандинавскомъ нарѣчіи «траппами», трахитовые пласты, базальтовыя изверженія, туфы и всевозможные вулканическіе конгломераты, потоки лавы и расплавленнаго порфира придавали странѣ чудовищный видъ. Въ то время я еще не подозрѣвалъ, какое зрѣлище представится намъ на полуостровѣ Снеффельсѣ, гдѣ царитъ настоящій хаосъ.

Черезъ два часа послѣ отъѣзда изъ Рейкіавика мы пріѣхали въ мѣстечко Гуфунесъ, называемое также «Aoalkirkja», что значитъ Главная церковь. Оно не представляло изъ себя ничего особеннаго и состояло всего изъ нѣсколькихъ домовъ, словомъ было не больше какой нибудь нѣмецкой деревушки.

Гансъ остановился здѣсь на полчаса. Онъ позавтракалъ вмѣстѣ съ ними, на вопросы дяди относительно качествъ дороги отвѣчалъ односложно «да» или «нѣтъ», а когда его спросили, гдѣ онъ разсчитываетъ ночевать, односложно отвѣчалъ:

— «Gardär».

Я поискалъ на картѣ Гардэръ. Это оказалось село на берегахъ Гваліорда, въ четырехъ миляхъ отъ Рейкіавика. Я показалъ это мѣстечко дядѣ.

Только четыре мили!—сказалъ онъ.—Нечего сказать, много мы прошли, изъ двадцати двухъ миль только четыре.

Онъ хотѣлъ было сдѣлать проводнику замѣчаніе, но тотъ, не обращая вниманія, ставъ во главѣ отряда, пустился въ дальнѣйшій путь.

Три часа шли мы по выцвѣтшему дерну пастбищъ и, наконецъ, обогнувъ Коллафіордъ, — обойти этотъ заливъ было

несравненно легче, чѣмъ переправиться черезъ него,—пришли въ «pingstaer» мѣсто коммунальнаго суда, носящаго названіе Эюлбергъ. Еслибы на колокольняхъ исландскихъ церквей были часы, они пробили бы двѣнадцать; но здѣшнія церкви похожи на своихъ прихожанъ, которые не носятъ часовъ и прекрасно безъ нихъ обходятся. Тутъ мы дали передохнуть лошадямъ, послѣ чего въ одинъ переходъ, слѣдуя узкой береговой полоской между цѣпью холмовъ и моремъ, дошли до aoalkirkja Брантаръ, а затѣмъ и въ Саубоэръ «annexia», или церкви, расположенной на южномъ берегу Гвальфіорда.

Къ четыремъ часамъ пополудни мы прошли четыре мили. Въ этомъ мѣстѣ фіордъ имѣлъ полмили ширины. Волны съ шумомъ разбивались объ острые прибрежные утесы. Заливъ расширялся среди скалъ, шедшихъ отвѣсною стѣною въ три тысячи футовъ вышиною и изборожденныхъ бурыми полосами, чередующимися съ красноватыми пластами туфа. Какъ ни восхваляли умъ исландскихъ лошадей, мнѣ не особенно улыбалась переправа верхомъ черезъ этотъ настоящій рукавъ моря.

— Если лошади дѣйствительно умны,—думалъ я,—онѣ не пустятся вплавь. Во всякомъ случаѣ предоставляю судить объ опасности себѣ самому.

Дядя не сталъ долго раздумывать. Онъ пришпорилъ свою лошадь и поскакалъ прямо къ берегу. Лошадь обнюхала влажный отъ волнъ песокъ и остановилась. Но у дяди былъ свой особаго рода инстинктъ, и онъ захотѣлъ заставить животное войти въ воду. Лошадь мотала головою, отказывалась. Послышались проклятія, удары кнута, но животное начало лягаться, стараясь вышибить сѣдока изъ сѣдла. Въ концѣ концовъ низкорослая лошадка упала на колѣни и выбралась между ногъ профессора, оставивъ его стоять на двухъ прибрежныхъ камняхъ, какъ колосса Родосскаго.

— Проклятое животное!—воскликнулъ внезапно превратившійся въ пѣшаго всадникъ: перейти такъ неожиданно изъ кавалеріи въ пѣхоту, право непріятно.

— «Farja»,—сказалъ проводникъ, тронувъ дядю за плечо.

— Что, паромъ?

— «Der»,—отвѣчалъ Гансъ, указывая на лодку

— Да,—воскликнулъ я,—тамъ есть лодка.

— Такъ бы давно и сказалъ! Итакъ, въ путь!

— «Tidvatten»,—продолжалъ проводникъ.

— Что онъ говоритъ?

— Онъ говоритъ «приливъ», — перевелъ мнѣ дядя датское слово.

— Конечно, надо дождаться прилива.

— «Förbida»?—спросилъ дядя.

— «Ja»,—отвѣчалъ Гансъ.

Пока лошади направлялись къ парому, дядя нетерпѣливо топалъ ногою.

Я прекрасно понялъ необходимость выждать благопріятнаго момента между приливомъ и отливомъ, чтобы предпринять переправу черезъ фіордъ. Когда море находится на одномъ уровнѣ, ни приливъ, ни отливъ не имѣютъ никакого дѣйствія и тогда паромъ не подвергается опасности быть увлеченнымъ или въ глубь залива, или въ открытое море.

Въ шесть часовъ вечера насталъ желанный моментъ. Дядя, я, проводникъ, два перевозчика, четыре лошади помѣстились на довольно хрупкой плоской баржѣ. Я привыкъ къ переправляющимъ пассажировъ черезъ Эльбу паровымъ паромамъ, и весла лодочниковъ показались мнѣ довольно жалкимъ способомъ переправы. Мы потратили на переправу черезъ фіордъ болѣе часа, но все-таки перебрались на другой берегъ безъ приключеній.

Полчаса спустя мы прибыли въ село Гардэръ.

XIII.

По настоящему наступила ночь, но подъ шестьдесятъ пятой параллелью былъ свѣтло, какъ днемъ. Исландія находится уже въ полярномъ поясѣ, и въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ солнце здѣсь не садится.

Тѣмъ не менѣе температура понизилась; мнѣ было холодно и хотѣлось ѣсть. Я благословилъ крестьянскій домикъ, который гостепріимно раскрылъ передъ нами двери.

По радушному пріему крестьянская хижина показалась намъ дворцомъ. Хозяинъ при встрѣчѣ пожалъ намъ руки и знакомъ пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ, говорю, слѣдовать, потому что идти рядомъ было бы невозможно. Длинный узкій, мрачный корридоръ велъ во всѣ три комнаты и кухню этого выстроеннаго изъ едва отесанныхъ бревенъ жилища. Изъ ком-

натъ одна представляла изъ себя ткацкую мастерскую, другая—спальню хозяевъ «badstopa», третья, самая лучшая—комнату для гостей. Когда строили это жилище, очевидно, никто не думалъ о ростѣ дяди, и потому онъ три или четыре раза стукнулся о выступы потолка.

Отведенная намъ комната оказалась довольно просторною залою, съ землянымъ поломъ, съ однимъ окномъ, въ которомъ вмѣсто стекла былъ вставленъ очень мало просвѣчивающій овечій пузырь. На двухъ кроватяхъ, выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ и украшенныхъ исландскими изреченіями, лежало сѣно. Я не ожидалъ такого комфорта. Непріятенъ былъ только наполнявшій весь домъ запахъ сушеной рыбы, солонины и кислаго молока.

Когда мы сняли съ себя верхнее дорожное платье, хозяинъ пригласилъ насъ въ кухню, даже въ сильные холода единственную отапливаемую часть помѣщенія.

Дядя поспѣшилъ на любезное приглашеніе, я пошелъ за нимъ.

Печка въ кухнѣ оказалась первобытнаго устройства: посреди кухни былъ камень, замѣнявшій собою очагъ; дымъ же выходилъ волокомъ въ продѣланное въ крышѣ отверстіе. Помѣщеніе это въ то же время служило и столовой.

Когда мы вошли, хозяинъ встрѣтилъ насъ привѣтствіемъ «saellvertu», точно онъ не видѣлъ насъ раньше. Слово это значитъ «будьте счастливы». Говоря это, онъ поцѣловалъ каждаго изъ насъ въ щеку.

Жена его произнесла тѣ же слова и повторила тотъ же церемоніалъ. Затѣмъ мужъ и жена, приложивъ руку къ сердцу, низко поклонились намъ.

Спѣшу замѣтить, что исландка была счастливою матерью девятнадцати человѣкъ дѣтей, большихъ и маленькихъ, копошившихся въ клубахъ дыма, которыми очагъ наполнялъ комнату. Поминутно изъ этого ѣдкаго тумана показывалась чья-нибудь бѣлокурая головка съ задумчивымъ личикомъ. Точно гирлянда ангеловъ, недостаточно тщательно, впрочемъ, вымытыхъ.

Мы съ дядей быстро сдружились со всей этой мелкой компаніей и черезъ нѣсколько минутъ трое или четверо изъ нихъ сидѣли у насъ на плечахъ, столько же на колѣняхъ, остальные

у нашихъ ногъ. Тѣ, которые уже умѣли говорить, повторяли «saellvertu» на всевозможные лады, тѣ, которые не говорили, кричали, какъ можно громче.

Концертъ былъ прерванъ приглашенiемъ къ столу. Къ этому времени вернулся и Гансъ, хлопотавшiй около лошадей, т. е. попросту пустившiй ихъ въ поле. Бѣдныя животныя должны были довольствоваться скудно растущимъ на скалахъ мохомъ да мало питательными водорослями, а на утро они сами придутъ и примутся за вчерашнiй трудъ.

— Saellvertu!—сказалъ Гансъ, входя въ комнату.

Затѣмъ, не спѣша, какъ-то автоматично, онъ расцѣловалъ хозяина, хозяйку и всѣхъ девятнадцать ребятъ.

По окончанiи этой церемонiи мы всѣ двадцать четыре сѣли за столъ, причемъ сидѣли въ два ряда: дѣти сидѣли на колѣняхъ взрослыхъ; на долю каждаго изъ насъ приходилось не менѣе двухъ, а то и трехъ дѣтей.

Когда подали супъ, водворилось молчанiе: въ Исландiи даже дѣти не болтливы. Хозяинъ угостилъ насъ сначала довольно сносной на вкусъ похлебкой изъ моха; затѣмъ подали огромную порцiю сушеной рыбы, плавающей въ прокисшемъ уже лѣтъ двадцать тому назадъ маслѣ, которое, по гастрономическимъ понятiямъ исландцевъ, гораздо лучше свѣжаго. Кромѣ того, намъ предложили «skyr», нѣчто въ родѣ простокваши, приправленной сокомъ можевеловыхъ ягодъ, которую ѣдятъ съ сухарями. Вмѣсто питья подали разбавленное водою молоко, по мѣстному «blanda». Не берусь судить, было ли все это вкусно или нѣтъ, потому что я былъ голоденъ и съ удовольствiемъ поѣдалъ густую гречневую кашу.

Послѣ обѣда дѣти куда-то исчезли, а взрослые усѣлись вокругъ очага, въ которомъ горѣли торфъ, верески, коровiй пометъ и сушеныя рыбьи кости. Погрѣвшись, всѣ разошлись по комнатамъ. Хозяйка предложила намъ, согласно мѣстному обычаю, помочь снять носки и панталоны, на что мы отвѣтили любезнымъ отказомъ; она не стала настаивать, и я, наконецъ-то, могъ улечься на сѣнѣ.

На слѣдующее утро, въ пять часовъ, мы простились съ исландскимъ крестьяниномъ. Дядѣ съ трудомъ удалось уговорить его принять скромную плату за нашъ ночлегъ. Потомъ Гансъ первый тронулся въ путь.

Въ ста шагахъ отъ Гардэра мѣстность измѣняла свой характеръ. Почва была болотистая, и идти становилось труднѣе. Направо тянулись безконечною стѣною горы, походившія на естественныя укрѣпленія, вдоль контрэскарпа которыхъ мы слѣдовали. Иногда намъ попадались на дорогѣ ручьи и мы переходили ихъ въ бродъ, стараясь не слишкомъ подмочить свой багажъ.

Мы были уже среди настоящей пустыни. Лишь изрѣдка вдали отъ насъ убѣгала какая-то человѣческая тѣнь. Когда на поворотѣ дороги одна изъ этихъ таинственныхъ фигуръ оказывалась близко отъ насъ, мною овладѣвало отвращеніе при видѣ покрытаго лоснящеюся кожею распухшаго лица и ужасныхъ ранъ, сквозившихъ сквозь жалкое рубище.

Несчастное созданіе не приходило протягивать уродливую руку за подаяніемъ; напротивъ оно убѣгало отъ насъ, не настолько быстро, однако, чтобы Гансъ не успѣлъ привѣтствовать его обычнымъ «saellvertu».

— «Spetelsk»,—говорилъ онъ.

— Прокаженный!—повторялъ дядя.

Уже самое слово это производило отталкивающее впечатлѣніе. Въ Исландіи проказа довольно распространена. Ужасная болѣзнь эта не заразительна *), но наслѣдственна, поэтому этимъ несчастнымъ запрещено вступать въ бракъ.

Эти призраки далеко не способствовали оживленію и безъ того унылаго ландшафта Даже чахлая, росшая клочками, трава перестала попадаться. Деревьевъ, за исключеніемъ карликовыхъ березъ, росшихъ группами и напоминавшихъ кустарникъ, тоже не было. Не встрѣчали мы и животныхъ, кромѣ нѣсколькихъ лошадей, которыхъ хозяинъ, за неимѣніемъ корма, выпускалъ пастись на волю въ эти печальныя равнины, да соколъ иногда рѣялъ въ сѣрыхъ облакахъ, спѣша улетѣть въ южныя страны. Меланхолія этой суровой природы охватила меня, и невольно вспомнилъ я родину.

Намъ пришлось переправиться черезъ нѣсколько незначительныхъ маленькихъ фіордовъ и одинъ настоящій заливъ. Море стояло какъ разъ на одномъ уровнѣ, между приливомъ

---

*) Въ настоящее время признано, что проказа болѣзнь заразительная.
Прим. переводч.

и отливомъ; мы тотчасъ переправились и очутились въ расположенной въ разстоянiи мили отъ залива деревушкѣ Альтинъ.

Вечеромъ мы перешли въ бродъ еще двѣ рѣчки Альфу и Гету, такъ и кишѣвшiя форелями и щуками. Ночевать пришлось въ заброшенной хижинѣ, въ которой, пожалуй, ютились многiе духи скандинавской миѳологiи, а уже духъ холода навѣрное.

Слѣдующiй день прошелъ безъ всякихъ приключенiй. Та же болотистая почва, то же однообразiе, тотъ же печальный видъ. Къ вечеру мы прошли уже половину всего пути и остановились на ночлегъ въ селенiи Крезальбтъ.

19-го iюня мы вступили на почву, покрытую лавою. Такая почва носитъ здѣсь названiе «hraun». Шероховатая поверхность лавы напоминала вытянутые или свернутые кольцомъ канаты. Склоны сосѣднихъ горъ, когда-то огнедышащихъ, а теперь погасшихъ, были покрыты огромнымъ потокомъ застывшей лавы. Все свидѣтельствовало о страшной когда-то силѣ вулкановъ. Тамъ и сямъ клубился паръ отъ горячихъ источниковъ.

Но надо было идти, и намъ некогда было наблюдать за этими явленiями. Снова потянулась болотистая, мѣстами прорѣзанная озерами, мѣстность. Мы ѣхали на западъ, обогнули большой заливъ Факса, и увѣнчанная снѣгомъ двойная вершина Снеффельса обрисовывалась на фонѣ облаковъ въ разстоянiи какихъ-нибудь пяти миль.

Несмотря на плохую дорогу, лошади бѣжали хорошо. Что касается меня, то я страшно усталъ. Дядя казался такимъ же бодрымъ, какъ въ первый день. Охотнику тоже поѣздка эта казалась простой прогулкой. Я смотрѣлъ на обоихъ съ невольнымъ уваженiемъ.

Въ субботу 20-го iюня, въ шесть часовъ вечера, мы пришли въ Бюдиръ, посадъ на берегу моря, и проводникъ потребовалъ своей условной платы. Дядя разсчитался съ нимъ. На этотъ разъ мы остановились на ночлегъ у родственниковъ Ганса, у его дядей и двоюродныхъ братьевъ. Они приняли насъ очень радушно, и я охотно отдохнулъ бы подольше у этихъ славныхъ людей. Дядя, вовсе не чувствовавшiй утомленiя, былъ иного мнѣнiя, и на слѣдующее утро мы снова осѣдлали своихъ лошадей.

Чувствовалась близость горъ: гранитные отроги высовывались изъ земли, какъ корни стараго дуба. Мы обходили необъятную подошву горы. Профессоръ глазъ не сводилъ съ вулкана, онъ жестикулировалъ, увѣрялъ себя въ близкой побѣдѣ. «Такъ вотъ гигантъ, котораго я скоро покорю», — казалось, думалъ онъ. Наконецъ, послѣ двухсуточной ходьбы, лошади сами остановились передъ домомъ пастора въ Стапи.

XIV.

Стапи — маленькое село изъ тридцати хижинъ, выстроенныхъ на покрытой лавой почвѣ и опаляемыхъ отражаемыми склонами вулкана лучами солнца. Село пріютилось на берегу маленькаго фіорда и окружено цѣлою стѣною скалъ.

Базальтъ—буроватаго цвѣта вулканическая горная порода. Обыкновенно форма его правильно однообразна. Природа, какъ бы подражая человѣку, создала геометрически правильныя фигуры, словно пользовалась откосомъ, наугольникомъ и циркулемъ. Въ другихъ мѣстахъ она создавала великолѣпныя картины, безпорядочно нагромождая огромныя массы, едва обрисовывая конусы и пирамиды; здѣсь же ей захотѣлось творить по извѣстнымъ правиламъ и, предвосхитивъ мысль древнихъ зодчихъ, она создала строгія по своимъ очертаніямъ фигуры, которыхъ не могли превзойти ни великолѣпіе Вавилона, ни чудеса Греціи.

Мнѣ доводилось слышать о Шоссе Гигантовъ въ Ирландіи, о Гротѣ Фингала на одномъ изъ Гебридскихъ острововъ, но я еще никогда не видѣлъ грандіозныхъ базальтовыхъ колоннъ.

Въ Стапи передо мною развернулась эта картина во всемъ своемъ величіи.

Стѣна фіорда, какъ и все побережье полуострова, состояла изъ цѣлаго ряда вертикальныхъ колоннъ въ тридцать футовъ вышиною. Эти прямые и строго пропорціональные столбы поддерживали архивольтъ изъ колоннъ горизонтальныхъ, полусводомъ возвышавшихся надъ моремъ. Кое-гдѣ подъ этимъ естественнымъ навѣсомъ глазъ различалъ стрѣльчатыя отверстія чудныхъ очертаній, въ которыя, пѣнясь, врывались морскія волны. Нѣсколько обломковъ базальтовыхъ колоннъ, оторванные бурнымъ океаномъ, лежали на землѣ, какъ развалины

древняго храма,—вѣчно юныя руины, подъ которыми проходятъ столѣтія, не сокрушая ихъ.

Это былъ нашъ послѣдній переходъ на поверхности земли. Гансъ направлялъ насъ вѣрной дорогой, и меня нѣсколько утѣшала мысль, что онъ будетъ провожать насъ и дальше.

Когда мы подошли къ дому священника, такой же низкой и невзрачной наружности, какъ и сосѣдніе, я увидѣлъ человѣка съ молоткомъ въ рукѣ и въ кожаномъ передникѣ, готовившагося подковать лошадь.

— Saellvertu,—сказалъ ему охотникъ.

— God dag, — отвѣчалъ кузнецъ на чистѣйшемъ датскомъ языкѣ.

— Kyrkoherde, — пояснилъ Гансъ, обращаясь къ дядѣ.

— Ректоръ!—повторилъ тотъ.—Оказывается, Аксель, что этотъ славный человѣкъ священникъ.

Между тѣмъ проводникъ разсказывалъ «священнику», въ чемъ дѣло. Тотъ оставилъ работу и крикнулъ какъ то своеобразно, должно быть такъ окликаютъ барышники лошадей. На этотъ зовъ изъ хижины вышла высокая, злая на видъ женщина.

Я невольно содрогнулся при мысли, что она, по исландскому обычаю, подойдетъ и поцѣлуетъ насъ; но, къ счастью, этого не случилось; напротивъ, она даже въ домъ пустила насъ какъ то неохотно.

Отведенная для насъ комната показалась мнѣ узкою, грязною, смрадною, но пришлось довольствоваться и этимъ; ректоръ оказался далеко не поклонникомъ древняго гостепріимства. Въ тотъ же вечеръ я узналъ, что мы имѣемъ дѣло съ кузнецомъ, рыбакомъ, охотникомъ, плотникомъ, но только не съ служителемъ церкви. Правда, что мы пріѣхали въ будни; можетъ быть, по воскресеньямъ онъ наверстывалъ и остальныя свои обязанности.

Я не хочу, однако, дурно отзываться объ этихъ бѣдныхъ священникахъ, получающихъ отъ датскаго правительства ничтожное вознагражденіе и четверть десятины отъ прихожанъ, дающую въ общей сложности не болѣе шестидесяти марокъ. Неудивительно, что имъ приходится работать, чтобы сводить концы съ концами. Рыбная ловля, охота, кузнечное мастерство мало-по-малу дѣлаютъ ихъ и по манерамъ похожими на

*

рыбаковъ, кузнецовъ, охотниковъ, людей нѣсколько грубыхъ. Вечеромъ я убѣдился, что трезвость не составляла одной изъ добродѣтелей нашего хозяина.

Дядя тотчасъ же сообразилъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Вмѣсто достойнаго уваженія ученаго онъ встрѣтилъ грубаго и тупого крестьянина. Это побудило его какъ можно скорѣе предпринять экспедицію и поскорѣе уйти изъ негостепріимнаго дома священника. На усталость онъ не обращалъ вниманія и рѣшилъ провести нѣсколько дней въ горахъ.

Такимъ образомъ, на слѣдующій же день послѣ пріѣзда въ Стапи мы начали собираться въ дальнѣйшій путь. Гансъ нанялъ трехъ исландцевъ-посильщиковъ, которые должны были смѣнить нашихъ лошадей при переноскѣ багажа. Эти туземцы должны были проводить насъ лишь до дна кратера, а затѣмъ возвратиться, предоставивъ насъ самимъ себѣ. Такъ условились заранѣе.

При этомъ же случаѣ дядя объявилъ охотнику, что онъ намѣренъ изслѣдовать вулканъ до крайнихъ возможныхъ предѣловъ.

Гансъ выразилъ согласіе кивкомъ головы. Идти ли туда или въ другое мѣсто, спуститься въ нѣдра родного острова, или бродить по его поверхности,—ему было безразлично. Что же касается меня, до сихъ поръ случайности путешествія на время отвлекли меня отъ мысли о будущемъ; теперь же мною снова овладѣло сильное волненіе. Однако, что же дѣлать? Противиться профессору Лиденброку еще можно было въ Гамбургѣ, но не здѣсь, у подножія Снеффельса.

Меня мучила одна страшная мысль, которая поколебала бы нервы и покрѣпче моихъ.

— Ну, хорошо,—думалъ я,—мы поднимемся на вершину Снеффельса, спустимся въ кратеръ. Отлично. Не мы первые дѣлаемъ это, другіе были въ кратерѣ и не умерли. Но вѣдь это не все. Если дѣйствительно найдется дорога, ведущая въ нѣдра земли, если этотъ злосчастный Сакнуссемъ говоритъ правду, мы заблудимся въ подземныхъ галлереяхъ вулкана Ничѣмъ не доказано, что Снеффельсъ погасъ. Кто ручается, что не подготовляется новое изверженіе? Чудовище спитъ съ 1229 года, но оно можетъ проснуться. А что будетъ тогда съ нами?

Объ этомъ стоило подумать, и я думалъ. Я спалъ и мнѣ снилось изверженіе вулкана. Между тѣмъ мнѣ вовсе не хотѣлось играть роль шлака.

Наконецъ, я не могъ удержаться, чтобы, выбравъ благопріятный моментъ, не подѣлиться съ дядей своими предположеніями, какъ бы они ни были маловѣроятны.

Я разыскалъ дядю, сообщилъ ему свои опасенія и отодвинулся подальше отъ него въ ожиданіи гнѣвной вспышки.

— Я уже думалъ объ этомъ,—просто отвѣтилъ онъ.

Что это значитъ? Неужели онъ позволитъ уговорить себя? Неужели онъ готовъ отказаться отъ исполненія своихъ плановъ? Нѣтъ, положительно это было бы слишкомъ хорошо!

Помолчавъ нѣсколько минутъ, дядя сказалъ:

— Я объ этомъ думалъ. Съ самаго нашего пріѣзда въ Стапи я обсудилъ важный вопросъ, который ты теперь затронулъ, потому что не слѣдуетъ поступать неосмотрительно.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я съ убѣжденіемъ.

— Снеффельсъ молчитъ вотъ уже шестьсотъ лѣтъ; но онъ можетъ вновь заговорить. Изверженіямъ всегда предшествуютъ, однако, очень извѣстныя явленія природы. И вотъ я спрашивалъ мѣстныхъ жителей, изучалъ почву и могу сказать тебѣ, Аксель, что изверженія не будетъ.

Я такъ былъ пораженъ этимъ выводомъ, что не нашелся, что возразить.

— Ты сомнѣваешься въ истинѣ моихъ словъ?—спросилъ дядя.—Такъ слѣдуй же за мною.

Я машинально повиновался. Выйдя изъ дома священника, профессоръ пошелъ прямою дорогою, которая удалялась отъ моря и шла въ расщелинѣ базальтовой стѣны. Скоро мы вышли въ открытую мѣстность,—не рѣшаюсь назвать долиной это огромное скопище вулканическихъ изверженій: земля казалась подавленной градомъ огромныхъ камней, трапповъ, базальта, пироксена.

Тамъ и сямъ поднимался дымокъ или вѣрнѣе бѣлый паръ отъ теплыхъ ключей, которые здѣсь называютъ «reikyr». Ключи эти являлись прямымъ доказательствомъ того, что почва еще подвержена дѣйствію огня. Мнѣ казалось, что это оправдываетъ мои опасенія.

— Видишь эти фумаролы, Аксель, — сказалъ дядя, —онѣ доказываютъ, что намъ нечего бояться ярости вулкана.

Эти слова ошеломили меня.

— Это какимъ образомъ!—воскликнулъ я.

— Запомни, Аксель,—сказалъ профессоръ, — что передъ изверженіемъ фумаролы начинаютъ усиленно дымить, а во время самаго изверженія совсѣмъ исчезаютъ; происходитъ это потому, что упругія жидкія тѣла, потерявъ необходимое напряженіе, просачиваются уже не въ трещины на поверхности земли, а въ кратеръ. Итакъ, разъ выдѣленіе подземныхъ вулканическихъ паровъ происходитъ обычнымъ порядкомъ и энергія ихъ не усиливается, разъ, вмѣсто вѣтра и дождя, не устанавливается тяжелая и удушливая атмосфера, ты можешь быть увѣренъ, что изверженія не будетъ.

— Но...

— Довольно. Когда наука высказалась, остается только молчать.

Я вернулся въ домъ священника, понуривъ голову. Дядя разбилъ меня научными доводами. Только одна надежда оставалась еще у меня, что никакой галлереи на днѣ кратера не окажется, чтобы тамъ ни говорили Сакнуссемы всего міра.

Страшный кошмаръ преслѣдовалъ меня всю слѣдующую ночь. Мнѣ снилась, что я въ кратерѣ вулкана, въ нѣдрахъ земли и что я вылетаю въ міровое пространство въ видѣ извергаемаго вулканомъ осколка скалы.

На слѣдующій день, 23-го іюня, Гансъ ожидалъ насъ съ своими товарищами, взвалившими на плечи наши съѣстные припасы, инструменты и орудія. Намъ съ дядей оставили по палкѣ съ желѣзнымъ наконечникомъ, по ружью и патронташу. Гансъ, человѣкъ предусмотрительный, захватилъ также мѣхъ съ водою; этой воды да той, которою мы наполнили свои фляжки намъ могло хватить на недѣлю.

Было девять часовъ утра, когда священникъ и его высокая мегера вышли проводить насъ на порогъ своего дома. Мы думали, что они хотѣли проститься съ нами. Вмѣсто прощанья намъ вручили, однако, громадный счетъ, по которому, кажется, мы должны были заплатить чуть ли даже не за смрадный воздухъ, которымъ дышали въ пасторскомъ домѣ. Достойные супруги дорого оцѣнили свое гостепріимство, не хуже любого швейцарскаго хозяина гостиницы.

Дядя заплатилъ, не торгуясь. Человѣку, отправляющемуся къ центру земли, не до нѣсколькихъ риксдалей.

Покончивъ съ разсчетомъ, Гансъ подалъ сигналъ выходить въ путь и черезъ нѣсколько минутъ мы вышли изъ Стампи.

XV.

Снеффельсъ имѣетъ пять тысячъ миль вышины. Своею раздвоенною вершиною онъ заканчиваетъ рядъ трахитовыхъ скалъ, выдѣляющихся изъ орологической системы острова. Съ мѣста, гдѣ мы находились, не было видно на фонѣ сѣраго неба очертаній его двухъ вершинъ. На головѣ гиганта виднѣлась только огромная шапка снѣга.

Мы шли гуськомъ: впереди шелъ охотникъ. Мы карабкались по узкой тропинкѣ, на которой не разошлись бы два человѣка. Разговаривать не представлялось возможности.

За базальтовой стѣной фіорда Стампи начиналась торфяная поросшая травой, волокнистая равнина — остатокъ прежней растительности на болотахъ полуострова. Этихъ неисчерпаемыхъ залежей горючаго вещества хватило бы на цѣлое столѣтіе на все населеніе Исландіи. Торфяныя залежи, иногда въ семьдесятъ футовъ толщиною, состояли изъ пластовъ обуглившихся продуктовъ разрушенія горныхъ породъ и темнокраснаго туфа.

Какъ достойный племянникъ профессора Лиденброка, несмотря на то, что я былъ очень озабоченъ, я съ глубокимъ интересомъ разсматривалъ богатства царства минераловъ, разбросанныя въ этомъ обширномъ естественно научномъ кабинетѣ. Въ то же время я мысленно возсоздавалъ геологическую исторію Исландіи.

Вѣроятно, этотъ замѣчательный островъ поднялся на поверхности водъ въ сравнительно недавнюю эпоху. Возможно даже, что онъ незамѣтно продолжаетъ подниматься еще и теперь. Объяснить это можно только дѣйствіемъ подземнаго огня. Въ послѣднемъ случаѣ теорія Гемфри Дэви, документъ Сакнуссема и предположенія моего дяди никуда не годятся. Гипотеза эта побудила меня внимательно приглядѣться къ свойству почвы и мало-по-малу для меня стало яснымъ, благодаря какимъ послѣдовательнымъ явленіямъ возникъ островъ.

Въ Исландіи совсѣмъ нѣтъ почвы осадочной, а есть только вулканическій туфъ, т. е. агломератъ пористаго строенія

камней и горныхъ породъ. До появленія вулкановъ островъ состоялъ изъ транковыхъ массъ, которыя подъ вліяніемъ внутреннихъ силъ медленно вздымались надъ поверхностью водъ. Подземный огонь въ то время еще не проложилъ себѣ путь наружу.

Позже въ діагональномъ направленіи съ юго-западной на сѣверо-западную часть острова образовалась широкая трещина, въ которую и устремилась вся густая масса. Проходъ былъ широкій, и расплавленныя вещества, выброшенныя изъ нѣдръ земного шара, ползли медленно, мирно и разлились широкою скатертью, покрываясь иногда небольшими буграми. Къ этой эпохѣ относится образованіе полевыхъ шпатовъ, сіенитовъ, порфировыхъ породъ.

Вслѣдствіе этихъ изліяній и наслоеній, кора острова сдѣлалась значительно толще, а слѣдовательно стала обладать и большею силою сопротивленія. Можно себѣ представить, сколько упругихъ жидкихъ массъ собралось внутри острова, не находя выхода изъ подъ охладѣвшей трахитовой коры. Но наступилъ моментъ, когда механическая сила этихъ газовъ стала такъ велика, что они подняли тяжелую кору и проложили глубокія жерла. Вотъ какимъ путемъ изъ приподнятой коры образовался сначала вулканъ, затѣмъ на вершинѣ его появился кратеръ.

За изверженіемъ послѣдовали явленія вулканическія. Изъ новообразовавшихся отверстій были исторгнуты базальтовыя породы, самые причудливые образцы которыхъ покрывали эту равнину. Мы ступали по тяжелымъ темносѣрымъ скаламъ, застывшимъ въ видѣ призмъ съ гекзагональнымъ основаніемъ. Вдали виднѣлись многочисленные приплюснутые сверху конусы; все это были когда то огнедышащіе кратеры.

Когда исторженіе базальтовыхъ породъ истощилось, вулканъ выбросилъ лаву и туфъ изъ шлаковъ и пепла, которые покрыли склоны горы своими потоками.

Такой послѣдовательной смѣной явленій природы создавалась Исландія. Всѣ эти явленія имѣли своимъ источникомъ внутренній огонь; предполагать, что внутренняя масса не осталась въ жидкомъ и расплавленномъ состояніи, было безуміемъ. Еще большее безуміе предполагать, что можно достигнуть центра земного шара.

Такъ раздумывалъ я объ исходѣ нашего предпріятія по дорогѣ къ Снеффельсу.

Путь становился все тяжелѣе. Мы шли въ гору. Осколки скалъ обрывались подъ ногами, и надо было соблюдать самую строгую осторожность, чтобы не упасть.

Гансъ шелъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, точно по ровной поверхности. Иногда онъ исчезалъ за большими каменными глыбами, и мы теряли его изъ вида. Тогда рѣзкимъ свисткомъ онъ давалъ намъ знать, по какому направленію мы должны идти. По временамъ онъ останавливался, подбиралъ обломки скалъ и складывалъ изъ нихъ какую-нибудь фигуру, по которой мы должны были найти дорогу на обратномъ пути. Предосторожность, вполнѣ похвальная, но ни къ чему не послужившая въ виду послѣдующихъ событій.

Послѣ трехъ томительныхъ часовъ ходьбы мы достигли только подножія горы. Гансъ посовѣтовалъ остановиться, и мы всѣ наскоро позавтракали. Дядя чуть не подавился, стараясь скорѣе глотать куски, а между тѣмъ торопиться было вовсе незачѣмъ, потому что проводникъ хотѣлъ отдохнуть и подалъ знакъ къ выступленію въ дальнѣйшій путь лишь часъ спустя. Три исландца, такіе же молчаливые, какъ ихъ товарищъ охотникъ, ѣли умѣренно и не проронили ни слова.

Теперь мы поднимались уже по склону Снеффельса. Вслѣдствіе часто повторяющагося въ горахъ оптическаго обмана зрѣнія снѣговая вершина горы казалась совсѣмъ близкой, а между тѣмъ сколько долгихъ, утомительныхъ часовъ шли мы раньше, чѣмъ достигли ея. Не скрѣпленные ни землею, ни травою, камни обрывались у насъ подъ ногами и летѣли внизъ въ долину съ быстротою лавины.

Мѣстами склоны горы и горизонтъ образовывали уголъ въ тридцать шесть градусовъ; подняться на такія крутизны было невозможно, и ихъ приходилось обходить, что было дѣломъ не легкимъ. Тогда мы помогали другъ другу, протягивая палку.

Долженъ признаться, что дядя держался какъ можно ближе ко мнѣ и не терялъ меня изъ виду; нѣсколько разъ онъ даже поддерживалъ меня. Что касается его самого, казалось, онъ отъ рожденія былъ надѣленъ чувствомъ равновѣсія и ни разу не оступился. Исландцы, какъ настоящіе горцы, быстро взбирались на гору, несмотря на ношу.

Вершина Снеффельса казалась мнѣ положительно недосягаемой. Къ счастью, послѣ цѣлаго часа утомительной эквилибристики, среди обширнаго снѣжнаго ковра, покрывшаго гребень вулкана, мы нашли родъ лѣстницы, которая значительно облегчила намъ путь. Лѣстница эта образовалась изъ потока камней, изторгнутыхъ во время изверженія и носящихъ на исландскомъ нарѣчіи названіе «стина». Еслибы этотъ потокъ не былъ остановленъ на пути расположеніемъ склона горы, онъ устремился бы въ море и образовалъ бы новые острова.

Эта созданная самою природою лѣстница оказалась какъ нельзя болѣе кстати; гора становилась все круче, но каменныя ступени позволяли намъ подниматься по ней и даже довольно быстро; такъ, напримѣръ, разъ я немного отсталъ, а товарищи продолжали подниматься, посмотрѣвъ имъ вслѣдъ, я увидѣлъ, что они такъ далеко, что стали въ моихъ глазахъ лилипутами.

Въ семь часовъ вечера мы взобрались на двѣ тысячи ступеней и очутились на утолщеніи горы или слоѣ камней, на которомъ и находился самый конусъ кратера.

Въ трехъ тысячахъ двухъ стахъ футахъ подъ нами разстилалось море. Мы перешли границу вѣчныхъ снѣговъ, которая въ Исландіи, вслѣдствіе постоянной сырости климата, довольно низка. Было холодно и дулъ сильный рѣзкій вѣтеръ. Я изнемогалъ отъ усталости. Профессоръ видѣлъ, что ноги отказываются повиноваться мнѣ, и, несмотря на свое нетерпѣніе, рѣшилъ остановиться. Онъ сдѣлалъ было знакъ охотнику, но тотъ отрицательно покачалъ головою и сказалъ:

— Ofvanför.

— Повидимому, слѣдуетъ идти выше,—объяснилъ дядя и спросилъ у Ганса, почему.

— Mistour,—отвѣчалъ проводникъ.

— Ja mistour,—отвѣчалъ одинъ изъ исландцевъ, испуганнымъ голосомъ.

— Что значитъ это слово? — спросилъ я съ смутнымъ чувствомъ страха.

— Смотри,—отвѣчалъ дядя.

Я взглянулъ внизъ на равнину. Въ воздухѣ поднимался огромный столбъ обуглившихся и превратившихся въ порошокъ камней, песку, пыли и вертѣлся, какъ смерчъ. Вѣтромъ

его несло прямо по направленію того склона Снеффельса, къ которому мы прилѣпились. Смерчъ застилалъ солнце и бросалъ огромную тѣнь на гору. Если смерчъ наклонится, онъ захватитъ насъ въ свой круговоротъ. Явленіе это повторяется въ Исландіи довольно часто, когда вѣтеръ дуетъ съ ледниковъ, и носитъ здѣсь названіе «mistour».

— Hastigt, hastigt,—закричалъ нашъ проводникъ.

Не зная по-датски, я понялъ, однако, что мы должны какъ можно скорѣе слѣдовать за Гансомъ. Онъ между тѣмъ сталъ поспѣшно обходить конусъ кратера. Скоро смерчъ обрушился на гору, которая задрожала отъ этого удара. Камни посыпались градомъ, какъ во время изверженія. Къ счастью, мы уже были на противоположномъ склонѣ и въ безопасности. Еслибы не Гансъ, тѣла наши были бы истерзаны, измельчены въ порошокъ и отброшены въ пространство, какъ продукты какого то неизвѣстнаго метеора.

Однако, Гансъ не счелъ безопаснымъ переночевать на склонѣ конуса. Мы пошли дальше зигзагами. Мы употребили пять часовъ времени на то, чтобы пройти тысячу пятьсотъ футовъ; по обходами, отступленіями отъ прямой линіи и контръ-маршами мы сдѣлали по крайней мѣрѣ мили три. Холодъ, голодъ, усталость сломили меня. Я задыхался въ разрѣженномъ горномъ воздухѣ.

Наконецъ, въ одиннадцать часовъ вечера, мы достигли вершины Снеффельса. Было совсѣмъ темно. Раньше, чѣмъ пріютиться внутри кратера, я взглянулъ и успѣлъ замѣтить «полночное солнце» на самомъ склонѣ своего круга: оно освѣщало своими блѣдными лучами островъ, уснувшій тамъ внизу у моихъ ногъ.

XVI.

Мы наскоро поужинали и расположились на ночлегъ. Нельзя было похвастаться мягкостью постели, да и кровъ у насъ былъ не слишкомъ прочный, а положеніе въ пяти тысячахъ футовъ надъ уровнемъ моря не изъ завидныхъ. Однако, какъ это ни странно, спалъ я въ эту ночь спокойнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, мнѣ даже сновъ не снилось.

На слѣдующій день я проснулся, окоченѣлый отъ рѣзкаго утренняго холода. Солнце ярко сіяло на небѣ. Я всталъ съ

своего гранитнаго ложа и пошелъ любоваться великолѣпнымъ зрѣлищемъ, раскрывавшимся передъ моими взорами.

Я стоялъ на южномъ конусѣ двухвершиннаго Снеффельса, и мнѣ была видна самая большая часть острова. Берега казались выступающими, а центральныя части острова какъ бы углубленными — это обычный оптическій эффектъ, когда смотришь съ высоты внизъ. Казалось предо мною развертывалась одна изъ рельефнымъ картъ Гельбесмера. Я видѣлъ пересѣкающія другъ друга во всѣхъ направленіяхъ долины, глубокія, какъ колодези, пропасти, озера, похожія на пруды, и рѣки, похожія на ручьи. Направо тянулся рядъ безчисленныхъ ледниковъ и остроконечныхъ скалъ, при чемъ на вершинѣ нѣкоторыхъ поднимался легкій дымокъ. Видъ этихъ безчисленныхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, какъ пѣной, напоминалъ мнѣ морскія волны. А на западѣ, какъ продолженіе этихъ волнистыхъ вершинъ, величаво раскинулся океанъ. Глазъ едва различалъ, гдѣ кончалась земля и гдѣ начиналось море.

Я стоялъ въ восхищеніи, охваченный какимъ то неизъяснимымъ чувствомъ, какое испытываешь только на высокихъ горахъ. Я уже привыкъ къ созерцанію съ высотъ и голова не кружилась у меня. Ослѣпленные глаза мои, казалось, купались въ прозрачныхъ переливахъ солнечныхъ лучей; я забылъ, кто я, гдѣ я нахожусь; я жилъ жизнью созданныхъ скандинавской миѳологіи эльфовъ и сильфовъ, населяющихъ будто бы эти скалы. Сладостное чувство высоты опьяняло меня, я не думалъ въ данную минуту о той безднѣ, въ которую мнѣ вскорѣ надлежало погрузиться. Появленіе профессора и Ганса заставило меня вернуться къ дѣйствительности.

Дядя указалъ мнѣ на западѣ легкій паръ, туманное пятнышко, намекъ на землю, чуть возвышающуюся надъ уровнемъ водъ.

— Гренландія,—сказалъ онъ.

— Гренландія!—воскликнулъ я.

— Да, всего въ тридцати пяти миляхъ отъ насъ, и во время оттепелей бѣлые медвѣди приплываютъ на льдинахъ въ Исландію. Мы на вершинѣ Снеффельса. Вотъ двѣ вершины, одна на югѣ, другая — на сѣверѣ. Гансъ скажетъ намъ названіе той, на которой мы находимся.

— «Scartaris»,—отвѣтилъ охотникъ на его вопросъ.

— Мы у кратера! — сказалъ дядя, бросивъ на меня торжествующій взглядъ.

Кратеръ Снеффельса имѣлъ форму воронки, отверстіе которой имѣло полмили въ діаметрѣ. По моему разсчету, онъ могъ быть въ двѣ тысячи футовъ. Можно себѣ представить, каковъ былъ этотъ кратеръ, когда онъ изрыгалъ пламя. Дно воронки имѣло не болѣе пятисотъ футовъ въ окружности, а по довольно отлогимъ склонамъ не трудно было спуститься до дна. Я невольно сравнилъ этотъ кратеръ съ огромнымъ широкимъ мушкетономъ, и это сходство испугало меня.

— Спускаться въ мушкетонъ,—думалъ я,—когда онъ, можетъ быть, заряженъ и можетъ выстрѣлить при малѣйшемъ толчкѣ, да вѣдь это безуміе!

Но отступать было невозможно. Гансъ съ своимъ равнодушнымъ видомъ снова пошелъ во главѣ каравана. Я, молча, послѣдовалъ за нимъ.

Чтобы легче было спускаться, Гансъ описывалъ внутри воронки очень длинные эллипсы. Мы шли среди вулканическихъ скалъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, поколебленныя въ своихъ ячейкахъ, летѣли въ пропасть, отскакивая отъ противоположныхъ скалъ. Паденіе ихъ производило оглушительный, повторяемый эхомъ грохотъ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ кратера были внутренніе ледники. Въ подобныхъ мѣстахъ Гансъ подвигался впередъ крайне осторожно, ощупывая почву палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ, чтобы открыть трещины. Въ нѣкоторыхъ опасныхъ мѣстахъ мы обвязывали себя вокругъ пояса длинною веревкою, чтобы, въ случаѣ, если одинъ изъ насъ оступится, другіе могли поддержать его. Это была полезная мѣра предосторожности, не исключавшая, однако, опасности.

Несмотря на всѣ затрудненія спуска по склонамъ, которыхъ проводникъ вовсе не зналъ, мы прошли весь путь безъ злоключеній. Только одинъ изъ исландскихъ носильщиковъ выпустилъ изъ рукъ связку веревокъ, и она полетѣла кратчайшимъ путемъ на дно пропасти.

Мы пришли въ полдень. Я взглянулъ вверхъ и замѣтилъ верхнее отверстіе воронки; въ него виднѣлся клочокъ неба. Только въ одномъ мѣстѣ вырисовывалась вершина Скартарисъ, уходившая въ неизмѣримое пространство.

На днѣ кратера оказались три жерла, въ которыя нѣкогда, во время изверженій Снеффельса, устремлялись изъ центральнаго очага лава и пары. Каждое изъ нихъ имѣло около ст футовъ въ діаметрѣ. Они зіяли у нашихъ ногъ. У меня не хватило смѣлости заглянуть въ нихъ. Профессоръ Лиденброкъ, напротивъ, быстро осмотрѣлъ ихъ расположеніе. Онъ задыхался бѣгая отъ одного жерла къ другому, жестикулируя и произнося непонятныя слова. Гансъ и его товарищи сидѣли на обломкахъ застывшей лавы и смотрѣли на него; вѣроятно, они принимали его за сумасшедшаго.

Вдругъ у дяди вырвался крикъ. Я думалъ, что онъ оступился и летитъ въ одну изъ этихъ пропастей. Но, нѣтъ. Съ распростертыми руками, разставивъ ноги, онъ остановился передъ гранитной скалой, стоявшей посреди кратера, какъ огромный пьедесталъ для изваянія Плутона. Все въ его позѣ выражало удивленіе, быстро смѣнившееся безумною радостью.

— Аксель! Аксель!—воскликнулъ онъ.—Иди сюда!

Я прибѣжалъ. Ни Гансъ, ни остальные исланды не шевельнулись.

— Смотри!—сказалъ профессоръ.

Пораженный не менѣе дяди, но отнюдь не раздѣляя его радости, я прочелъ на западной грани глыбы начертанные полустертыми отъ времени руническими письменами тысячу разъ проклятое имя:

8 ᛁᛅᚱᚾ ᛋᛁᛉᚴᚱᛋᛋᛁᛯ 7

— Арне Сакнуссемъ! — воскликнулъ дядя. — Что же ты и послѣ этого еще сомнѣваешься?

Я ничего не отвѣтилъ и вернулся на свою скамью изъ лавы. Очевидность подавляла меня.

Не помню, сколько времени, я оставался погруженнымъ въ свои размышленія. Знаю только, что когда я поднялъ голову, дядя и Гансъ были въ кратерѣ одни. Они отпустили исландцевъ, которые спускались теперь по наружному склону Снеффельса, возвращаясь въ Стапи.

Гансъ спокойно спалъ у подножія скалы, устроивъ себѣ ложе въ потокѣ остывшей лавы. Дядя ходилъ взадъ и впередъ по дну кратера, какъ звѣрь, попавшійся въ волчью яму. У меня не было ни охоты, ни силы подняться и, по примѣру

проводника, я рѣшилъ заснуть; но сонъ мой былъ скорѣе болѣзненнымъ забытьемъ, во время котораго мнѣ чудилось, что внутри горы что то вздрагиваетъ и шумитъ.

Такъ прошла первая ночь на днѣ кратера.

На слѣдующій день сѣрое, покрытое тяжелыми облаками небо нависло надъ вершиной конуса. Я замѣтилъ это не столько по мраку, который воцарился въ пропасти, сколько по гнѣву дяди.

Скоро я понялъ, почему онъ сердится, и въ сердцѣ моемъ забрезжила надежда. Вотъ почему.

Изъ трехъ, открывшихся передъ нами дорогъ, Сакнуссемъ избралъ одну. По словамъ ученаго исландца, дорогу эту можно было узнать по слѣдующей примѣтѣ, указанной въ тайнописаніи: тѣнь Скартариса падаетъ на этотъ путь въ теченіе послѣднихъ дней іюня мѣсяца.

Остроконечная гора въ данномъ случаѣ играла роль указателя огромныхъ солнечныхъ часовъ, тѣнь котораго въ опредѣленный день указывала путь къ центру земного шара.

Нѣтъ солнца, нѣтъ и тѣни. Слѣдовательно, нѣтъ и указанія. Было 25-е іюня. Если небо будетъ облачно въ теченіе недѣли, обсервацію придется отложить до будущаго года.

Отказываюсь описать безсильный гнѣвъ профессора Лиденброка. День прошелъ, и никакой тѣни не было видно на днѣ кратера. Гансъ не двинулся съ мѣста. Долженъ же онъ былъ задаться вопросомъ, чего мы ждемъ, если только онъ вообще о чемъ-нибудь думалъ. Дядя ни разу не обращался ко мнѣ. Онъ неизмѣнно смотрѣлъ на небо, теряясь въ сѣромъ и туманномъ его отсвѣтѣ.

26-го іюня дѣло обстояло не лучше, цѣлый день шелъ дождь и снѣгъ. Гансъ выстроилъ изъ кусковъ лавы хижину. Я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ слѣдилъ взглядомъ за тысячами мелкихъ водопадовъ, образовавшихся на склонахъ конуса; каждый камешекъ увеличивалъ ихъ оглушительный говоръ.

Дядя былъ внѣ себя. Впрочемъ, тутъ человѣкъ, даже болѣе терпѣливый, имѣлъ бы основаніе негодовать, вѣдь мы, такъ сказать, дошли до самой гавани и тутъ потерпѣли крушеніе.

Но сильныя радость и горе, волею неба, всегда чередуются. Профессора Лиденброка послѣ охватившаго его отчаянія ожидала великая радость.

На слѣдующій день небо было все еще облачно, но въ воскресенье, 28-го іюня, за два дня до конца мѣсяца, погода перемѣнилась. Солнечные лучи яркимъ потокомъ ворвались въ кратеръ. Они освѣтили каждый холмикъ, каждую скалу, каждый камень, каждую шероховатость, и всюду показались на землѣ, падающія отъ предметовъ тѣни. Тѣнь Скартариса также легла рѣзкою чертою и стала подвигаться вмѣстѣ съ солнцемъ. Вмѣстѣ съ нею двигался и дядя.

Въ полдень тѣнь скользнула по краю средняго жерла.

— Вотъ куда надо идти! — воскликнулъ профессоръ. — Вотъ дорога къ центру земли! — прибавилъ онъ по-датски.

Я взглянулъ на Ганса.

— Forut! — спокойно сказалъ проводникъ.

— Впередъ! — отвѣчалъ дядя.

Было тринадцать минутъ второго.

XVII.

Теперь то начиналось настоящее путешествіе. До сихъ поръ наше путешествіе можно было назвать утомительнымъ, но препятствій мы не встрѣчали, теперь же они должны были встрѣчаться на каждомъ шагу.

Я еще ни разу не заглянулъ въ этотъ бездонный колодезь, въ который я собирался погрузиться. Теперь насталъ моментъ. Въ концѣ концовъ я могъ еще отказаться отъ предпринимаемой экседиціи, было еще не поздно. Но мнѣ стыдно было передъ Гансомъ. Охотникъ смотрѣлъ на это странное путешествіе такъ спокойно, такъ равнодушно, опасность такъ мало страшила его, что я краснѣлъ при мысли, что выкажу меньше мужества, чѣмъ онъ. Будь я одинъ, я снова началъ бы убѣждать и увѣщевать его, но присутствіе проводника заставило меня молчать. Еще разъ мысль моя унеслась къ хорошенькой Граубенъ, потомъ я подошелъ къ центральному холму.

Я уже говорилъ, что оно имѣло сто футовъ въ діаметрѣ и триста въ окружности. Я наклонился надъ скалой, которая выступала надъ отверстіемъ и посмотрѣлъ. Волосы стали у меня дыбомъ. Всѣмъ моимъ существомъ овладѣло какое то жуткое чувство пустоты. Я почувствовалъ, что теряю центръ тяжести и что у меня начинаетъ кружиться голова. Пропасть

гипнотизируетъ, притягиваетъ, опьяняетъ. Я упалъ бы, если бы меня не удержалъ Гансъ. Положительно я взялъ недостаточное количество уроковъ искусства смотрѣть въ пропасть на Фрельсерсъ-Киркѣ, въ Копенгагенѣ.

Хотя я и недолго смотрѣлъ въ колодезь, я успѣлъ разглядѣть его очертанія. Стѣны его были почти отвѣсныя, но съ уступами, благодаря которымъ возможно было сойти внизъ. Такимъ образомъ, лѣстница была, но безъ перилъ. Чтобы удержать насъ, было бы достаточно привязать у отверстія, веревку но какъ отвязать ее, когда мы будемъ внизу.

Дядя нашелъ простой способъ устранить это затрудненіе. Онъ размоталъ веревку въ дюймъ толщиною и четыреста футовъ длиною. Половину ея онъ спустилъ въ пропасть, потомъ обмоталъ серединою ея выступъ скалы и бросилъ въ жерло другой конецъ веревки. Уцѣпившись за обѣ веревки, мы могли такимъ образомъ спуститься въ бездну; обмотанный вокругъ выступа канатъ не могъ размотаться. Наконецъ, спустившись на двѣсти футовъ, мы могли стащить веревку внизъ, отпустивъ одинъ ея конецъ и потянувъ за другой. А дальше можно было поступать точно такимъ же порядкомъ usque ad infinitum *).

— Теперь, — сказалъ дядя, оканчивая приготовленія, — займемся багажемъ. Раздѣлимъ всѣ хрупкіе предметы на три части и каждый изъ насъ привяжетъ себѣ на спину по одному пакету.

Очевидно, отважный профессоръ не относилъ насъ самихъ къ категоріи хрупкихъ.

— Гансъ возьметъ орудія и треть съѣстныхъ припасовъ,— продолжалъ онъ,—ты, Аксель, взвалишь на плечи тоже треть припасовъ и оружіе; я же беру на свое попеченіе наиболѣе дорогіе и хрупкіе инструменты и послѣднюю треть провіанта.

— А кто же понесетъ всю эту массу веревокъ и лѣстницу?

— О, доставка ихъ на мѣсто очень несложна!

— А именно?—удивленно спросилъ я.

— А вотъ увидишь.

---

*) До безконечности.

Дядя всегда любилъ примѣнять радикальныя средства и не колеблясь. По его приказанію, Гансъ связалъ въ одинъ тюкъ всѣ не бьющіеся предметы, затѣмъ эту связку бросили въ пропасть.

Я услышалъ своеобразный шумъ воздуха, потрясаемаго паденіемъ тюка. Дядя наклонился надъ пропастью и съ довольнымъ видомъ смотрѣлъ на полетъ своего багажа. Онъ поднялся только тогда, когда потерялъ его изъ вида.

— Отлично,—сказалъ онъ.—Теперь очередь за нами.

Ну, скажите, пожалуйста, можно ли было безъ дрожи слушать эти слова!

Профессоръ взвалилъ себѣ на плечи свертокъ съ инструментами, Гансъ взялъ тюкъ съ орудіями, я—пакетъ съ оружіемъ. Мы начали спускаться въ слѣдующемъ порядкѣ: Гансъ, мой дядя и я. Мы всѣ молчали, только камни, обрывавшіеся у насъ подъ ногами, съ грохотомъ неслись въ бездну.

Неистово ухватившись одной рукой за веревку, я началъ, такъ сказать, скользить по ней, опираясь другою при помощи палки съ желѣзнымъ наконечникомъ. Меня преслѣдовала одна неотвязная мысль: я боялся, что въ извѣстный моментъ не на что будетъ опереться. Канатъ тоже казался мнѣ недостаточно сильнымъ, чтобы выдержать трехъ человѣкъ. Самъ я старался пользоваться веревкой какъ можно меньше и совершалъ чудеса эквилибристики, цѣпляясь ногами за выступы скалъ.

Когда одна изъ скользкихъ ступеней колебалась подъ ногами Ганса, онъ спокойно говорилъ:

— «Gif akt!»

— Осторожно!—повторялъ дядя.

Черезъ полчаса мы добрались до прочно прикрѣпленной къ стѣнѣ жерла площадки.

Гансъ потянулъ веревку за одинъ конецъ, другой поднялся на воздухъ, обвился вокругъ скалы, на которую былъ намотанъ, и упалъ, увлекая съ собою камни и куски лавы, посыпавшіеся цѣлымъ дождемъ или, лучше сказать, градомъ.

Я наклонился надъ площадкой, на которой мы стояли и посмотрѣлъ внизъ: дна все еще не было видно.

Опять привязали веревку и продолжали спускаться тѣмъ же путемъ. Черезъ полчаса мы углубились еще на двѣсти футовъ.

Думаю, что самый заядлый геологъ не рѣшился бы изучать природу окружающихъ горныхъ породъ во время этой бѣшеной скачки. Я, по крайней мѣрѣ, не думалъ объ этомъ. Были ли то пласты пліоценовые, міоценовые, эоценовые, мѣловые, юрскіе, тріасовые, пермскіе, угольные, девонской формаціи, силурійскіе или первичные, мнѣ было рѣшительно все равно. Профессоръ же, вѣроятно, замѣтилъ все, потому что во время одной изъ остановокъ сказалъ мнѣ:

— Чѣмъ больше я смотрю, тѣмъ больше убѣждаюсь. Расположеніе этихъ вулканическихъ пластовъ вполнѣ оправдываетъ теорію Дэви. Мы находимся среди примордіальнаго яруса почвы, среди которой произошло химическое воспламененіе металловъ при соединеніи съ воздухомъ и водою. Я категорически отвергаю теорію о центральномъ огнѣ; впрочемъ, мы въ этомъ убѣдимся лично.

Выводъ все тотъ же. Конечно, у меня давно пропала охота спорить. Молчаніе мое было истолковано, какъ согласіе, и мы начали спускаться дальше.

Прошло три четверти часа, а дна все еще не было видно. Поднявъ голову, я замѣтилъ, что верхнее отверстіе значительно уменьшилось. Стѣны колодезя нѣсколько суживались. Мало-по-малу смеркалось.

Между тѣмъ мы все спускались. Мнѣ казалось, что отрывавшіеся отъ стѣнъ камни падали съ менѣе продолжительнымъ грохотомъ, должно быть дно пропасти было близко.

Я тщательно слѣдилъ за нашими маневрами съ канатами и могъ теперь дать себѣ полный отчетъ, на какой мы глубинѣ и сколько времени находимся въ пути.

Мы сдѣлали уже четырнадцать переходовъ по полчаса каждый и отдыхали послѣ каждаго изъ нихъ по четверти часа. Въ общемъ это составляло семь часовъ да три съ половиною, всего десять съ половиною часовъ. Мы отправились въ часъ, слѣдовательно теперь должно быть одиннадцать часовъ.

Веревка, по которой мы спускались, имѣла двѣсти футовъ длины; мы отмѣрили ею четырнадцать разъ, слѣдовательно, мы находились въ двухъ тысячахъ восьми стахъ футовъ глубины.

Въ это время послышался голосъ Ганса.

— Halt!—сказалъ онъ.

*

Я остановился какъ разъ во время. Еще мигъ и я ударился бы ногами въ голову дяди.

— Мы прибыли,—сказалъ профессоръ.

— Куда?—спросилъ я, становясь рядомъ съ нимъ.

— На дно перпендикулярнаго жерла.

— Значитъ, дальнѣйшаго хода нѣтъ?

— Направо вкось есть нѣчто вродѣ корридора. Мы осмотримъ его завтра, а теперь поужинаемъ и ляжемъ спать.

Было еще не совсѣмъ темно. Мы достали провизію, закусили и улеглись, сколько возможно удобнѣе, на жесткомъ ложѣ изъ камней и лавы.

Когда я, лежа на спинѣ, открылъ глаза и посмотрѣлъ вверхъ, я увидѣлъ въ концѣ огромнаго жерла, длиною въ три тысячи футовъ, походившаго на гигантскій телескопъ, свѣтлую точку. Это была лишенная блеска звѣзда, по моему соображенію одна изъ звѣздъ созвѣздія Большой Медвѣдицы.

Скоро я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XVIII.

Въ восемь часовъ утра насъ разбудилъ прокравшійся въ нашу нору лучъ свѣта. Тысяча граней лавы на стѣнахъ пропасти ловили на лету этотъ свѣтъ и затѣмъ отражали его цѣлымъ дождемъ искръ.

При этомъ свѣтѣ можно было разглядѣть окружающіе предметы.

— Ну, что скажешь, Аксель? — сказалъ дядя, потирая руки.—Спалъ-ли ты когда-нибудь такъ спокойно у себя дома, на Кенигштрассе? Здѣсь не слышно ни грохота экипажей, ни криковъ разносчиковъ, ни воплей лодочниковъ!

— Правда, на днѣ этого колодезя очень тихо, но есть что-то страшное даже въ самой этой тишинѣ.

— Полно, — вскричалъ дядя, — если ты теперь уже трусишь, что-же будетъ потомъ? Мы еще не прошли и дюйма въ нѣдра земли.

— Что вы говорите?

— А то, что мы достигли только почвы острова. Это длинное вертикальное жерло, кончающееся кратеромъ Снеффельса, кончается приблизительно на уровнѣ моря.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Вполнѣ. Посмотри на барометръ, и ты убѣдишься!

Дѣйствительно, ртуть, постепенно поднимавшаяся въ аппаратѣ по мѣрѣ того, какъ мы спускались, остановилась на двадцати девяти дюймахъ.

— Видишь,—продолжалъ профессоръ,—мы все еще находимся подъ давленіемъ атмосферы. Я не дождусь, когда барометръ можно будетъ замѣнить манометромъ.

Въ самомъ дѣлѣ, приборъ этотъ долженъ былъ попадобиться намъ съ того момента, какъ давленіе воздуха превыситъ степень, разсчитанную для пространства надъ уровнемъ океана.

— Нѣтъ-ли опасности, что постоянно усиливающееся давленіе станетъ невыносимымъ?

— Нѣтъ, мы будемъ спускаться медленно, и легкія наши постепенно привыкнутъ къ сгущенному воздуху. Воздухоплаватели, поднимаясь въ верхніе слои, ощущаютъ недостатокъ воздуха мы будемъ имѣть его въ избыткѣ. Я предпочитаю послѣднее. Нечего мѣшкать. А гдѣ-же тюкъ, который мы отправили большою скоростью впередъ?

Я вспомнилъ, что мы искали его еще наканунѣ и не нашли. Дядя спросилъ Ганса. Тотъ окинулъ пространство зоркимъ взглядомъ охотника и отвѣчалъ:

— Der huppe!

— Наверху?

И въ самомъ дѣлѣ тюкъ висѣлъ на выступѣ скалъ, футахъ въ ста надъ нашею головою. Ловкій исландецъ, какъ кошка, вскарабкался туда и нѣсколько минутъ спустя пакетъ былъ въ нашихъ рукахъ.

— Теперь,—сказалъ дядя,—позавтракаемъ, и поплотнѣе, потому что намъ предстоитъ, можетъ быть, долгій путь.

Мы поѣли сухарей и сушенаго мяса, запивая эту пищу смѣшанною съ можжевеловою водкою водою.

Послѣ завтрака дядя вынулъ изъ кармана книжку, предназначенную для записи обсервацій. Онъ посмотрѣлъ по очереди на всѣ свои приборы и занесъ въ книжку слѣдующія данныя:

Понедѣльникъ, 1-го іюля.

Хронометръ: 8 час. 17 мин. утра.

Барометръ: высота 29 дюймовъ, 7 линій.

Термометръ: 6°.

Мѣстоположеніе: остъ-зюйдъ-остъ.

Послѣднее замѣчаніе относилось къ положенію темной галлереи, которое профессоръ опредѣлилъ при помощи компаса.

— А теперь, Аксель,—восторженно воскликнулъ дядя,—мы проникнемъ дѣйствительно въ нѣдра земли! Только теперь начинается настоящее путешествіе!

Сказавъ это, онъ взялъ въ одну руку висѣвшій у него на шеѣ приборъ Румкорфа, другою соединилъ электрическій токъ съ угольною нитью фонаря, и темная галлерея освѣтилась довольно яркимъ свѣтомъ.

Подобнымъ-же образомъ зажгли и другой фонарь, который былъ у Ганса. Это остроумное примѣненіе электричества позволяло намъ идти, искусственно создавая свѣтъ даже среди легко воспламеняющихся газовъ.

— Идемъ!—сказалъ дядя.

Каждый изъ насъ взялъ свой тюкъ. Гансъ ухитрился, кромѣ того, подталкивать передъ собою связку веревокъ и платья; такимъ образомъ, вошли мы въ галлерею. Я шелъ послѣдній.

Раньше, чѣмъ вступить въ этотъ темный подземный ходъ, я поднялъ голову и въ послѣдній разъ взглянулъ въ отверстіе огромнаго жерла на небо Исландіи, «которую мнѣ не суждено было больше увидѣть».

Во время послѣдняго изверженія 1229 года лава устремилась этимъ тоннелемъ. Она покрыла стѣнки его густымъ блестящимъ слоемъ, который, теперь отражая электрическій свѣтъ, увеличивалъ его интенсивность.

Подземный ходъ шелъ почти по сорока пяти градусному наклону и надо было остерегаться, чтобы не полетѣть по этой покатости слишкомъ стремительно. Къ счастью, нѣкоторые размывы вздутости почвы замѣняли собою ступеньки, и намъ оставалось только спускаться, бросая впередъ привязанные къ длиннымъ веревкамъ тюки багажа.

То, что образовывало ступеньки у насъ подъ ногами, на стѣнахъ галлереи принимало форму сталактитовъ. Лава, мѣстами пористая, представляла выпуклости. Кристаллы непрозрачнаго кварца, украшенные прозрачными, какъ капли воды, стеклышками, висѣли на сводахъ, какъ люстры, зажигавшіяся

при нашемъ приближеніи. Казалось, населяющіе пропасть духи освѣтили свой дворецъ для пріема земныхъ гостей.

— Какое великолѣпіе!—невольно воскликнулъ я.—Что за зрѣлище, дядя! Нѣтъ, вы только полюбуйтесь этимъ оттѣнкомъ лавы, незамѣтно переходящимъ отъ темно-краснаго къ ярко-желтому! А эти кристалы, кажущіеся свѣтящимися шариками!

— Ахъ! такъ ты начинаешь входить во вкусъ, Аксель!—отвѣчалъ дядя.—Ты находишь, что это великолѣпно, мой милый! Еще не то увидишь, надѣюсь. Однако, идемъ, идемъ дальше!

Вѣрнѣе было бы сказать «покатимся дальше», потому что мы безъ труда скатывались по наклоннымъ поверхностямъ. Это былъ «facilis descensus Averni» *) Виргилія. Компасъ, на который я часто посматривалъ, неизмѣнно показывалъ на юго-востокъ. Потокъ лавы стремился по прямой линіи, не сворачивая ни вправо, ни влѣво.

Нельзя сказать, чтобы становилось жарко. Теорія Дэви повидимому оправдывалась; я нѣсколько разъ смотрѣлъ на градусникъ и удивлялся. Два часа послѣ того, какъ мы тронулись въ путь онъ показывалъ только 10°, т. е. температура поднялась всего на 4°. Невольно приходило въ голову предположеніе, что мы больше подымались въ горизонтальномъ, чѣмъ въ вертикальномъ положеніи. Узнать глубину, на которой мы находимся, было очень легко. Профессоръ, съ точностью измѣрялъ углы уклоненія и наклоненія дороги, но не сообщалъ намъ результатовъ своихъ измѣреній.

Около восьми часовъ вечера онъ велѣлъ намъ остановиться. Гансъ тотчасъ-же сѣлъ. Мы повѣсили свои лампочки на выступы лавы. Мы находились въ гротѣ, гдѣ было много воздуха. Порой до насъ долетало даже какое-то вѣяніе. Откуда? Какому волненію атмосферы приписать ихъ? Въ данный моментъ я не задумывался надъ этими вопросами. Мнѣ было холодно, а голодъ дѣлалъ меня неспособнымъ къ какому-бы то ни было размышленію. Мы спускались въ продолженіе семи часовъ сряду, и это потребовало отъ насъ значительной затраты силъ. Я изнемогалъ. Слово «привалъ» несказанно обрадовало меня. Гансъ разложилъ кое-какіе припасы на глыбѣ лавы, и мы всѣ поѣли съ аппетитомъ. Меня безпокоило одно:

*) „Легкій доступъ въ подземное царство".

нашъ запасъ воды приходилъ къ концу. Дядя разсчитывалъ пополнить его изъ подземныхъ источниковъ, но до сихъ поръ мы не встрѣтили ни одного ключа. Я не удержался, чтобы не замѣтить это.

— Тебя удивляетъ отсутствіе родниковъ?—спросилъ дядя.

— Конечно, не только удивляетъ, но и безпокоитъ. Воды у насъ осталось всего дней на пять.

— Не безпокойся, Аксель. Ручаюсь, что мы найдемъ воду въ изобиліи.

— Когда?

— Когда выйдемъ изъ этой области лавы. Какъ ты хочешь, чтобы ключи пробились сквозь эти стѣны?

— Но можетъ быть потокъ лавы тянется очень глубоко? Мы кажется очень мало подвинулись въ вертикальномъ направленіи.

— Почему ты это думаешь?

— Потому что, если бы мы проникли вглубь земной коры, было-бы гораздо жарче.

— Это по твоей системѣ,—отвѣчалъ дядя.—А ты лучше посмотри на термометръ.

— Пятнадцать градусовъ; температура поднялась всего на девять градусовъ съ момента нашего отправленія.

— Какой же выводъ сдѣлаешь ты изъ этого?

— Вотъ мой выводъ. По самымъ точнымъ наблюденіямъ, температура внутри земного шара повышается по одному градусу на каждые сто футовъ. Впрочемъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, цифра эта можетъ измѣняться. Такъ, въ сибирскомъ городѣ Якутскѣ температура повышается по градусу на каждые тридцать шесть футовъ. Это, повидимому, зависитъ отъ степени теплопроводимости скалъ. Скажу еще, что по близости погасшихъ вулкановъ и въ гнейсовыхъ пластахъ температура повышается на градусъ черезъ каждые сто двадцать пять футовъ. Примемъ эту послѣднюю гипотезу за исходную точку и станемъ разсчитывать.

— Считай, другъ мой.

— Ничего не можетъ быть легче,—сказалъ я, набрасывая въ книжкѣ цифры.—Помноживъ сто двадцать пять футовъ на девять, получимъ тысячу сто двадцать пять футовъ глубины.

— Совершенно вѣрно.

— Ну...

— Ну, такъ по моимъ вычисленіямъ,—перебилъ дядя,— мы спустились на десять тысячъ футовъ ниже уровня моря.

— Неужели?

— Языкъ цифръ неоспоримъ.

Вычисленія дяди были вѣрны. Мы проникли въ глубь земли на шесть тысячъ футовъ дальше, чѣмъ проникали когда бы то ни было люди, ниже Китцъ-Бальскихъ шахтъ въ Тиролѣ и Вюттембергскихъ рудниковъ, въ Богеміи.

Но вмѣсто восьмидесяти одного градуса тепла, какъ слѣдовало ожидать, температура едва достигала пятнадцати Было надъ чѣмъ задуматься.

XIX.

На слѣдующій день, во вторникъ 30-го іюня, въ шесть часовъ мы снова тронулись въ путь.

Мы продолжали идти по естественной покатости галлереи, напоминавшей тѣ наклонныя плоскости, которыя до сихъ поръ замѣняютъ лѣстницы въ старинныхъ домахъ. Такъ подвигались мы до семнадцати минутъ перваго, момента, когда Гансъ вдругъ остановился.

— Ахъ!—воскликнулъ дядя,—мы пришли до конца подземнаго хода.

Я окинулъ взглядомъ перекрестокъ, посреди котораго мы находились. Передъ нами было двѣ дороги, обѣ узкія и темныя. Трудно было рѣшить, по которой изъ двухъ слѣдовало идти.

Дядя не захотѣлъ, однако, показать мнѣ и проводнику, что онъ неувѣренъ и указалъ намъ на восточный тоннель, въ который мы и вошли.

Впрочемъ, можно было очень долго стоять въ сомнѣніи передъ этими двумя ходами и не придти ни къ какому выводу. Вѣдь никакихъ указаній относительно дороги не было. Надо было идти на удачу.

Эта новая галлерея оказалась очень неправильною и довольно отлогою. Передъ нами открывался то рядъ арокъ, похожихъ на арки готическихъ соборовъ,—средневѣковые зодчіе могли бы въ совершенствѣ изучить здѣсь архитектуру стрѣльчатыхъ сводовъ,—то низкія дуги романскаго стиля, тяжело

висѣвшія на придавленныхъ колоннахъ вдоль стѣнъ. Мѣстами появлялись подземныя части строенія, похожія на постройки бобровъ, и мы принуждены были ползкомъ пробираться по узкимъ проходамъ.

Температура оставалась сносною. Я невольно подумалъ о томъ, какою она была, вѣроятно, въ то время, когда изрыгаемая Снеффельсомъ лава устремлялась этою, теперь мирною дорогою. Мнѣ представлялись огненные потоки, бѣшенно вздымающіеся на поворотахъ галлереи, и горячіе газы, переполнявшіе этотъ узкій ходъ.

— Лишь бы старый вулканъ не вздумалъ опять чудить!— подумалъ я.

Я не дѣлился своими мыслями съ дядей Лиденброкомъ. Онъ не понялъ бы меня. Онъ помышлялъ только объ одномъ: идти дальше. Онъ шелъ, спотыкался, иногда даже падалъ, но продѣлывалъ все это съ такимъ убѣжденіемъ, что оставалось только удивляться его твердости.

Къ шести часамъ вечера, послѣ довольно утомительнаго перехода, мы подвинулись на двѣ мили на югъ и всего на четверть мили вглубь земли.

Дядя разрѣшилъ намъ отдохнуть. Мы поѣли, молча, и заснули, не вдаваясь въ размышленія.

Наши приготовленія на ночь были очень несложны: мы просто завертывались въ дорожное одѣяло—вотъ и все. Намъ нечего было опасаться ни холода, ни неожиданнаго нападенія. Путешествующіе по пустынямъ Африки или лѣсомъ Новаго Свѣта должны оберегать другъ друга во время сна и по очереди дежурить; мы же чувствовали себя въ совершенномъ одиночествѣ и безопасности. Намъ нечего было бояться ни дикарей, ни дикихъ звѣрей.

Мы проснулись на слѣдующій день, освѣженные сномъ и бодрые, и пошли дальше. Какъ наканунѣ, мы слѣдовали по проложенному лавою пути. Лава покрывала все, такъ что не было возможности видѣть качество окружающихъ пластовъ почвы. Тоннель вмѣсто того, чтобы усугубляться въ нѣдра земли, дѣлался совершенно горизонтальнымъ. Мнѣ казалось даже, что онъ постепенно поднимается къ поверхности земли. Около десяти часовъ утра это стало замѣтнымъ, а идти стало такъ трудно, что я принужденъ былъ убавить шагу.

— Ну, Аксель?—нетерпѣливо окликнулъ меня профессоръ.

— Я страшно усталъ,—отвѣчалъ я.

— Что ты! вѣдь ты идешь всего только три часа по такой ровной дорогѣ!

— Ровной, пожалуй, но все-таки чертовски утомительной

— Но вѣдь мы идемъ подъ гору!

— Нѣтъ-съ, дядюшка, въ гору!

— Въ гору?—дядя пожалъ плечами.

— Конечно. Вотъ уже полчаса, какъ покатость совершенно измѣнила направленіе. Если такъ будетъ продолжаться, мы снова выйдемъ на поверхность острова Исландіи.

Профессоръ недовѣрчиво покачалъ головою. Я попробовалъ заговорить съ нимъ, но онъ не отвѣчалъ и заторопился идти дальше. По его сосредоточенному молчанію видно было, что онъ не въ духѣ.

Тѣмъ не менѣе я съ новой энергіей взвалилъ свой тюкъ на плечи и догналъ Ганса, который шелъ впереди дяди и меня. Я старался не отставать, чтобы не потерять товарищей изъ вида. При одной мысли о возможности заблудиться въ этомъ подземномъ лабиринтѣ, морозъ пробѣгалъ у меня по кожѣ.

Дорога въ гору становилась тяжелой, но я утѣшалъ себя мыслью, что она приближаетъ меня къ поверхности земли. При каждомъ новомъ шагѣ я убѣждался, что моя надежда имѣетъ основанія.

Въ полдень внѣшній видъ стѣнъ галлереи измѣнился. Я замѣтилъ это прежде всего потому, что стѣны стали слабѣе отражать электрическій свѣтъ. Вмѣсто слоя лавы виднѣлись скалы. Сплошной каменный массивъ состоялъ изъ наклонныхъ, иногда почти вертикальныхъ пластовъ. Мы были среди скалъ переходнаго, такъ называемаго силурійскаго періода *).

— Ясно, что эти осадочныя породы—сланцы, песчаники и известняки образовались во вторую эпоху измѣненій земли!—воскликнулъ я,—мы уходимъ отъ гранитнаго массива! Мы находимся совершенно въ томъ положеніи, въ какомъ находились бы жители Гамбурга, отправлясь изъ Ганновера въ Любекъ

Благоразумнѣе было бы промолчать. Но во мнѣ заговорилъ

*) Періодъ этотъ названъ такъ, потому что слои его чаще всего встрѣчаются въ Англіи. въ мѣстностяхъ, населенныхъ нѣкогда кельтійскимъ племенемъ силуровъ.

геологъ; я забылъ, что надо быть осторожнымъ, и дядя Лиденброкъ услышалъ мое восклицаніе.

— Что съ тобою?—спросилъ онъ.

— Посмотрите!—указалъ я ему на разнообразныя песчаныя, известковыя и шифровыя породы.

— Ну, такъ что же?

— Мы находимся среди слоевъ періода возникновенія первыхъ растеній и животныхъ.

— Ты думаешь?

— Да смотрите же, наблюдайте, замѣчайте!

Я заставилъ профессора направить свѣтъ лампы на стѣны галлереи. Я ожидалъ, что у него вырвется крикъ удивленія. Ничуть. Онъ не сказалъ ни слова и пошелъ дальше.

Понялъ ли онъ меня? Что же это? Стыдно ли ему, въ качествѣ ученаго и дяди, сознаться передо мною, что онъ сдѣлалъ ошибку, избравъ восточный тоннель, хочетъ ли онъ до конца изслѣдовать подземный ходъ? Одно было очевидно, что мы вышли изъ области лавы и что эта дорога не могла вести къ центру Снеффельса.

Я задавалъ себѣ вопросъ, не слишкомъ ли много я придаю значенія этому измѣненію почвы. Вѣдь я могу ошибаться. Проходимъ ли мы въ самомъ дѣлѣ слои скалъ, расположенныхъ надъ гранитными слоями?

— Если я найду здѣсь остатокъ какого-нибудь первобытнаго растенія,—думалъ я,—значитъ я не ошибаюсь и тогда поневолѣ придется убѣдиться. Поищемъ же!

Не успѣлъ я сдѣлать и ста шаговъ, какъ увидѣлъ неоспоримыя доказательства. Иначе и быть не могло: вѣдь въ силурійскую эпоху въ моряхъ было свыше тысячи пятисотъ видовъ растительнаго и животнаго царства. Мои привычные къ твердой почвѣ лавы ноги почувствовали вдругъ мягкую пыль, образовавшуюся изъ остатковъ растеній и раковинъ. На стѣнахъ ясно виднѣлись слѣды фукусовъ и плауновъ. Профессоръ не могъ не видѣть ихъ, но должно быть нарочно дѣлалъ видъ, что не видитъ и шелъ неуклонно впередъ.

Положительно упрямство его не имѣло границъ. Наконецъ, я не выдержалъ, поднялъ прекрасно сохранившуюся раковину, принадлежавшую когда-то животному, напоминающему современную мокрицу, догналъ дядю и сказалъ ему:

— Посмотрите-ка!

— Это не что иное, какъ раковина ракообразнаго животнаго изъ отряда исчезнувшихъ нынѣ трилобитовъ,—спокойно отвѣчалъ онъ.

— И вы не заключаете изъ этого?..

— Того же, что и ты? Несомнѣнно. Мы вышли изъ слоя гранита и области лавы. Можетъ быть, я и сдѣлалъ ошибку, но во всякомъ случаѣ я буду идти до конца галлереи, чтобы убѣдиться въ этомъ.

— Вы правы, дядя, и я васъ очень одобрилъ бы, еслибы намъ все больше и больше не угрожала опасность.

— Какая?

— Недостатокъ воды.

— Ну, что же, Аксель, мы уменьшимъ свои порціи.

XX.

Въ самомъ дѣлѣ, порціи пришлось уменьшить. Воды у насъ оставалось всего на три дня. Я убѣдился въ этомъ вечеромъ, за ужиномъ. А надежды встрѣтить родникъ въ этихъ слояхъ переходной эпохи предвидѣлось мало.

Весь слѣдующій день галлерея тянулась, открывая передъ нами безконечный рядъ арокъ. Мы почти не разговаривали. Гансъ заразилъ насъ своею молчаливостью.

Дорога не поднималась больше въ гору, а если и поднималась, то незамѣтно. Иногда даже казалось, что она идетъ подъ гору. Это не должно было, однако, успокаивать профессора, потому что свойство слоевъ не измѣнялось и переходной періодъ обнаруживался все яснѣе.

Сланецъ, известнякъ и старый красный песчаникъ стѣнъ великолѣпно блестѣли при свѣтѣ электричества. Можно было вообразить, что мы находимся въ траншеѣ, открытой въ Девонширѣ, отъ котораго почва этого рода и получила свое названіе. Стѣны были покрыты великолѣпными сортами мрамора—сѣраго, какъ агатъ, съ причудливыми бѣлыми жилками, багрянаго или желтаго, съ красными пятнами, наконецъ, темнаго вишневаго цвѣта, на которомъ ярко выдѣлялся свѣтлый известнякъ.

На большинствѣ этихъ мраморовъ сохранились слѣды первобытныхъ животныхъ. Но въ сравненіи съ тѣмъ, что мы ви-

дѣли наканунѣ, былъ замѣтенъ значительный прогрессъ. Вмѣсто зачаточныхъ трилобитовъ, стали встрѣчаться остатки болѣе совершенныхъ отрядовъ, между прочимъ твердочешуйчатыя рыбы (ganoidei) и sauropterigia, въ которыхъ палеонтологи открыли первоначальныя формы пресмыкающихся. Девонскія моря были населены этими видами и оставили ихъ тысячами на скалахъ новой формаціи.

Очевидно, мы поднимались по лѣстницѣ жизни животныхъ, на вершинѣ которой стоитъ человѣкъ. Но профессоръ Лиденброкъ, повидимому, не обращалъ на это вниманія.

Онъ ждалъ, что вотъ,-вотъ у ногъ его окажется колодезь, который позволитъ ему спуститься ниже или же, что какое нибудь препятствіе преградитъ ему дальнѣйшій путь. Но наступилъ вечеръ, а ожиданія его не оправдались.

Вь пятницу, послѣ довольно мучительной ночи, во время которой меня томила жажда, нашъ маленькій караванъ снова пошелъ по лабиринтомъ галлереи.

Мы шли въ продолженіе десяти часовъ, когда я замѣтилъ, что стѣны все меньше и меньше отражаютъ свѣтъ нашихъ лампъ. Мраморъ, сланецъ, известнякъ, песчаникъ стѣнъ смѣнился чѣмъ то матовымъ, темнымъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ тоннель сильно съуживался, я оперся рукою о стѣну. Рука моя стала совсѣмъ черная. Я внимательно приглядѣлся и увидѣлъ, что мы находимся въ каменноугольной копи.

— Угольный рудникъ!—воскликнулъ я.

— Рудникъ безъ рудокоповъ,—отвѣчалъ дядя.

— Богъ знаетъ!

— Я знаю!—сухо возразилъ профессоръ.—Я увѣренъ, что эта галлерея, прорытая въ каменноугольныхъ пластахъ, создана не человѣческими руками. Но мнѣ все равно, создана ли она природою или нѣтъ. Пора ужинать.

вынулъ съѣстные припасы. Я ѣлъ мало и выпилъ свою небольшую порцію воды. На насъ троихъ осталось полфляжки воды.

Послѣ ужина оба спутника мои завернулись въ одѣяла и заснули. Мнѣ же не спалось, и я не смыкалъ глазъ до самаго утра.

Мы тронулись въ дальнѣйшій путь въ субботу, въ шесть часовъ утра. Минутъ черезъ двадцать мы пришли въ пещеру. Тутъ я убѣдился, что этотъ рудникъ вырытъ не человѣческими

руками. Люди поставили бы подпорки подъ эти своды, а волею природы, они держались лишь какимъ то чудомъ равновѣсія.

Пещера имѣла сто футовъ въ ширину и сто пятьдесятъ въ вышину. Повидимому, она образовалась вслѣдствіе землетрясенія. Уступая какому то могучему толчку, земля образовала эту расщелину, въ которую люди проникали впервые.

Вся исторія каменноугольнаго періода была начертана на этихъ темныхъ стѣнахъ и геологъ могъ прослѣдить всѣ ея фазисы. Слои угля чередовались съ плотными слоями песчаника и глины и казались придавленными верхними пластами.

Въ предшествующую вторичному періоду эпоху жизни вселенной земля, подъ вліяніемъ тропической жары и обилія влаги, покрылась богатою растительностью. Насыщенная парами атмосфера окружала земной шаръ, не пропуская даже солнечныхъ лучей.

Вотъ на чемъ основывается убѣжденіе, что не этотъ новый источникъ тепла былъ причиною повышенія температуры. Можетъ быть, въ то время солнце еще не играло роли, которую играетъ теперь. Вѣдь въ то время еще не было поясовъ, на всемъ земномъ шарѣ, на экваторѣ и у полюсовъ господствовала знойная жара. Гдѣ былъ ея первоисточникъ? Внутри самого земного шара.

Вопреки теоріямъ профессора Лиденброка, въ нѣдрахъ сфероида пылалъ сильный огонь, тепло котораго проникало до послѣднихъ слоевъ земной коры. Лишенныя благотворныхъ лучей солнца растенія не цвѣли, не благоухали, но корни ихъ черпали жизненную силу изъ прогрѣтой первобытной почвы.

Деревьевъ въ то время было мало, были только травянистыя растенія: огромные папортники, плауны, сигилляріи, каламиты, рѣдкія семейства, виды которыхъ встрѣчались въ то время тысячами.

Этой то богатой растительности обязанъ своимъ происхожденіемъ каменный уголь. Упругая кора земного шара повиновалась движенію жидкой массы, которую она покрывала. Этимъ объясняются многочисленные трещины и провалы. Увлеченныя подъ воду растенія образовали мало-по-малу значительныя толщи.

Тогда начался естественный химическій процессъ. Растительныя массы превратились на днѣ морскомъ сначала въ торфъ, а потомъ, подъ вліяніемъ газовъ и жара броженія, въ минералъ.

Такъ возникли необъятныя залежи каменнаго угля, которыхъ не истощатъ всѣ народы вселенной, въ теченіе многихъ столѣтій извлекающіе изъ нихъ уголь.

Все это приходило мнѣ въ голову, пока я смотрѣлъ на эти богатыя залежи каменнаго угля, скопившіяся въ этой части земного массива. Вѣроятно, до этихъ богатствъ никто никогда не доберется. Для эксплоатаціи этихъ глубоко лежащихъ рудниковъ потребовались бы слишкомъ большія затраты. Да и къ чему, когда во многихъ странахъ уголь есть почти на самой поверхности земли. Никто не касался этихъ угольныхъ пластовъ, такими же нетронутыми останутся они и когда пробьетъ послѣдній часъ міра.

Между тѣмъ мы все шли. Изъ насъ троихъ только я одинъ, погруженный въ геологическія размышленія не замѣчалъ, какъ долог̃ъ путь. Температура оставалась такою, какою была во время прохожденія нашего среди лавы и сланцевъ. Я чувствовалъ сильный запахъ углеводорода. Воздухъ галлереи былъ насыщенъ этимъ опаснымъ газомъ, который часто является причиною взрывовъ и ужасныхъ катастрофъ въ шахтахъ.

Къ счастью, мы освѣщали себѣ путь посредствомъ остроумно придуманнаго Румкорфомъ аппарата. Еслибы мы имѣли неосторожность войти въ эту галлерею съ зажженными факелами, произошелъ бы ужасный взрывъ, жертвою которою мы сдѣлались бы.

Мы странствовали по угольному руднику до самаго вечера. Подземный ходъ шелъ почти горизонтально, и это ужасно сердило дядю. Въ тоннелѣ было такъ темно, что въ двадцати шагахъ отъ насъ царилъ уже непроглядный мракъ. При такихъ условіяхъ было невозможно судить о длинѣ галлереи. Мнѣ начинало уже казаться, что ей и конца не будетъ, какъ вдругъ, въ шесть часовъ, стѣна заградила намъ путь. Выхода не было ни справа, ни слѣва, ни внизу, ни вверху—галлерея оказалась глухой.

— Тѣмъ лучше!—воскликнулъ дядя.—По крайней мѣрѣ я теперь знаю навѣрно, что Сакнуссемъ шелъ не этой дорогой. Надо вернуться. Переночуемъ же здѣсь, отдохнемъ, а черезъ три дня мы будемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ расходятся двѣ галлереи.

— Да,—сказалъ я,—если только будемъ въ силахъ.

— А почему же нѣтъ?

— Потому что завтра у насъ вовсе не будетъ воды.

— Что же, развѣ наше мужество изсякнетъ вмѣстѣ съ нею?—строго поглядѣлъ на меня профессоръ.

Я не смѣлъ ему отвѣчать.

XXI.

На слѣдующій день, рано утромъ мы снова тронулись въ путь. Надо было спѣшить. До перекрестка было пять дней ходьбы.

Не стану останавливаться на описаніи испытанныхъ нами на обратномъ пути страданій. Дядя, чувствуя, что онъ тоже начинаетъ изнемогать, сердился на себя. Гансъ терпѣлъ со свойственной его природѣ покорностью. Я же, не скрою, жаловался, отчаивался и не могъ мужественно переносить эту невзгоду.

Какъ я и предвидѣлъ, весь первый день мы шли, нигдѣ не встрѣтивъ ключа. Изъ напитковъ у насъ оставалось лишь немного можевелевой водки; но это дьявольское питье жгло горло и я даже видѣть его не могъ. Я задыхался и былъ весь, какъ разбитый, отъ усталости. Нѣсколько разъ я готовъ былъ упасть въ обморокъ. Тогда дядя и исландецъ останавливались отдохнуть и утѣшали меня, какъ могли. Я видѣлъ, однако, что самъ дядя съ трудомъ борется съ усталостью и муками жажды.

Во вторникъ, 8-го іюля, ползкомъ на четверенькахъ, полуживые мы добрались, наконецъ, до мѣста соединенія двухъ галлерей. Какъ безжизненная масса, упалъ я на покрытую лавой почву. Это было въ десять часовъ утра.

Прислонившись къ стѣнѣ, Гансъ и дядя попробовали сгрызть нѣсколько кусковъ сухарей. Изъ моихъ распухшихъ губъ вырвался протяжный стонъ. Я лишился чувствъ.

Нѣсколько времени спустя дядя подошелъ ко мнѣ и бережно приподнялъ меня.

— Бѣдное дитя! — прошепталъ онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ.

Я не привыкъ къ ласкамъ этого суроваго человѣка, и слова эти тронули меня. Я схватилъ его дрожащія руки. Онъ не отнималъ ихъ и смотрѣлъ на меня: на глазахъ его были слезы.

Тогда я увидѣлъ, что онъ взялъ висѣвшую у пояса фляжку и, къ великому удивленію моему, поднесъ ее къ моимъ губамъ.

— Пей,—сказалъ онъ.

Не ослышался ли я? Или дядя съ ума сошелъ? Я безсмысленно посмотрѣлъ на него. Я отказывался понимать.

— Пей,—повторилъ онъ.

И, поднявъ фляжку, онъ вылилъ все ея содержимое мнѣ въ ротъ.

О, какое безпредѣльное наслажденіе! Глотокъ воды оросилъ мой воспаленный языкъ. Это былъ единственный глотокъ, но онъ возвратилъ мнѣ угасавшую уже жизнь!

Я горячо благодарилъ дядю, сложивъ руки на груди.

— Да,—сказалъ онъ,—глотокъ воды, но послѣдній, понимаешь, послѣдній. Я хранилъ его во фляжкѣ, какъ сокровище. Двадцать разъ, сто разъ я боролся съ страшнымъ желаніемъ выпить эту воду! Но нѣтъ, я берегъ ее для тебя, Аксель!

— Дядя! — прошепталъ я, и изъ глазъ моихъ хлынули крупныя слезы.

— Да, бѣдный другъ мой, я зналъ, что, когда мы придемъ къ этому перекрестку, ты лишишься чувствъ, и я берегъ эту каплю воды, чтобы привести тебя въ чувство.

— Спасибо, спасибо!—вскричалъ я.

Какъ ни мало я утолилъ жажду, силы все же вернулись ко мнѣ. Пересохшее горло смягчилось, губы меньше горѣли. Я могъ, по крайней мѣрѣ, говорить.

— У насъ нѣтъ больше воды, — сказалъ я, — и намъ остается одинъ исходъ—возвратиться.

Пока я говорилъ это, дядя опустилъ голову и избѣгалъ встрѣчаться съ моимъ взглядомъ.

— Надо возвратиться на вершину Снеффельса, — продолжалъ я,—если только у насъ хватитъ силы.

— Возвратиться!—повторилъ дядя, отвѣчая скорѣе самому себѣ, чѣмъ мнѣ.

— Да, не теряя времени.

Наступило довольно продолжительное молчаніе.

— Итакъ, Аксель, — сказалъ профессоръ глухимъ голосомъ, — этотъ глотокъ воды не возвратилъ тебѣ мужества и энергіи?

— Мужества!

— Ну, да. Я вижу, что ты попрежнему отчаиваешься и находишься въ угнетенномъ состояніи духа.

Господи! что за человѣкъ профессоръ? Какіе проекты зародились опять у него въ головѣ?

— Неужели вы все еще не хотите?..

— Отказаться отъ экспедиціи какъ разъ въ то время, когда все обѣщаетъ ея успѣхъ? Ни за что!

— Значитъ мы должны погибнуть.

— Нѣтъ, Аксель, нѣтъ! Уходи! Я не хочу твоей смерти! Пусть Гансъ проводитъ тебя. Оставь меня одного!

— Покинуть васъ!

— Оставь меня, говорю тебѣ! Я предпринялъ экспедицію и доведу ее до конца, или не вернусь. Ступай, Аксель, ступай.

Дядя былъ крайне возбужденъ. Смягчившійся было на минуту голосъ его сталъ снова суровымъ и угрожающимъ. Онъ боролся съ невозможнымъ. Съ одной стороны, мнѣ не хотѣлось покидать его одного въ пропасти, съ другой, инстинктъ самосохраненія побуждалъ меня оставить его и бѣжать.

Проводникъ смотрѣлъ на эту сцену съ своею обычною невозмутимостью. Однако, онъ понималъ, что происходило между его спутниками. Мы оба жестикулировали и достаточно ясно указывали путь, по которому каждый изъ насъ старался увлечь товарища. Ганса, повидимому, мало интересовалъ вопросъ о жизни и смерти. По первому приказанію своего хозяина онъ готовъ былъ тронуться въ обратный или дальнѣйшій путь.

О! какъ я жалѣлъ, что не могъ объясняться на понятномъ ему языкѣ. Своими словами и жалобами я навѣрное поколебалъ бы его хладнокровіе. Я объяснилъ бы ему, какой опасности мы подвергаемся, если самъ онъ не понималъ этого. Можетъ быть, вдвоемъ мы и убѣдили бы упрямаго профессора. Если нужно, мы могли бы даже силой заставить его подняться снова на вершину Снеффельса!

Я подошелъ къ Гансу и положилъ руку на его руку. Онъ не пошевелился. Я показалъ ему путь къ кратеру. Онъ остался неподвижнымъ. Лицо мое выражало страданіе, я задыхался. Исландецъ тихонько покачалъ головою и, указавъ на дядю, спокойно проговорилъ:

— «Master».

— Хозяинъ!—воскликнулъ я.—Безумецъ, вѣдь онъ же не можетъ распоряжаться твоею жизнью! Надо бѣжать! Увести его съ собою! слышишь? Понимаешь ты, что я говорю?

Я схватилъ Ганса за руку и хотѣлъ припудить его встать. Я боролся съ нимъ. Дядя вступился за него.

— Успокойся, Аксель,—сказалъ онъ. Ты ничего не добьешься отъ этого невозмутимаго слуги. Слушай-ка, что я тебѣ предложу.

Я скрестилъ руки и пристально посмотрѣлъ на дядю.

— Только недостатокъ воды служитъ препятствіемъ къ осуществленію моихъ плановъ. Во всей восточной галлереѣ среди лавы, сланца, каменнаго угля мы не нашли ни капли влаги. Можетъ быть, счастье улыбнется намъ въ западномъ тоннелѣ.

Я недовѣрчиво покачалъ головою.

— Выслушай до конца,—возвысилъ онъ голосъ. — Пока ты лежалъ безъ сознанія, я изучилъ немного эту галлерею. Она идетъ прямо въ нѣдра земного шара и черезъ нѣсколько часовъ мы достигнемъ гранитнаго массива. Тамъ мы должны найти ключи въ изобиліи. Природа скалъ говоритъ за это, да и инстинктъ подсказываетъ мнѣ, что мое ожиданіе оправдается. Вотъ что я хочу сказать тебѣ. Когда Колумбъ попросилъ у своего больного испуганнаго экипажа трехдневной отсрочки, онъ получилъ согласіе и открылъ въ этотъ срокъ Новый Свѣтъ. Я—Колумбъ этихъ подземныхъ областей—прошу тебя потерпѣть только одинъ день. Если въ этотъ краткій срокъ мы не встрѣтимъ источника, даю тебѣ слово, мы вернемся на поверхность земли.

Несмотря на свое раздраженіе, я былъ тронутъ этими словами дяди: вѣдь ему не легко было дать такое обѣщаніе.

— Пусть будетъ по вашему!—воскликнулъ я.—И да наградитъ васъ Богъ за вашу сверхчеловѣческую энергію. Вамъ осталось всего нѣсколько часовъ на борьбу съ судьбою! Въ дорогу!

XXII.

Мы стали спускаться по новой галлереѣ. Гансъ, какъ всегда, шелъ впередъ. Не прошли мы и ста шаговъ, какъ профессоръ, освѣтивъ стѣны своею лампою, сказалъ:

— Это пласты первичной формаціи! Мы идемъ вѣрною дорогою. Впередъ, впередъ!

Когда земля въ первые дни мiрозданiя начала охлаждаться, вслѣдствiе уменьшенiя ея въ размѣрахъ, въ корѣ ея произошли перемѣщенiя породъ, образовались трещины, разрывы, осѣданiя. Подземный ходъ, которымъ мы шли, былъ такою разсѣлиною почвы, черезъ которую исторгался вулканическiй гранитъ. Галлерея извивалась безконечнымъ лабиринтомъ въ примордiальномъ ярусѣ.

Пласты первичной формацiи обрисовывались все больше и больше по мѣрѣ того, какъ мы спускались. Геологiя считаетъ первичную формацiю основой минеральной коры и говоритъ, что она состоитъ изъ трехъ различныхъ слоевъ гнейса и слюдяныхъ сланцевъ, лежащихъ на непоколебимомъ гранитномъ слоѣ.

Ни одинъ минералогъ не находился еще въ такихъ благопрiятныхъ для изученiя природы условiяхъ, какъ мы. Мы могли воочiю изучать, ощупывать то, чего не можетъ принести на поверхность земли земляной буръ, этотъ несовершенный инструментъ.

Въ слоѣ красиваго зеленаго сланца блестѣли металлическiя жилки мѣди, марганца, а изрѣдка платины и золота. Я думалъ объ этихъ скрытыхъ богатствахъ земного шара, которыя никогда не сдѣлаются достоянiемъ алчныхъ людей. Сокровища эти были такъ глубоко погребены во время переворотовъ первыхъ дней, что ни ломъ, ни кирка не вырвутъ ихъ изъ ихъ могилы.

Сланцы чередовались съ слоистымъ гнейсомъ, замѣчательнымъ по правильности и параллельности пластовъ; оба смѣнялись слюдяными сланцами.

Отражаемые мелкими гранями скалистой массы лучи электричества перекрещивались подъ всѣми углами. Мнѣ казалось, что я путешествую внутри полаго брилліанта, лучи котораго преломляются и ослѣпляютъ своею игрою.

Около шести часовъ вечера этотъ праздникъ свѣта потерялъ часть своего блеска, почти совсѣмъ кончился. Стѣны приняли характеръ кристаллизованныхъ породъ, но стали темнѣе. Слюда попадалась въ перемѣшку съ полевымъ шпатомъ и кварцемъ и образовала настоящiй камень, самый твердый изъ всѣхъ горныхъ породъ, который выдерживаетъ всю тяжесть земного шара и не сокрушается. Мы были заключены въ огромную гранитную тюрьму.

Было восемь часовъ вечера. Воды все не было. Я страдалъ страшно. Дядя шелъ впередъ, не останавливаясь. Онъ напряженно слушалъ, не услышитъ ли шопота какого-нибудь ручья. Но ничего не было слышно.

Однако, ноги отказывались повиноваться мнѣ. Я перемогался, чтобы не заставлять дядю останавливаться. Для него это было бы ужаснымъ ударомъ. День уже клонился къ вечеру, и это былъ послѣднiй, принадлежавшiй ему день.

Наконецъ, силы оставили меня.

— Помогите, я умираю!—вскрикнулъ я и упалъ.

Дядя подбѣжалъ ко мнѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня, сложивъ руки.

— Все кончено!—глухо вырвалось у него.

Я увидѣлъ гнѣвный жестъ дяди, и это было послѣднее, что я видѣлъ. Все помутилось у меня въ глазахъ.

Когда я снова открылъ глаза, я увидѣлъ, что оба мои спутника лежатъ, завернувшись въ одѣяло. Неужели они спятъ?—думалъ я. Я же не могъ уснуть ни на минуту. Я слишкомъ страдалъ, особенно отъ сознанiя, что мнѣ уже ничто не поможетъ. Послѣднiя слова дяди: «Все кончено» звенѣли у меня въ ушахъ. Въ самомъ дѣлѣ при такой слабости нечего было и думать о томъ, чтобы достигнуть поверхности земного шара.

Земная кора была толщиною въ полторы мили! Мнѣ казалось, что вся эта масса лежитъ тяжелымъ гнетомъ у меня на плечахъ. Я чувствовалъ, что меня что то давитъ. Я напрягалъ всѣ усилiя, чтобы перевернуться на моемъ гранитномъ ложѣ, но напрасно.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Вокругъ насъ царила могильная тишина. Сквозь эти стѣны, по меньшей мѣрѣ въ пять миль толщиною, не доносился никакой звукъ.

Вдругъ сквозь полузабытье мнѣ почудился какой то шорохъ. Въ тоннелѣ стало темнѣть. Я вглядѣлся попристальнѣе и мнѣ показалось, что исландецъ, взявъ въ руки фонарь, куда то исчезъ.

Куда ушелъ Гансъ? Ужъ не покидаетъ ли онъ насъ? Дядя спалъ. Я хотѣлъ закричать, но голосъ не повиновался мнѣ. Стало совсѣмъ темно. Замолкли послѣднiе шорохи.

— Гансъ ушелъ отъ насъ! Гансъ! Гансъ!—закричалъ я.

Но мнѣ только казалось, что я кричу, слова не вылетали изъ моихъ пересохшихъ устъ. Когда прошелъ первый испугъ, я устыдился своихъ подозрѣній на этого человѣка, который до сихъ поръ не подалъ къ тому ни малѣйшаго повода. Это было не бѣгство. Вѣдь онъ не поднялся вверхъ по галлереѣ, а спустился внизъ. Еслибы у него были дурныя намѣренія, онъ сталъ бы подниматься, а не спускаться. Это размышленіе немного успокоило меня и мысли мои приняли нѣсколько иное направленіе. Только важный поводъ могъ побудить Ганса, этого спокойнаго человѣка, встать и пойти. Что онъ пошелъ изслѣдовать? Ужъ не услышалъ ли онъ въ ночной тишинѣ какой нибудь шорохъ, котораго не разслышалъ я?

XXIII.

Цѣлый часъ перебиралъ я въ своемъ лихорадочномъ мозгу всѣ причины, которыя могли побудить невозмутимаго исландца встать и пойти. Самыя нелѣпыя мысли путались у меня въ головѣ. Мнѣ казалось, что я схожу съ ума.

Наконецъ, въ глубинѣ пропасти послышались шаги. Это возвращался Гансъ. Неопредѣленный свѣтъ сначала слабо освѣтилъ стѣны, потомъ ясно показался въ отверстіе галлереи. Появился Гансъ.

Онъ подошелъ къ дядѣ, взялъ его тихонько за плечо и разбудилъ. Дядя всталъ.

— Что это?—спросилъ онъ.

— «Vatten»,—отвѣчалъ охотникъ.

Должно быть подъ вліяніемъ мучительной жажды всѣ мы стали полиглотами. Не зная ни слова по-датски, я инстинктивно понялъ сказанное проводникомъ слово.

— Вода! вода!—воскликнулъ я, всплеснувъ руками, жестикулируя, какъ безумный.

— Вода!—повторилъ дядя. — «Hvar»? — спросилъ онъ исландца.

— «Nedat»,—отвѣчалъ Гансъ.

Гдѣ? Внизу? Я понималъ все отъ слова до слова. Я схватилъ руку охотника и пожалъ ее, а онъ спокойно смотрѣлъ на меня.

Мы живо собрались въ дорогу и стали спускаться по галлереѣ, наклонъ которой достигалъ двухъ футовъ на сажень.

Послѣ часовой ходьбы мы прошли тысячу саженъ и спустились на двѣ тысячи футовъ.

Тогда только мы ясно услышали необычайный шумъ въ гранитной стѣнѣ, нѣчто въ родѣ глухого рева или отдаленныхъ раскатовъ грома. Въ теченіе перваго получаса ходьбы я снова началъ чувствовать приступы отчаянія, такъ какъ источника все не встрѣчалось. Тогда дядя объяснилъ мнѣ происхожденіе доносившагося до насъ шума.

— Гансъ не ошибся,—сказалъ онъ,—это шумъ потока.

— Потока?—воскликнулъ я.

— Въ этомъ не остается больше никакого сомнѣнія. Въ этомъ мѣстѣ протекаетъ подземная рѣка.

Надежда окрыляла насъ. Я больше не чувствовалъ усталости. Уже одинъ плескъ воды, казалось, освѣжалъ меня. Сначала шумъ и ревъ воды слышался надъ нашею головою, потомъ сталъ доноситься изъ-за лѣвой стѣны. Нѣсколько разъ я провелъ рукою по стѣнѣ, надѣясь найти на ней слѣды сырости.

Прошло еще полчаса. Мы прошли еще полмили.

Тогда мы поняли, что охотникъ, когда уходилъ на развѣдки, дошелъ только до этого мѣста. Руководимый свойственнымъ горцамъ инстинктомъ, отыскивая воду, онъ «почувствовалъ», что за стѣною есть рѣка, но самъ онъ не видѣлъ и не пилъ воды.

Скоро мы убѣдились также, что если пойдемъ дальше, то удалимся отъ потока. По мѣрѣ того, какъ мы шли, шумъ становился слабѣе.

Мы повернули обратно. Гансъ остановился на томъ мѣстѣ, къ которому рѣка была ближе.

Я сѣлъ у стѣны, а вода громко журчала всего въ двухъ футахъ разстоянія отъ меня. Но гранитная стѣна раздѣляла насъ.

Не давъ себѣ труда подумать, нѣтъ ли какого-нибудь способа достать воды, я впалъ въ отчаяніе.

Гансъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

Онъ всталъ и взялъ лампу. Я послѣдовалъ за нимъ. Онъ подошелъ къ стѣнѣ. Я слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ. Гансъ припалъ ухомъ къ сухому камню и внимательно прислушался въ разныхъ мѣстахъ стѣны, отыскивая, очевидно,

мѣсто, гдѣ слышнѣе всего плескъ потока. Наконецъ, онъ отыскалъ такую точку въ лѣвой стѣнѣ въ трехъ футахъ надъ почвой.

Господи, какъ я взволновался! Я не смѣлъ догадываться, что будетъ дѣлать охотникъ! Но не догадаться было невозможно, когда онъ схватилъ кирку и приступилъ къ горѣ.

— Спасены! спасены!—воскликнулъ я.

— Да,—отвѣчалъ дядя,—Гансъ правъ! Ахъ, какой онъ молодецъ! Мы этого не придумали бы!

Еще бы! Какъ ни простъ былъ этотъ способъ, онъ не пришелъ бы намъ въ голову. Ничего не могло быть опаснѣе. однако, какъ ударъ киркой по этой перегородкѣ земного шара. А что, если произойдетъ обвалъ, который похоронитъ насъ! А если потокъ прорвется и затопитъ насъ! Все это было вполнѣ возможно, но въ данную минуту ничто не могло остановить насъ; жажда такъ мучила насъ, что мы, кажется, готовы были бы подкопаться подъ самое дно океана.

Гансъ взялся за работу, которая ни мнѣ, ни дядѣ не оказалась бы подъ силу. Мы не могли бы долбить стѣну такъ осторожно и терпѣливо, какъ онъ, она разлетѣлась бы въ дребезги подъ нашими ударами. Всегда спокойный и ровный проводникъ билъ стѣну частыми легкими ударами, стараясь пробить въ ней отверстіе въ полфута шириною. Шумъ потока все усиливался. Мнѣ казалось, что я уже ощущаю губами благодѣтельную влагу.

Скоро кирка углубилась въ гранитную стѣну на два фута. Гансъ работалъ уже больше часа. Я начиналъ терять терпѣніе! Дядя хотѣлъ уже прибѣгнуть къ радикальному способу. Мнѣ съ трудомъ удалось остановить его; онъ уже схватилъ свою кирку, какъ вдругъ послышался свистъ. Изъ отверстія брызнула струя воды и ударила прямо въ противоположную сторону.

Гансъ чуть не упалъ отъ сильнаго толчка и вскрикнулъ отъ боли. Обмокнувъ руку въ воду, я понялъ, почему закричалъ Гансъ; у меня тоже вырвался крикъ ужаса: вода въ ключѣ оказалась кипяткомъ.

— Стоградусный кипятокъ!—воскликнулъ я.

— Ничего, остынетъ,—отвѣчалъ дядя.

Галлерея наполнилась паромъ, а новообразовавшійся ключъ устремился по извилистому подземелью. Скоро вода настолько остыла, что мы могли напиться.

О, что за блаженство! что за несравненное наслажденіе! Что это за вода? Откуда она? Все равно. Вода—и этого достаточно. Мы пили ее еще теплую, и она оживляла насъ. Я не могъ оторваться отъ воды, непрерывно глотая, скорѣе вливая ее въ себя. Вдоволь насладившись водою, я, наконецъ, разобралъ ея вкусъ.

— Да вѣдь это желѣзистая вода!—воскликнулъ я.

— Очень здоровая для желудка, прекрасная минеральная вода. Наше путешествіе окажется такимъ же полезнымъ, какъ поѣздка въ Спа или Теплицъ!

— Какъ вкусно!

— Еще бы, вѣдь это вода, протекающая на двѣ мили подъ землею. Вкусъ ея нѣсколько напоминаетъ чернила, но его нельзя назвать непріятнымъ. Гансъ оказалъ намъ огромную услугу. Предлагаю назвать спасительный ручей его именемъ.

— Отлично!—вскричалъ я.

И мы назвали ручей «Hans-fach», т. е. «ручьемъ Ганса».

Гансъ нисколько не возгордился этимъ. Напившись въ мѣру, онъ прислонился къ стѣнкѣ и спокойный, какъ всегда, сидѣлъ въ углу галлереи.

— Не слѣдовало бы давать водѣ пропадать даромъ,—сказалъ я.

— Не бѣда,—отвѣчалъ дядя.—Я думаю. что ключъ неизсякаемый.

— Все-таки наполнимъ мѣхъ и фляжки и попытаемся заткнуть отверстіе.

Совѣтъ мой исполнили. Гансъ попробовалъ задѣлать отверстіе въ стѣнѣ паклей и осколками гранита. Задача была нелегкая. Мы обжигали себѣ руки, но закупорить дырку намъ не удавалось,—давленіе было слишкомъ сильное.

— Судя по силѣ, съ какою бьетъ струя,—сказалъ я,—рѣка должно быть очень глубокая.

— Безъ всякаго сомнѣнія,—возразилъ дядя.—Если водяной столбъ имѣетъ тридцать двѣ мили въ вышину, давленіе достигаетъ тысячи атмосферъ. Но, знаешь, что мнѣ пришло въ голову?

— Что?

— Къ чему намъ задѣлывать это отверстіе?

— Потому что...

Я затруднился привести доводъ.

— Когда у насъ не останется больше воды во фляжкахъ, мы опять не будемъ знать, какъ наполнить ихъ?

— Очевидно.

— Такъ пусть вода течетъ себѣ естественнымъ ручьемъ, который будетъ утолять нашу жажду и въ то же время указывать намъ путь.

— Вотъ прекрасная мысль!—воскликнулъ я.—Если этотъ ручей будетъ нашимъ спутникомъ, намъ легче надѣяться на успѣхъ предпріятія.

— Вотъ видишь, другъ мой!—засмѣялся профессоръ. теперь отдохнемъ часокъ, другой!

— Я совсѣмъ забылъ, что наступила ночь. Хронометръ указалъ мнѣ время. Утоливъ голодъ и жажду, всѣ мы крѣпко заснули.

XXIV.

На слѣдующій день мы уже забыли пережитыя нами бѣдствія. Проснувшись, я прежде всего удивился, что не изнываю отъ жажды, и задалъ себѣ вопросъ, какъ это могло случиться? Рокотъ протекавшаго у моихъ ногъ ручейка послужилъ мнѣ отвѣтомъ.

За завтракомъ мы опять пили эту чудесную желѣзистую воду. Я подбодрился и готовъ былъ идти хоть на край свѣта. Почему бы такому убѣжденному человѣку, какъ мой дядя, не достигнуть цѣли съ такимъ смышленымъ проводникомъ, какъ Гансъ, и такимъ рѣшительнымъ племянникомъ, какъ я?—думалъ я. Если бы въ этотъ моментъ мнѣ предложили подняться на вершину Снеффельса, я отказался бы.

Впрочемъ, никто и не думалъ о возвращеніи.

— Идемъ!—воскликнулъ я, и эхо вторило моему восторженному возгласу.

Въ четвергъ, въ восемь часовъ утра, мы снова двинулись въ путь. Гранитная галлерея сдѣлалась извилистой, запутанной, какъ лабиринтъ. На каждомъ шагу встрѣчались повороты; но главное направленіе ея было все же на юго-востокъ. Дядя все время смотрѣлъ на компасъ, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ куда мы идемъ.

Галлерея шла почти горизонтально, самое большее—съ наклономъ въ два дюйма на сажень. Ручеекъ говорливо протекалъ у нашихъ ногъ. Онъ казался мнѣ олицетвореніемъ какого-то добраго духа, который велъ насъ по подземелью и мысленно ласкалъ теплую наяду, которая провожала насъ своимъ пѣніемъ. Воображеніе охотно рисовало мнѣ миѳологическіе образы.

Что же касается дяди, онъ проклиналъ эту горизонтальную дорогу. Вѣдь онъ былъ поклонникомъ вертикальныхъ линій. Дорога тянулась безконечно, и вмѣсто того, чтобы углубляться къ центру по радіусу, по его выраженію, онъ шелъ по гипотенузѣ. Но другого выбора не было и, пока мы хоть немного углублялись къ центру, жаловаться было нечего.

Впрочемъ отъ времени до времени наклонъ становился сильнѣе. Наяда прыгала, журча, а мы спускались вмѣстѣ съ нею.

Но въ общемъ, въ этотъ и въ послѣдующій день мы много прошли въ горизонтальномъ направленіи и относительно мало въ вертикальномъ.

Въ пятницу вечеромъ, 10-го іюля, по нашему разсчету, мы должны были находиться въ тридцати миляхъ на юго-востокъ и на глубинѣ двухъ миль съ половиною отъ Рейкіавика.

Вдругъ у самыхъ нашихъ ногъ оказался колодезь. Дядя такъ и захлопалъ въ ладоши при видѣ его отвѣсныхъ склоновъ.

— Вотъ когда мы уйдемъ далеко и безъ труда!—воскликнулъ онъ,—потому что выступы утеса представляютъ настоящую лѣстницу!

Гансъ, во избѣжаніе несчастнаго случая, приготовилъ веревки. Мы начали спускаться. Спускъ этотъ даже не казался мнѣ опаснымъ, такъ мы привыкли къ этому способу передвиженія.

Колодезь этотъ представлялъ изъ себя узкую отвѣсную трещину въ каменномъ массивѣ, образовавшуюся, очевидно, при сжатіи земли во время охлажденія. Если она когда нибудь служила протокомъ вулканическихъ веществъ, извергаемыхъ Снеффельсомъ, я не могъ объяснить, почему здѣсь не осталось слѣдовъ лавы. Мы подвигались по винтовой лѣстницѣ, сдѣланной какъ бы руками человѣка.

Приходилось останавливаться черезъ каждую четверть часа, чтобы перевести духъ. Мы садились на какой-нибудь выступъ, свѣсивъ ноги, ѣли, пили, почерпнутую изъ ручья воду и разговаривали.

Излишне, кажется, объяснять, что при паденіи въ трещину ручей превратился въ водопадъ; но онъ все еще давалъ намъ достаточно воды, чтобы утолять жажду. Впрочемъ стоило уклону сдѣлаться болѣе отлогимъ, ручей потечетъ попрежнему мирной струей. Въ настоящій моментъ онъ напоминалъ мнѣ моего достойнаго дядюшку, нетерпѣливаго и сердитаго, а въ то время, когда онъ стремился по отлогимъ склонамъ—невозмутимаго исландскаго охотника.

6-го и 7-го іюля мы продолжали спускаться по спирали, и проникли еще на двѣ мили вглубь земной коры, что составляло въ общемъ миль пять ниже уровня моря. 8-го іюля, около полудня, трещина приняла юго-восточное направленіе и сдѣлалась болѣе отлогою, всего въ сорокъ пять градусовъ. Дорога стала легкая и однообразная. Иначе и быть не могло. Вѣдь подъ землею перемѣна ландшафта не могла радовать глазъ путешественника.

Наконецъ, въ среду 15-го, мы были въ семи миляхъ подъ землею и около пятидесяти миль отъ Снеффельса. Хотя мы были нѣсколько утомлены, состояніе нашего здоровья было вполнѣ удовлетворительно, и дорожная аптека стояла непочатая.

Дядя ежечасно записывалъ показанія компаса, хронометра, манометра и термометра. Благодаря такой точности, онъ во время дня и ночи, во всякій часъ могъ дать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи. Когда онъ сообщилъ мнѣ, что мы находимся въ пятидесяти миляхъ горизонтальнаго направленія, я не могъ удержаться, чтобы не вскрикнуть.

— Что съ тобою?—спросилъ онъ.

— Ничего, мнѣ только пришло въ голову одно соображеніе.

— Какое, другъ мой?

— Да то, что, если ваши вычисленія вѣрны, мы находимся уже болѣе не подъ Исландіей.

— Ты думаешь?

— Въ этомъ легко убѣдиться.

Я сдѣлалъ измѣренія компасомъ по картѣ.

— Такъ и есть, — сказалъ я; — мы уже прошли дальше мыса Портланда и эти пятьдесятъ миль на юго-востокъ привели насъ подъ открытое море.

— Подъ открытое море! — повторилъ дядя, потирая руки отъ удовольствія.

— Итакъ, — воскликнулъ я, — надъ нашею головою шумитъ океанъ!

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, Аксель! Въ Нью-Кастлѣ есть угольныя копи, простирающіяся подъ водою.

Профессору наше положеніе могло казаться совершенно естественнымъ; но меня безпокоила мысль, что мы ходимъ подъ водою. Между тѣмъ въ дѣйствительности намъ было безразлично, висятъ ли надъ нашею головою равнины и горы Исландіи или волны Атлантическаго океана, лишь бы гранитный сводъ выдержалъ то и другое. Скоро освоился съ этою мыслью и я, потому что то прямое, то извилистое, причудливое въ своихъ склонахъ и поворотахъ подземелье попрежнему тянулось въ юго-восточномъ направленіи, и мы все больше и больше углублялись въ нѣдра земли.

Вечеромъ въ субботу, 18-го іюля, четыре дня спустя, мы пришли въ довольно обширный гротъ. Дядя вручилъ Гансу, согласно условію, его три риксдаля, и мы рѣшили, что будемъ отдыхать весь слѣдующій день.

XXV.

Я проснулся въ воскресенье безъ обычнаго чувства, что нужно немедленно отправляться. Отдыхъ пріятенъ даже въ глубинѣ пропасти. Впрочемъ, мы уже привыкли къ этой жизни троглодитовъ. Я уже отвыкъ думать о солнцѣ, звѣздахъ, лунѣ, деревьяхъ, домахъ, городахъ, обо всемъ, что нужно обитателямъ подлуннаго пространства и что кажется излишнимъ пещернымъ жителямъ. Намъ, въ качествѣ существъ ископаемыхъ, всѣ эти чудеса казались совершенно ненужными.

Гротъ представлялъ изъ себя просторную залу. На его гранитной почвѣ тихо журчалъ нашъ вѣрный спутникъ ручеекъ. На такомъ разстояніи отъ истока вода его имѣла температуру окружающаго воздуха, и ее можно было пить

Послѣ завтрака профессоръ захотѣлъ привести въ порядокъ свои замѣтки.

— Сначала я сдѣлаю кое-какія вычисленія относительно нашего положенія,—сказалъ онъ.—По возвращеніи я хочу начертить карту нашего путешествія—родъ вертикальнаго разрѣза земного шара, какъ бы профиль нашей экспедиціи.

— Это будетъ очень интересно, дядя. Но достаточно ли точны ваши записи относительно нашего положенія?

— Вполнѣ. Я тщательно отмѣтилъ углы и склоны. Я увѣренъ, что не ошибся. Посмотримъ сначала, гдѣ мы находимся сейчасъ. Возьми компасъ и замѣть указываемое имъ направленіе.

— Зюйдъ-остенъ-остъ.

— Хорошо!—сказалъ профессоръ, отмѣчая мѣстоположеніе и дѣлая быстрыя вычисленія.—По моему мнѣнію, мы прошли за все время путешествія восемьдесятъ пять миль.

— Такъ что мы путешествуемъ подъ Атлантическимъ океаномъ?

— Да.

— Можетъ быть тамъ бушуетъ теперь буря и волны бросаютъ надъ нашею головою корабли?

— Очень возможно.

— А киты ударяютъ хвостомъ о стѣны нашей темницы?

— Успокойся, Аксель, они не могутъ поколебать ихъ. Однако, вернемся къ нашимъ вычисленіямъ. Мы находимся на юго-востокѣ, въ восьмидесяти пяти миляхъ отъ подошвы Снеффельса, а по предшествующимъ моимъ замѣткамъ въ шестнадцати миляхъ глубины.

— Шестнадцать миль!—воскликнулъ я.

— Конечно же.

— Вѣдь это крайняя граница, приписываемая наукою толщинѣ земной коры.

— Я этого не отрицаю.

— Здѣсь, по закону повышенія температуры, должна была бы быть температура въ тысячу пятьсотъ градусовъ.

— Должна была бы, другъ мой.

— И вся эта гранитная масса перешла бы изъ твердаго состоянія въ расплавленное.

— Ты видишь, что на самомъ дѣлѣ не такъ и что факты, какъ всегда, расходятся съ теоріей.

— Долженъ сознаться въ этомъ; но все же это удивляетъ меня.

— Что показываетъ термометръ?

— Двадцать пять и шесть десятыхъ градусовъ.

— Не достаетъ только тысячи четырехсотъ семидесяти четырехъ и четырехъ десятыхъ градуса, чтобы ученые были правы. Итакъ, пропорціональное повышеніе температуры—ни на чемъ не обосновано. Гемфри Дэви не ошибался, а я хорошо сдѣлалъ, что повѣрилъ ему. Что ты на это скажешь, Аксель?

— Ничего.

На самомъ дѣлѣ я могъ сказать ему очень многое. Я не соглашался съ теоріей Дэви; мнѣ невольно вѣрилось въ центральную теплоту земного шара, хотя лично я ея и не ощущалъ. Я готовъ былъ скорѣе допустить, что покрытый трудноплавкою лавою кратеръ угасшаго вулкана не пропускаетъ жара сквозь свои стѣны.

Но я не сталъ искать новыхъ доказательствъ и рѣшилъ принять дѣло такимъ, какимъ оно было.

— Дядя,—сказалъ я,—я вѣрю точности всѣхъ вашихъ вычисленій, но позвольте мнѣ сдѣлать изъ нихъ одинъ строго логичный выводъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Въ мѣстѣ, гдѣ мы находимся, подъ широтою Исландіи, радіусъ земного шара достигаетъ около тысячи пятисотъ восьмидесяти трехъ миль?

— Тысяча пятьсотъ восемьдесятъ три мили съ четвертью.

— Возьмемъ круглымъ числомъ тысячу шестьсотъ миль. Мы же прошли всего двѣнадцать миль?

— Совершенно вѣрно.

— Сдѣлавъ притомъ восемьдесятъ миль по діагонали?

— Да.

— Въ двадцать дней?

— Въ двадцать дней.

— Тысяча шестьсотъ миль составляютъ сотую часть земного радіуса. Если путешествіе наше будетъ идти тѣмъ же порядкомъ, оно будетъ продолжаться двѣ тысячи дней, т. е. около пяти съ половиною лѣтъ.

Профессоръ не отвѣчалъ.

— Кромѣ того, если для того, чтобы пройти шестнадцать миль въ вертикальномъ направленіи, надо сдѣлать восемьдесятъ въ горизонтальномъ, это составитъ восемь тысячъ миль въ юго-восточномъ направленіи; — такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы проникнуть въ центръ, мы гораздо скорѣе выйдемъ на поверхность.

— Къ чорту всѣ твои вычисленія!—разсердился дядя.— Къ чорту твои гипотезы! На чемъ онѣ основаны? Кто тебѣ сказалъ, что эта галлерея не приведетъ насъ прямо къ центру? Я же могу сослаться на прецедентъ. Другой съ успѣхомъ продѣлалъ то, что предпринялъ теперь я. Почему бы мнѣ не достигнуть цѣли, если ея достигали раньше меня?

— Будемъ надѣяться; но все-же позвольте мнѣ...

— Позволяю тебѣ замолчать, Аксель, а то ты положительно городишь чепуху.

Я увидѣлъ, что дядя снова превратился въ грознаго профессора и принялъ это къ свѣдѣнію.

— Посмотри, что показываетъ манометръ?—спросилъ онъ.

— Довольно сильное давленіе.

— Превосходно. Теперь ты видишь, что, спускаясь мало-по-малу, мы привыкаемъ постепенно къ сгущенному воздуху, и нисколько не страдаемъ.

— Если не считать боли въ ушахъ.

— Это пустяки. Вдыхай воздухъ посильнѣе и это ощущеніе исчезнетъ само собою.

— Хорошо,—отвѣчалъ я, рѣшивъ не противорѣчить дядѣ.— Находиться въ сгущенномъ воздухѣ даже пріятно. Не замѣчали ли вы, какъ громко раздаются въ немъ звуки?

— Замѣчалъ. Въ этой атмосферѣ глухой могъ бы слышать.

— Но воздухъ будетъ пріобрѣтать все большую плотность?

— Да, хотя законъ этотъ очень неопредѣлененъ. За то вѣсъ станетъ уменьшаться по мѣрѣ того, какъ мы будемъ спускаться. На поверхности земли вѣсъ значительно больше, а въ центрѣ земного шара предметы вовсе не имѣютъ вѣса.

— Знаю. Однако, скажите, не пріобрѣтетъ ли воздухъ въ концѣ концовъ плотность воды?

— Конечно, подъ давленіемъ въ семьсотъ атмосферъ.

— А ниже?

— Ниже сгущенность увеличится еще болѣе.

— Какъ-же мы станемъ тогда спускаться?

— Набивъ карманы камнями.

— Ну, дядя, у васъ всегда на все есть отвѣтъ.

Я не сталъ болѣе вдаваться въ гипотезы, потому что, пожалуй, опять придумалъ бы какое-нибудь новое препятствіе, которое разсердило бы дядю.

Было, однако, очевиднымъ, что подъ давленіемъ въ тысячу атмосферъ воздухъ можетъ перейти въ твердое состояніе и тогда, предполагая даже, что мы могли бы вынести это, придется остановиться. Тутъ ужъ никакія умствованія не помогутъ.

Но я не высказалъ этого довода. Дядя опять назвалъ-бы мнѣ въ отвѣтъ Сакнуссема, прецедентъ, не имѣющій ровно никакого значенія, потому что, даже не оспаривая возможности совершеннаго исландцемъ путешествія, можно было возразить:

Въ шестнадцатомъ столѣтіи не были изобрѣтены ни барометръ, ни манометръ. Какимъ же образомъ, спрашивается, могъ Сакнуссемъ опредѣлить, что онъ достигъ центра земного шара.

Но я оставилъ свои соображенія при себѣ и выжидалъ дальнѣйшихъ событій.

Остатокъ дня прошелъ въ разсчетахъ и разговорахъ. Я все время соглашался съ профессоромъ Лиденброкомъ и любовался полнѣйшимъ равнодушіемъ Ганса, который, не доискиваясь ни причинъ, ни возможныхъ послѣдствій, шелъ слѣпо, куда его влекла судьба.

XXVI.

Надо признаться, до сихъ поръ все шло успѣшно и жаловаться было бы несправедливо. Если въ будущемъ насъ ожидаетъ не больше препятствій, чѣмъ въ прошломъ, мы, вѣроятно, достигнемъ цѣли. О! какая слава ожидаетъ насъ тогда. Мало-по-малу я сталъ разсуждать, какъ профессоръ Лиденброкъ. Не произошло ли это подъ вліяніемъ странной обстановки, среди которой я жилъ. Можетъ быть.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы спускались въ нѣдра массивовъ по отвѣснымъ, подчасъ ужасающе крутымъ, склонамъ. Были дни, въ которые мы углублялись къ центру на полторы и даже двѣ мили. Ловкость и изумительное хладнокровіе Ганса сослужили намъ огромную службу во время этихъ

опасныхъ спусковъ. Невозмутимый исландецъ съ непонятнымъ самоотверженіемъ помогалъ намъ; благодаря ему, мы вышли цѣлы и невредимы изъ многихъ опасныхъ переходовъ.

Но Гансъ становился съ каждымъ днемъ все молчаливѣе. Казалось, онъ заразилъ своею молчаливостью и насъ. Окружающая обстановка, внѣшній міръ вліяютъ на мозгъ. Человѣкъ, заключенный въ четырехъ стѣнахъ, мало-по-малу теряетъ способность связывать мысли и слова. Преступники, приговоренные къ одиночному заключенію, часто впадаютъ въ слабоуміе, если только не сходятъ съ ума, вслѣдствіе бездѣйствія мозга.

Въ продолженіе двухъ недѣль послѣ нашего послѣдняго разговора, не случилось ничего, достойнаго быть отмѣченнымъ. Только одно важное событіе запечатлѣлось въ моей памяти въ малѣйшихъ подробностяхъ.

7-го августа мы спустились на тридцать миль глубины, т. е. на протяженіи тридцати миль надъ нашею головою громоздились скалы, океанъ, материки, города. Въ это время мы должны были находиться въ двухстахъ миляхъ отъ Исландіи.

На этотъ разъ тоннель былъ довольно отлогій.

Я шелъ впереди, держа одинъ изъ приборовъ Румкорфа,— другой былъ у дяди,—и осматривалъ пласты гранита.

Вдругъ, обернувшись, я замѣтилъ, что я одинъ.

— Ладно,—подумалъ я,—или я шелъ слишкомъ быстро, или дядя съ Гансомъ остановились дорогой. Вернусь-ка я къ нимъ. Къ счастью, дорога не слишкомъ крутая.

Я пошелъ назадъ. Иду четверть часа, смотрю — никого. Кричу—никакого отвѣта. Эхо заглушило мой голосъ.

Я началъ безпокоиться. Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ.

— Главное—не волноваться, — сказалъ я вслухъ, чтобы успокоить себя.—Я навѣрно найду своихъ спутниковъ. Вѣдь дорога всего одна. Я былъ впереди—слѣдуетъ вернуться.

Я поднимался въ теченіе получаса, прислушиваясь, не зовутъ ли меня: въ этомъ сгущенномъ воздухѣ звуки должны были доноситься издалека. Въ безконечной галлереѣ царила необыкновенная тишина.

Я остановился. Я вѣрить не хотѣлъ своему одиночеству. Допуская, что я могъ заблудиться, я не могъ себѣ предста-

вить, что я погибъ. Заблудиться можно, но вѣдь можно и найти своихъ товарищей.

— Полно, — говорилъ я самъ себѣ, — кромѣ этой, нѣтъ иной дороги. Если они слѣдуютъ ею, мы должны встрѣтиться. Пройду еще немного. Только бы они, въ свою очередь, не подумали, что я отсталъ и не вернулись! Но даже и въ этомъ случаѣ, прибавивъ шагу, я догоню ихъ. Это-же очевидно!

Но послѣднія слова прозвучали у меня неувѣренно. Я не вдругъ собрался съ мыслями и связалъ ихъ между собою.

Вдругъ мною овладѣло сомнѣніе: дѣйствительно ли я опередилъ ихъ? За мною шелъ Гансъ, за нимъ дядя. Гансъ даже останавливался на нѣсколько минутъ, чтобы поудобнѣе привязать багажъ на спинѣ. Я вспомнилъ эту подробность. Въ это то время я, вѣроятно, и ушелъ впередъ.

— Впрочемъ,—подумалъ я,—есть вѣрное средство, чтобы не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ, есть руководящая нить— это мой вѣрный спутникъ—ручей. Пойду вверхъ по его теченію и волей-неволей найду своихъ товарищей.

Эта мысль придала мнѣ бодрости, и я рѣшился, не теряя времени, пуститься въ путь.

О! какъ я былъ благодаренъ въ этотъ мигъ дядѣ за то, что онъ предусмотрительно помѣшалъ охотнику задѣлать отверстіе въ гранитной стѣнѣ! Итакъ, этотъ благодѣтельный ключъ, утолявшій нашу жажду на всемъ протяженіи пути, теперь долженъ былъ служить мнѣ проводникомъ по извилистой подземной галлереѣ.

Тутъ мнѣ захотѣлось освѣжиться. Я наклонился, чтобы смочить голову въ ручьѣ Ганса. Каково-же было мое удивленіе, когда вмѣсто воды я нащупалъ лишь сухой, неровный гранитъ. Ручья не было!

XXVII.

Отчаяніе мое не поддается описанію. Никакія человѣческія слова не въ силахъ передать то, что я чувствовалъ. Быть заживо погребеннымъ, съ перспективой умереть отъ голода и жажды!

Я машинально ощупывалъ почву горячими руками. Какимъ сухимъ показался мнѣ этотъ утесъ!

Но какъ могъ я уйти отъ берега ручья? Вѣдь, что тамъ ни говори — ручья нѣтъ! Такъ вотъ почему въ подземельѣ царило такое странное молчаніе, когда я прислушивался въ послѣдній разъ, надѣясь, что спутники позовутъ, окликнутъ меня. Итакъ, вступивъ на эту дорогу, я не замѣтилъ вначалѣ отсутствіе ручья. Въ это-то время, вѣроятно, галлерея развѣтвлялась, я пошелъ одной дорогой, а товарищи мои, слѣдуя теченію ручья,—другимъ невѣдомымъ путемъ.

Какъ возвратиться—вотъ вопросъ. Слѣдовъ на гранитной почвѣ не осталось. Я ломалъ себѣ голову надъ этой неразрѣшимой задачей. Положеніе мое можно было описать однимъ словомъ: погибъ!

Да, погибъ на неизмѣримой глубинѣ! Тридцать миль земной коры, казалось, висѣли у меня на плечахъ, давили меня!

Я попытался придать своимъ мыслямъ иное направленіе и подумать о земномъ. Это съ трудомъ удалось мнѣ. Гамбургъ, домъ на Кёнигштрассе, бѣдняжка Граубенъ, весь надземный міръ, подъ которымъ я теперь блуждалъ, въ мигъ пронеслись въ моемъ испуганномъ воображеніи. Я увидѣлъ, какъ бы галлюцинируя, все пережитое во время путешествія: Исландію, Фридриксона, Снеффельсъ! Я думалъ, что если, въ моемъ положеніи, у меня сохранится еще тѣнь надежды, это будетъ признакомъ сумасшествія, и что для меня лучше отчаяваться!

Ну, какая человѣческая сила могла вернуть меня на поверхность земли, разомкнувъ огромные своды, нависшіе надъ моею головою. Кто могъ меня направить въ обратный путь и помочь мнѣ найти товарищей?

— Ахъ, дядя, дядя!—вырвался у меня крикъ отчаянія.

То былъ единственный упрекъ, слетѣвшій у меня съ устъ. Я понималъ, что долженъ испытывать теперь этотъ человѣкъ, отыскивая меня.

Увидѣвъ, что отъ людей мнѣ ждать помощи нечего и что самъ я спастись не могу, я вспомнилъ о помощи свыше, вспомнилъ свое дѣтство, мать, которую рано потерялъ и сталъ молиться, какъ ни мало я имѣлъ основаній надѣяться на то, что Богъ, къ которому я такъ долго не обращался, услышитъ меня. Я молился горячо.

Молитва немного успокоила меня, и я сосредоточилъ всѣ свои умственныя силы на обсужденіи своего положенія.

У меня было на три дня съѣстныхъ припасовъ и полная фляжка воды. Оставаться здѣсь одному не имѣло никакого смысла; но я не зналъ, слѣдуетъ ли мнѣ подниматься или спускаться.

Конечно, подниматься! все подниматься!

Тогда только я дойду до того мѣста, гдѣ остался ключъ и гдѣ развѣтвляются дороги. Выйдя къ ручью, я могу подняться даже до вершины Снеффельса.

Какъ я не подумалъ объ этомъ раньше! Вѣдь это шансъ на спасеніе. Скорѣе же къ ручью Ганса!

Я всталъ и опираясь на палку, съ желѣзнымъ концомъ, пошелъ по галлереѣ. Склонъ былъ довольно крутой. Я шелъ, полный надежды, легко и свободно, какъ человѣкъ, которому не остается никакого выбора.

Въ теченіе получаса никакихъ препятствій не встрѣчалось. Я старался узнать дорогу по формѣ тоннеля, по выступамъ нѣкоторыхъ скалъ, по расположенію извилинъ. Но ничто не говорило моему воображенію, и я скоро понялъ, что, слѣдуя этою галлереею, не приду къ развѣтвленію дорогъ. Изъ нея не было выхода. Я ударился о непроницаемую стѣну и упалъ на скалу.

Не могу сказать, какой ужасъ, какое отчаяніе овладѣли мною. Послѣдняя надежда рухнула, разбилась объ эту гранитную стѣну.

Нечего было и думать бѣжать изъ этого лабиринта, извилины котораго всюду перекрещивались. Оставалось одно—умереть ужасною смертью. Странная мысль пришла мнѣ тогда въ голову: если люди когда нибудь найдутъ мое окаменѣлое тѣло, находка эта въ тридцати миляхъ подъ землею возбудитъ серьезные научные споры.

Я попытался говорить вслухъ, но изъ моей изсохшей гортани вырвались лишь хриплые звуки. Я задыхался.

Въ довершеніе всѣхъ этихъ ужасовъ меня постигло еще одно несчастіе: лампочка моя упала и разбилась. Починить ее я не могъ. Свѣтъ ея блѣднѣлъ и угасалъ.

Я слѣдилъ за угасаніемъ угольной нити электричества.

Я смотрѣлъ, какъ ослабѣваетъ электрическій токъ въ лампочкѣ. По потемнѣвшимъ стѣнамъ заплясала процессія тѣней. Я боялся закрыть глаза, жадно ловя мельчайшую частицу уга-

сающаго свѣта! Вотъ, вотъ свѣтъ замретъ и тогда со всѣхъ сторонъ ко мнѣ подползетъ мракъ!

Наконецъ, лампа вспыхнула въ послѣдній разъ. Я слѣдилъ за догорающимъ огнемъ, впился въ него глазами, воспринимая послѣднее свѣтовое ощущеніе, и затѣмъ остался среди непроглядной тьмы.

О, что за крикъ вырвался у меня! Какъ бы ни была темна ночь на землѣ, абсолютнаго мрака тамъ нѣтъ; тамъ свѣтъ можетъ разсѣяваться, можетъ ослабѣть, но какъ бы слабъ онъ ни былъ, сѣтчатая оболочка глаза воспринимаетъ его. Здѣсь же ничего: полная тьма сдѣлала меня слѣпымъ, во всемъ значеніи слова.

Я обезумѣлъ отъ ужаса. Я всталъ, выставилъ впередъ руки и сталъ ощупывать окружающіе предметы, поминутно больно ушибаясь, потомъ принялся бѣжать по этому безвыходному лабиринту, метался въ этой разщелинѣ земной коры, какъ житель подземныхъ трещинъ, звалъ на помощь, кричалъ, вылъ, ударялся о выступы скалъ, падалъ, вставалъ, весь окровавленный, пилъ кровь, которая текла у меня по лицу, и ждалъ одного— что разобью себѣ голову о какую нибудь стѣну!

Куда я бѣжалъ, безумецъ? Этого я самъ никогда не узнаю. Прошло нѣсколько часовъ, и, выбившись, наконецъ, изъ силъ, я упалъ, какъ безжизненная масса, у стѣны и потерялъ сознаніе.

XXVIII.

Когда я пришелъ въ себя, лицо мое было влажно, на этотъ разъ, отъ слезъ. Не знаю, сколько времени я пролежалъ безъ чувствъ: я уже не могъ никакимъ способомъ опредѣлять время. Никогда еще человѣкъ не испытывалъ одиночества, подобнаго моему.

Падая, я потерялъ много крови. Я лежалъ въ лужѣ крови. О! какъ отъ души пожалѣлъ я, что еще не умеръ, и что «смерть ожидаетъ меня впереди». Мнѣ не хотѣлось думать. Я отгонялъ отъ себя мысли и, сломленный горемъ, покатился къ противоположной стѣнѣ.

Я уже снова начиналъ терять сознаніе, какъ вдругъ до моего слуха донесся сильный шумъ, напоминавшій продолжительные раскаты грома; затѣмъ я услышалъ звукъ воды, падающей въ глубокую пропасть.

Откуда доносился этотъ шумъ? Вѣрно, въ нѣдрахъ земли происходитъ какое нибудь явленіе: взрывъ газа или обвалъ огромнаго слоя камней.

Я прислушался, не возобновится ли этотъ шумъ. Такъ прошла четверть часа. Въ галлереѣ было тихо. Я отчетливо слышалъ, какъ бьется мое сердце.

Я случайно припалъ ухомъ къ стѣнѣ, и что же почудилось мнѣ? Отдаленные неясные, неуловимые звуки человѣческихъ голосовъ. Я вздрогнулъ.

— Это галлюцинація!—подумалъ я.

Но нѣтъ. Прислушавшись внимательнѣе, я дѣйствительно услышалъ голоса, хотя, вслѣдствіе своей слабости, не могъ разобрать, что они говорили. Во всякомъ случаѣ не оставалось сомнѣнія, что это говорятъ люди.

У меня мелькнула было мысль: не мои ли это слова, повторяемыя эхомъ. Можетъ быть, я закричалъ, самъ того не замѣчая. И вотъ, плотно зажавъ ротъ, я снова припалъ ухомъ къ стѣнѣ.

— Да, конечно же говорятъ! говорятъ, я не ошибся!

Подвинувшись на нѣсколько футовъ дальше вдоль стѣны, я сталъ различать звуки еще яснѣе, даже уловилъ неясныя, странныя, непонятныя слова. Они доносились до меня, какъ шопотъ. Слово «förlorad» повторялось нѣсколько разъ и съ выраженіемъ скорби.

Что значило это слово? Кто произносилъ его? Очевидно, дядя и Гансъ. Но, вѣдь, если я слышу ихъ говоръ, значитъ, и они могутъ услышать меня.

— Помогите!—закричалъ я, что былъ силъ.—Помогите!

Затѣмъ я сталъ прислушиваться, чтобы уловить во мракѣ отвѣтъ, крикъ, хотя бы даже вздохъ! Однако, я ничего не услышалъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Тысяча мыслей роились у меня въ головѣ. Я думалъ, что слабый голосъ мой не донесся до моихъ спутниковъ.

— Вѣдь это навѣрно они,—повторялъ я.—Какіе же другіе люди могутъ быть на глубинѣ тридцати миль подъ землею?

Я снова прислушался. Прикладывая ухо къ разнымъ точкамъ стѣны, я нашелъ точку, до которой звуки доходили съ наибольшей силой и ясностью. Опять я услышалъ слово «förlorad», а затѣмъ новый раскатъ грома.

— Нѣтъ, нѣтъ,—рѣшилъ я,—звуки доносятся не черезъ гранитную стѣну, она не пропустила бы даже самаго сильнаго звука; они долетаютъ до меня по галлереѣ. Тутъ есть какое то акустическое явленіе!

Я опять сталъ слушать, и на этотъ разъ отчетливо услышалъ свое имя!

Это дядя звалъ меня! Это онъ разговаривалъ съ проводникомъ и слово «förloraď» было датское!

Тогда я понялъ все. Если я хочу, чтобы меня услышали, я долженъ говорить по стѣнѣ, она передастъ мой голосъ, какъ проволока передаетъ электрическій токъ

Однако, надо было спѣшить. Вѣдь стоитъ моимъ спутникамъ отойти на нѣсколько шаговъ, и акустическаго эффекта какъ не бывало. Я припалъ какъ можно ближе къ стѣнѣ и произнесъ возможно раздѣльнѣе:

— Дядя Лиденброкъ!

Сердце сжалось у меня отъ страха, пока я ждалъ отвѣта. Вѣдь звуки передаются не моментально. Даже сгущенность воздуха не ускоряетъ ихъ. Прошло нѣсколько секундъ, показавшихся мнѣ вѣчностью; наконецъ, до меня долетѣли слѣдующія слова:

— Это ты, Аксель?

. . . .

— Да, да!—отвѣчалъ я.

. . . .

— Гдѣ ты, бѣдное дитя мое?

. . . .

— Въ самомъ непроницаемомъ мракѣ.

. . . .

— А лампа?

. . . .

— Погасла.

. . . .

— А ручей?

. . . .

— Исчезъ.

. . . .

— Аксель! мой бѣдный Аксель, мужайся!

. . . .

— Подождите немного. Я такъ усталъ, что не могу отвѣчать. Но вы то, пожалуйста, говорите!

. . . .

— Мужайся,—продолжалъ дядя;—помолчи и слушай. Мы искали тебя всюду, ходили по галлереѣ взадъ и впередъ и не нашли. Я уже оплакивалъ тебя, другъ мой. Наконецъ, думая, что ты пошелъ по берегу ручья Ганса, мы спустились, стрѣляя изъ ружья. Теперь, благодаря какому то чуду акустики, мы можемъ объясняться, но не можемъ еще пожать другъ другу руку. Ты, однако, не отчаявайся, Аксель! Хорошо уже и то, что мы слышимъ другъ друга.

. . . .

Между тѣмъ я соображалъ. Въ сердцѣ моемъ проснулась надежда, хотя еще и очень смутная. Прежде всего мнѣ было важно узнать одну вещь. Я припалъ губами къ стѣнѣ и позвалъ:

— Дядя!

. . . .

— Что, Аксель?—отвѣтилъ онъ мнѣ нѣсколько времени спустя.

. . . .

— Надо бы узнать, какое разстояніе раздѣляетъ насъ.

. . . .

— Это очень легко.

. . . .

— У васъ есть хронометръ?

. . . .

— Да.

. . . .

— Такъ возьмите же его. Произнесите мое имя и замѣтьте когда будете говорить, секунду. Я повторю слово, а вы должны точно опредѣлить, когда отвѣтъ мой дойдетъ до васъ.

. . . .

— Хорошо. Половина же времени, протекшаго между моимъ вопросомъ и твоимъ отвѣтомъ, покажетъ намъ, сколько секундъ нужно для того, чтобы до тебя дошелъ звукъ моего голоса.

. . . .

— Совершенно вѣрно, дядя.

. . . .

— Ты слушаешь?

. . . .

— Да.

. . . .

— Ну, слушай, я произнесу твое имя.

. . . .

Я припалъ ухомъ къ стѣнѣ, и какъ только до меня донеслось слово «Аксель», я тотчасъ же повторилъ «Аксель» и сталъ ждать.

. . . .

— Сорокъ секундъ, — сказалъ дядя. — Между вопросомъ и отвѣтомъ прошло сорокъ секундъ. Итакъ, звукъ доносится отъ тебя ко мнѣ черезъ двадцать секундъ. Считая, что звукъ проходитъ тысячу двадцать футовъ въ секунду, это составитъ двадцать тысячъ четыреста футовъ, или одну милю пять восьмыхъ.

. . . .

— Больше полутора миль! — прошепталъ я.

. . . .

— Ну, такое разстояніе еще можно пройти, Аксель!

. . . .

— Куда же надо идти, вверхъ или внизъ по галлереѣ?

. . . .

— Надо спуститься, и вотъ почему. Мы вышли въ обширную пещеру, въ которой кончается множество галерей. Та галлерея, въ которой ты находишься, вѣроятно тоже выходитъ въ нашъ гротъ, такъ какъ отъ него, какъ лучи, расходятся во всѣ стороны всѣ трещины и ущелья земного шара. Встань и иди, тащись, ползи, если не можешь ходить, скатывайся по крутымъ склонамъ, въ концѣ концовъ мы примемъ тебя въ свои объятія. Итакъ, другъ мой, съ Богомъ, пускайся въ путь!

. . . .

Я ожилъ при этихъ словахъ.

— До свиданія, дядя, — воскликнулъ я; — я ухожу. Намъ нельзя будетъ больше разговаривать, разъ я уйду съ этого мѣста! Прощайте!

. . . .

До свиданья, Аксель! до свиданья!

. . . .

Это были последнія слова, которыми мы обмѣнялись. Этими словами кончился нашъ удивительный разговоръ на разстояніи мили, черезъ слой земли! Я вознесъ Богу благодарственную молитву за то, что Онъ привелъ меня въ этомъ мрачномъ подземельѣ къ единственному мѣсту, быть можетъ, куда до меня могли долетѣть звуки голоса товарищей.

Это акустическое явленіе легко объяснимо закономъ физики, оно произошло вслѣдствіе формы галлереи и способности скалы проводить звуки. Подобные случаи проводимости звука въ извѣстное мѣсто, тогда какъ въ промежуточномъ пространствѣ его не слышно, не рѣдкость. Я припомнилъ, что явленіе это наблюдалось, между прочимъ, во внутренней галлереѣ собора св. Павла въ Лондонѣ, а также въ древнихъ каменоломняхъ близъ Сиракузъ, въ Сициліи; самая замѣчательная изъ этихъ пещеръ носитъ названіе «Ухо Діонисія».

Всѣ эти воспоминанія нахлынули на меня, и я понялъ, что разъ я слышу голосъ дяди, между нами нѣтъ никакой преграды. Слѣдуя тѣмъ же путемъ, какимъ доносятся звуки, я неминуемо, если только не измѣнятъ мнѣ силы, долженъ придти къ мѣсту, гдѣ находятся мои спутники.

Я всталъ и пошелъ, вѣрнѣе было бы сказать влачился. Склонъ былъ довольно крутой, я попробовалъ скатиться.

Скоро я сталъ спускаться съ головокружительной быстротой. Это уже было не передвиженіе, а паденіе. Я не могъ остановиться.

Вдругъ я потерялъ почву подъ ногами. Я покатился, стукаясь о шероховатости вертикальной похожей на колодезь галлереи, ударился о скалу и лишился чувствъ.

XXIX.

Я очнулся гдѣ то въ слабо освѣщенномъ мѣстѣ, лежа на одѣялахъ. Около меня сидѣлъ и смотрѣлъ мнѣ въ лицо дядя. Онъ старался уловить во мнѣ проблески жизни. Когда я вздохнулъ, онъ взялъ меня за руку, а когда я открылъ глаза, вскрикнулъ отъ радости.

— Живъ! живъ!—воскликнулъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ я чуть слышно.

— Аксель, ты спасенъ, — сказалъ дядя, крѣпко обнимая меня.

Меня тронуло и выраженіе, съ которымъ онъ произнесъ эти слова, и заботливость ухода за мною. Но какія испытанія понадобились для того, чтобы вызвать это проявленіе чувства!

Въ это время подошелъ Гансъ. Онъ увидѣлъ, что дядя держитъ меня за руку, и въ глазахъ его мелькнуло выраженіе удовольствія.

— «God dog»,—сказалъ онъ.

— Здравствуйте, Гансъ, здравствуйте,—прошепталъ я въ отвѣтъ. А теперь скажите мнѣ, дядя, гдѣ мы находимся?

— Завтра, Аксель, завтра; сегодня ты еще слишкомъ слабъ. Не сбей компрессъ, которымъ я обвязалъ тебѣ голову. Спи, другъ мой, завтра ты узнаешь все.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, какой сегодня день и который теперь часъ?—спросилъ я.

— Сегодня воскресенье 9-го августа и теперь одиннадцать часовъ вечера; но я запрещаю тебѣ разговаривать до 10-го числа сего мѣсяца.

Въ самомъ дѣлѣ, я былъ очень слабъ. Глаза невольно смыкались. Мнѣ нуженъ былъ отдыхъ. Я заснулъ съ мыслью, что мое одиночество продолжалось четыре долгихъ дня.

На слѣдующій день я проснулся и бросилъ взглядъ вокругъ. Постель моя, устроенная изъ всѣхъ нашихъ дорожныхъ одѣялъ, пріютилась въ прелестномъ, украшенномъ великолѣпными сталагмитами гротѣ, полъ котораго былъ покрытъ мелкимъ пескомъ. Въ гротѣ царилъ полусвѣтъ. Нигдѣ не было ни факела, ни лампы, а между тѣмъ откуда то извнѣ, изъ узкаго отверстія пещеры, проникалъ слабый свѣтъ. По временамъ до меня долеталъ также смутный, неопредѣленный шумъ, напоминающій плескъ волнъ о прибрежный песокъ, а иногда какъ бы свистъ вѣтерка.

Я спрашивалъ себя, не сплю ли я, не снится ли мнѣ все это; не пострадалъ ли мой мозгъ во время паденія и не чудятся ли мнѣ поэтому воображаемые шумы. Однако, ни слухъ, ни зрѣніе не обманывали меня.

— Это, дѣйствительно, въ трещину скалъ свѣтитъ лучъ дневного свѣта, — думалъ я. А то въ самомъ дѣлѣ плескъ волнъ. Это вѣетъ вѣтерокъ. Если не ошибаюсь, мы снова на

поверхности земли! Ужъ не отказался ли дядя отъ своей экспедиціи, или же онъ ее уже счастливо окончилъ?

Пока я силился рѣшить всѣ эти вопросы, въ комнату вошелъ профессоръ.

— Здравствуй, Аксель!—весело сказалъ онъ.—Кажется, ты сегодня молодцомъ?

— Да,—отвѣчалъ я,—выпрямляясь подъ одѣяломъ.

— Этого надо было ожидать, потому что ты хорошо спалъ. Мы съ Гансомъ по очереди дежурили около тебя и видѣли, что ты поправляешься.

— Въ самомъ дѣлѣ я подбодрился и въ доказательство сдѣлаю честь вашему завтраку, потому что, надѣюсь, вѣдь вы мнѣ дадите поѣсть?

— Дадимъ, дадимъ, другъ мой. Лихорадка у тебя прошла. Гансъ смазалъ твои раны какою-то мазью, рецептъ которой извѣстенъ только исландцамъ, и онѣ прекрасно зарубцевались. Славный малый нашъ охотникъ!

Говоря это, дядя приготовлялъ мнѣ пищу, которую я, вопреки его совѣтамъ, съ жадностью проглотилъ. Въ то же время я забрасывалъ его вопросами, на которые онъ не успѣвалъ отвѣчать.

Я узналъ, что вслѣдствіе своего паденія, я очутился у отверстія почти перпендикулярной галереи. Такъ какъ я появился среди цѣлаго потока камней, изъ которыхъ самый маленькій могъ бы меня раздавить, можно было заключить, что часть массива обрушилась вмѣстѣ со мною. Эта ужасная повозка доставила меня прямо въ объятія дяди, въ которыхъ я очутился безжизненный и окровавленный.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ мнѣ,—удивительно, какъ тебя не убило. Бога ради, не станемъ больше разлучаться, потому что могло бы случиться, что мы никогда и не встрѣтились бы.

«Не станемъ больше разлучаться!» Такъ, значитъ, путешествіе еще не окончено? Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дядю.

— Что съ тобою, Аксель?

— Дядя я хочу спросить васъ кое о чемъ. Вы находите меня вполнѣ здоровымъ?

— Конечно.

— Ни одинъ изъ моихъ членовъ не поврежденъ?

— Нисколько.

— А голова?

— Голова, за исключенiемъ нѣсколькихъ контузiй, на своемъ мѣстѣ, крѣпко сидитъ на плечахъ.

— Я боюсь, не пострадалъ ли мой мозгъ.

— Да что ты!

— Да. Скажите, дядя, мы находимся вѣдь не на поверхности земли?

— Конечно, нѣтъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ я сошелъ съ ума, потому что вижу дневной свѣтъ, слышу шумъ вѣтра и волнъ морскихъ.

— И только?

— Объясните, пожалуйста.

— Объяснять необъяснимое я тебѣ не стану, но ты увидишь и поймешь, что геологiя, какъ наука, еще далеко не сказала своего послѣдняго слова.

— Пойдемте же скорѣе!—воскликнулъ я, поспѣшно вставая.

— Нѣтъ, Аксель, нѣтъ. Тебѣ еще вредно выходить на вѣтеръ.

— Вѣтеръ?

— Да, дуетъ довольно сильный вѣтеръ. Я не хочу, чтобы ты простудился.

— Но, увѣряю васъ, что я совсѣмъ здоровъ.

— Потерпи немного, другъ мой. Если ты снова захвораешь, это будетъ очень не кстати. Времени терять нельзя, потому что намъ предстоитъ большое плаванiе.

— Плаванiе?

— Да, отдохни еще сегодня, а завтра мы отправимся въ плаванiе.

— Что же это такое? Развѣ тутъ есть гдѣ-нибудь рѣка, море? Стоитъ ли гдѣ-нибудь на якорѣ какое-нибудь судно во внутреннемъ портѣ?

Мое любопытство было возбуждено въ сильной степени. Напрасно старался дядя удержать меня. Увидѣвъ, что мое нетерпѣнiе повредитъ мнѣ больше, чѣмъ исполненiе моихъ желанiй, онъ уступилъ.

Я быстро одѣлся, завернулся кромѣ того изъ предосторожности въ одѣяло и вышелъ изъ

XXX.

Сначала я ничего не видѣлъ; ослѣпленный непривычнымъ свѣтомъ, я зажмурился, когда же снова открылъ глаза, я такъ и остолбенѣлъ.

— Море!—воскликнулъ я.

— Да,—отвѣчалъ дядя,—море Лиденброка. Мнѣ пріятно думать, что никакой мореплаватель не станетъ оспаривать у меня чести открытія и права назвать его моимъ именемъ!

Обширная водная поверхность, начало озера или океана, разстилалась далеко на горизонтѣ. Мелкій прибрежный песокъ былъ усѣянъ мелкими раковинками, въ которыхъ когда-то жили первобытные моллюски. Волны разбивались какъ-то особенно звучно, какъ бываетъ въ большомъ закрытомъ пространствѣ. Вѣтеръ уносилъ легкую пѣну. Брызги долетали до меня. Въ ста саженяхъ отъ мѣста, гдѣ разбивались о прибрежный песокъ волны, кончались послѣдніе отроги огромныхъ скалъ. Нѣкоторые изъ нихъ вдавались острымъ гребнемъ въ море и образовали мысы и изрытые прибоемъ полуостровки. Нѣсколько дальше ихъ контуры рѣзко обрисовывались на туманномъ фонѣ горизонта.

То былъ настоящій океанъ съ причудливыми очертаніями береговой линіи надземныхъ морей, только страшно пустынный и дикій.

Когда-то необыкновенный свѣтъ освѣщалъ мельчайшія подробности. То былъ не свѣтъ солнца съ его яркими снопами лучей и великолѣпною лучезарностью, и не блѣдный, неопредѣленный, холодный свѣтъ луны; нѣтъ, судя по силѣ, дрожанію испускаемыхъ лучей, чистотѣ и сухому блеску, словомъ, по всѣмъ признакамъ свѣтъ этотъ былъ электрическаго происхожденія. Это было космическое явленіе въ родѣ сѣвернаго сіянія, только постоянное, и оно заливало свѣтомъ всю огромную пещеру, вмѣщавшую, благодаря своей обширности цѣлый океанъ.

Сводъ надъ моею головою,—небо, если хотите,—состоялъ изъ густыхъ облаковъ, подвижныхъ паровъ, проливавшихся, вѣроятно, иногда вслѣдствіе сгущенія, страшнымъ ливнемъ. Казалось бы, что при такомъ сильномъ давленіи атмосферы, вода не можетъ испаряться; однако, по неизвѣстной мнѣ физической причинѣ, въ

воздухѣ носились тучи. Но въ этотъ день была «хорошая погода». Электричество освѣщало высоко парившія облака, и живыя тѣни перебѣгали по ихъ нижнимъ завиткамъ; часто между двумя разъединенными слоями съ изумительною интенсивностью прокрадывался лучъ. Но все-таки этотъ холодный, безстрастный свѣтъ не походилъ на солнечный и производилъ какое-то печальное, страшно меланхолическое впечатлѣніе. Вмѣсто звѣзднаго неба, надъ головою чувствовался тяжелый гранитный сводъ. Къ тому же какъ ни великъ былъ этотъ сводъ, онъ былъ недостаточно обширенъ для кругового движенія самаго скромнаго спутника луны или солнца.

Мнѣ вспомнилась теорія одного англійскаго капитана, говорившаго, что земля—это обширный полый шаръ, воздухъ внутри котораго, вслѣдствіе давленій, — лучезарный, что въ немъ совершаютъ свой таинственный путь двѣ планеты Плутонъ и Прозерпина. Ужъ не правъ ли онъ?

Мы дѣйствительно находились въ огромной пещерѣ. О ширинѣ и длинѣ ея трудно было судить, потому что очертанія берега терялись вдали, а туманная линія горизонта не давала простора взгляду. Что касается вышины, она, вѣроятно, превышала нѣсколько миль. Не видно было, гдѣ опирался этотъ сводъ на гранитные контрфорсы; но облака парили приблизительно на высотѣ двухъ тысячъ саженъ, гораздо выше, чѣмъ то бываетъ надъ землею, вѣроятно, вслѣдствіе сгущенности воздуха.

Слово «пещера» не совсѣмъ точное обозначеніе для этого огромнаго пространства. Но тому, кто проникъ въ нѣдра земного шара, не хватаетъ земныхъ выраженій.

Не знаю, какимъ геологическимъ переворотомъ объяснить образованіе подобной пещеры. Образовалась ли она вслѣдствіе охлажденія земного шара? Изъ разсказовъ путешественниковъ я зналъ о нѣкоторыхъ знаменитыхъ пещерахъ, но ни одна изъ нихъ не достигала такихъ размѣровъ.

Гумбольдтъ не дошелъ до конца огромной пещеры Гуакары въ Колумбіи; онъ проникъ въ нее лишь на разстояніи двухъ съ половиною тысячъ футовъ, но есть вѣроятіе предполагать, что она простирается немного дальше. Огромная Мамонтова пещера въ Кентуки—тоже гигантскихъ размѣровъ: сводъ ея возвышается на пятьсотъ футовъ надъ бездоннымъ озеромъ и

путешественники изслѣдовали ее на разстояніи десяти миль и не дошли до ея предѣловъ. Но что значатъ всѣ эти пещеры въ сравненіи съ этою, съ ея небомъ, лучезарностью, обширнымъ моремъ. Воображеніе оказывалось безсильнымъ передъ этою необъятностью.

Молча смотрѣлъ я на всѣ эти чудеса. У меня не хватало словъ для выраженія переживаемыхъ мною чувствъ. Мнѣ казалось, что я попалъ на какую-нибудь отдаленную планету «Уранію» или «Нептунъ», о природѣ которыхъ я не имѣлъ никакого представленія. Для новыхъ ощущеній нужны и новыя слова, а воображеніе не подсказывало ихъ мнѣ. Я смотрѣлъ, думалъ, любовался съ смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и страха.

Лицо мое оживилось подъ вліяніемъ этого неожиданнаго зрѣлища. Я испыталъ на себѣ новый терапевтическій способъ леченія—посредствомъ новизны впечатлѣній. Впрочемъ, воздухъ былъ здѣсь сильно насыщенъ кислородомъ, и это также оживило меня.

Всякій пойметъ, какъ пріятно, послѣ сорока семи дневного заключенія въ узкой галлереѣ, вдыхать свѣжій насыщенный солеными испареніями вѣтерокъ.

Итакъ, я нисколько не пожалѣлъ, что вышелъ изъ своего темнаго грота. Дядя, успѣвшій уже освоиться съ этими чудесами, не выражалъ удивленія.

— Можешь ли ты ходить?—спросилъ онъ.

— Да, я охотно пройдусь,—отвѣчалъ я.

— Ну, такъ бери меня подъ руку, Аксель, прогуляемся по берегу.

Я поспѣшилъ согласиться и мы пошли вдоль побережья новаго океана. Налѣво возвышался огромный массивъ взгроможденныхъ другъ на друга крутыхъ скалъ. Съ ихъ склоновъ стекали безчисленные шумные прозрачные водопады. Тамъ и сямъ поднимался легкій паръ, указывая мѣсто, гдѣ протекаютъ горячіе ключи. Ручьи, пріятно прожурчавъ по склонамъ, впадали въ общій бассейнъ.

Среди другихъ ручьевъ я призналъ нашего вѣрнаго спутника—ручей Ганса. Онъ тоже мирно впадалъ въ море, словно отъ самаго сотворенія міра волны его не знали иного пути.

— Теперь онъ уже не будетъ нашимъ товарищемъ,—сказалъ я со вздохомъ.

— Не этотъ, такъ другой, не все ли равно!—отвѣчалъ профессоръ.

Я немного удивился неблагодарности профессора.

Въ эту минуту неожиданное зрѣлище привлекло мое вниманіе. Въ пяти стахъ шаговъ отъ насъ, на высокомъ мысѣ, моимъ глазамъ представился густой высокій лѣсъ. Деревья были средней величины, въ видѣ правильныхъ зонтиковъ, съ отчетливыми геометрическими очертаніями. Вѣтеръ не колебалъ ихъ листьевъ и они стояли неподвижные, какъ роща окаменѣлыхъ кедровъ.

Я прибавилъ шагу. Я не зналъ, что это за странные растенія, входятъ ли они въ число двухъ сотъ тысячъ извѣстныхъ растительныхъ видовъ, или же имъ слѣдуетъ отвести специальное мѣсто среди озерныхъ породъ флоры. Когда я подошелъ къ лѣсу, то, что я увидѣлъ, превзошло всѣ мои ожиданія.

Судите сами, это оказались гигантскіе произростанія земли. Дядя тотчасъ же назвалъ ихъ.

— Это лѣсъ грибовъ,—сказалъ онъ.

Онъ не ошибался. Эти растенія, растущія въ сырыхъ и теплыхъ мѣстахъ, достигли здѣсь гигантскихъ размѣровъ. Я зналъ, что «Lycoperdon giganteum» достигаетъ, по словомъ Бюльяра, восьми, девяти футовъ въ окружности; но здѣсь дѣло шло о бѣлыхъ грибахъ въ тридцать, сорокъ футовъ вышиною, съ шляпкою такого же діаметра. Ихъ были тысячи Свѣтъ не проникалъ въ ихъ густую тѣнь и подъ ихъ близко прилегающими зонтиками, похожими на круглыя крыши африканскаго города, царилъ мракъ.

Однако, мнѣ захотѣлось проникнуть въ эту чащу. Изъ подъ тѣнистыхъ сводовъ вѣяло могильнымъ холодомъ. Когда мы побродили полчаса въ этомъ сыромъ и мрачномъ лѣсу и потомъ вышли на берегъ моря, я почувствовалъ облегченіе.

Но кромѣ грибовъ, въ этомъ подземномъ царствѣ была другая растительность. Дальше росли группами другія деревья съ выцвѣтшей листвой. Ихъ было легко узнать; это были кустарники, встрѣчающіеся на поверхности земли, только здѣсь они были чудовищныхъ размѣровъ: плауны въ сто футовъ вышиною, гигантскіе сигилляріи, высокіе, какъ ели, древовидные папортники, лепидодендроны съ вильчатыми цилиндрическими

развѣтвленіями, оканчивающимися длинными, покрытыми жесткими шипами листьями.

— Удивительно! великолѣпно! роскошно! — восхищался дядя. — Здѣсь на лицо вся флора вторичной эпохи жизни міра, переходной эпохи. Скромныя растенія, украшающія теперь наши сады, были деревьями въ первые вѣка существованія земного шара! Взгляни, Аксель, полюбуйся. Ни одному ботанику не доводилось еще видѣть подобную роскошь!

— Вы правы, дядя. Ученые по догадкѣ, по жалкимъ остаткамъ возстановили нѣкоторые изъ допотопныхъ растеній; а вотъ тутъ растенія эти, волею Провидѣнія, живутъ въ этой теплицѣ.

— Ты вѣрно выражаешься, другъ мой, это теплица; но ты бы выразился еще точнѣе, если бы сказалъ, что это звѣринецъ.

— Звѣринецъ?

— Конечно же. Посмотри на прахъ, который мы попираемъ ногами и на эти разбросанныя по землѣ кости.

— Кости! — воскликнулъ я. — Ахъ! да, кости допотопныхъ животныхъ!

Я началъ разсматривать эти вѣковые остатки, вслѣдствіе своего минеральнаго состава *), не подвергшіеся разрушенію. Я безъ всякаго затрудненія называлъ по именамъ эти гигантскія кости, похожія на засохшія деревья.

— Вотъ нижняя челюсть мастодонта, — говорилъ я, — вотъ коренные зубы динотерія, вотъ бедряная кость самаго крупнаго изъ этихъ животныхъ мегатерія. Да, это настоящій звѣринецъ, потому что нельзя предположить, чтобы кости эти были перенесены сюда потопомъ. Животныя, которымъ они принадлежатъ, жили на берегахъ этого подземнаго моря, въ тѣни этихъ деревьевъ. Смотрите, вотъ цѣлые скелеты. Однако...

— Что такое? — спросилъ дядя.

— Я не понимаю, какъ могли очутиться подобныя четвероногія въ этой гранитной пещерѣ.

— Отчего?

— Потому что животныя жили на землѣ лишь во вторичный періодъ, когда наводненіе покрыло осадочной почвой раскаленныя скалы первичной эпохи.

---

*) Фосфорнокислая известь.

— Ну, Аксель, на твое замѣчаніе возразить не трудно: почва, на которой мы стоимъ,—осадочная.

— Какъ это можетъ быть на такой глубинѣ подъ землею? Съ геологической точки зрѣнія это легко объяснимо. При охлажденіи земли тонкая земная кора, вслѣдствіе уменьшенія внутренняго ядра, сжималась, образуя многочисленныя неровности. Въ это то время могли образоваться провалы, и часть осадочной почвы могла провалиться въ одну изъ внезапно развершихся пропастей.

— Должно быть оно такъ и было. Но если допотопные звѣри жили нѣкогда въ этихъ подземныхъ областяхъ, кто можетъ поручиться, что какое нибудь изъ этихъ чудовищъ не бродитъ и теперь въ этихъ темныхъ лѣсахъ или за этими крутыми скалами?

Я не безъ страха оглянулся, но не увидѣлъ на этихъ пустынныхъ берегахъ ни одного живого существа.

Я усталъ и присѣлъ на самомъ концѣ мыса, тамъ, гдѣ съ шумомъ разбивались волны. Отсюда весь заливъ открылся мнѣ, какъ на ладони. Въ глубинѣ бухты, между двумя пирамидальными скалами образовалась небольшая гавань. Вѣтеръ не волновалъ воду въ этомъ хорошо укрытомъ портѣ. Въ немъ отлично могъ бы пріютиться бригъ и двѣ или три шкуны. Я почти ожидалъ, что вотъ, вотъ какое нибудь судно подниметъ паруса и выйдетъ въ открытое море.

Но эта иллюзія быстро исчезла. Мы были единственными живыми существами въ этомъ подземномъ мірѣ. Повременамъ вѣтеръ утихалъ и тогда надъ безплодными скалами и поверхностью океана царила глубокая безмолвная тишина. Тогда я пристально вглядывался въ туманную даль, стараясь проникнуть за эту таинственную закрывавшую горизонтъ завѣсу. Вопросы одинъ за другимъ роились у меня въ умѣ: гдѣ кончается это море? куда ведетъ оно? достигнемъ ли мы противоположнаго берега?

Дядя былъ увѣренъ, что достигнемъ. Я же и желалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся этого.

Цѣлый часъ любовались мы этимъ чуднымъ видомъ, потомъ берегомъ вернулись въ гротъ. Въ этотъ день я заснулъ съ самыми странными мыслями.

XXXI.

На слѣдующее утро я проснулся уже совершенно здоровый. Я подумалъ, что мнѣ будетъ полезно выкупаться, и погрузился на нѣсколько минутъ въ волны этого Средиземнаго моря. Такое имя подходило къ нему какъ нельзя болѣе.

Я возвратился къ завтраку съ прекраснымъ аппетитомъ. Гансъ принялся за стряпню: вода и огонь были въ его распоряженіи и онъ могъ хоть немного поразнообразить нашу однообразную ѣду. За дессертомъ онъ далъ намъ кофе. Никогда еще этотъ напитокъ не казался мнѣ такимъ вкуснымъ.

— Насталъ часъ прилива,—сказалъ дядя,—надо воспользоваться случаемъ изучить это явленіе.

— Приливъ?—вскричалъ я.

— Ну, да.

— Неужели вліяніе луны и солнца сказывается даже здѣсь?

— Отчего бы нѣтъ! Развѣ не всѣ тѣла подвержены силѣ притяженія? Эта масса воды подчиняется общему закону. Ты увидишь, что, несмотря на отмосферическое давленіе на ея поверхность, она поднимется не хуже Атлантическаго океана.

Мы шли въ это время по прибрежному гравію и замѣчали, какъ волны поднимаются все выше и выше.

— Приливъ уже начался!—воскликнулъ я.

— Да, Аксель; а вотъ по тѣмъ остаткамъ морской пѣны ты можешь судить, что вода поднимается во время приливовъ футовъ на десять.

— Это чудесно?

— Нѣтъ, только естественно.

— Что вы ни говорите, а все это кажется мнѣ необыкновеннымъ. Я просто глазамъ своимъ не вѣрю. Кто могъ бы подумать, что подъ земной корой есть настоящій океанъ съ отливами и приливами, съ вѣтромъ и бурею!

— Но какая физическая причина могла бы быть препятствіемъ къ тому?

— Если допустить, что нѣтъ центральной теплоты, такихъ препятствій, конечно, не останется.

— Итакъ, до сихъ поръ теорія Дэви оправдывается?

— Очевидно, а потому нельзя оспаривать и возможност существованія внутри земного шара морей и цѣлыхъ странъ.

— Необитаемыхъ, конечно.

— Я не вижу почему бы въ этихъ водахъ не могли бы жить рыбы какого нибудь неизвѣстнаго намъ вида?

— До сихъ поръ, однако, мы не замѣтили ни одной.

— Можно будетъ взять удочки и испытать, такъ же ли здѣсь попадаются рыбы на крючокъ, какъ въ подлунныхъ океанахъ.

— Попробуемъ, Аксель; надо выяснить всѣ тайны этихъ новыхъ областей.

— Гдѣ мы находимся, дядя? Я васъ еще не спрашивалъ объ этомъ; а между тѣмъ ваши инструменты могутъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

— Въ триста пятидесяти миляхъ отъ Исландіи въ горизонтальномъ направленіи.

— Такъ далеко?

— Я увѣренъ, что не ошибаюсь даже на пятьсотъ саженъ.

— А компасъ попрежнему указываетъ на юго-востокъ?

— Да, съ незначительнымъ отклоненіемъ въ 45° 42′, точь въ точь какъ на землѣ. Относительно наклоненія магнитной стрѣлки я тщательно отмѣтилъ любопытное явленіе.

— Какое?

— Вмѣсто того, чтобы указывать полюсъ, какъ это бываетъ на сѣверномъ полушаріи, магнитная стрѣлка поднимается.

— Изъ этого можно вывести заключеніе, что притягательный магнитный пунктъ находится между поверхностью земного шара и мѣстомъ, гдѣ мы находимся.

— Вотъ именно, а если бы мы пришли въ полярный поясъ, подъ семидесятый градусъ, гдѣ Джэмсъ Россъ открылъ магнитный полюсъ, стрѣлка компаса встала бы, вѣроятно, совсѣмъ вертикально. Итакъ, этотъ таинственный центръ притяженія находится не очень глубоко.

— Въ самомъ дѣлѣ; вотъ фактъ, о которомъ наука и не подозрѣвала.

— Наука, братъ мой, часто заблуждается, но самыя ошибки приводятъ иногда къ истинѣ.

— На какой глубинѣ находимся мы?

— На глубинѣ тридцати пяти миль.

— Такимъ образомъ,—сказалъ я, взглянувъ на карту,—

надъ нами находится гористая Шотландія, съ ея увѣнчанными снѣгами Грампіанскими горами.

— Да,—засмѣялся профессоръ, — оно, пожалуй, было бы и тяжеленько, если бы сводъ былъ не такъ проченъ. Великій архитекторъ вселенной выстроилъ его изъ хорошаго матеріала, человѣкъ никогда не могъ бы придать постройкѣ такую крѣпость. Что всѣ арки мостовъ и соборовъ въ сравненіи съ этимъ, имѣющимъ три мили по радіусу сводомъ, надъ которымъ бури пѣнятъ океанъ!

— О! я вовсе не боюсь, что наше небо обвалится намъ на голову. Какіе у васъ теперь планы, дядя? Не собираетесь ли вы выйти на поверхность земного шара.

— Возвратиться теперь, когда все шло до сихъ поръ такъ хорошо. Ни за что!

— Однако, я не вижу способа переправиться черезъ этотъ бассейнъ.

— Потому то я и не бросаюсь, очертя голову. Но вѣдь океаны въ сущности тѣ же озера и со всѣхъ сторонъ окружены землею; это внутреннее море тѣмъ болѣе должно быть окружено гранитнымъ массивомъ.

— Несомнѣнно.

— Между тѣмъ я увѣренъ, что найду дальнѣйшій путь на томъ берегу.

— Какова, по вашему мнѣнію, длина океана?

— Тридцать или сорокъ миль.

— Ахъ! — воскликнулъ я, хотя и думалъ, что это предположеніе можетъ быть не точнымъ.

— Итакъ, намъ нельзя терять время, и надо завтра же выйти въ море.

Я невольно поискалъ глазами судна, на которомъ мы могли бы переправиться.

— Ахъ! мы выйдемъ въ море! — сказалъ я. — Но на какомъ же это суднѣ, дядя?

— На прочномъ плоту, другъ мой.

— Плотъ такъ же трудно выстроить, какъ корабль,—замѣтилъ я,—а я не вижу...

— Ты вотъ не видишь, Аксель; но если бы ты захотѣлъ послушать, ты бы могъ услышать.

— Услышать?

— Да, стукъ молотка, и ты узналъ бы, что Гансъ уже за работой.

— Строитъ плотъ?

— Да.

— Какъ? Онъ уже срубилъ топоромъ деревья?

— О! деревья были уже срублены. Пойдемъ со мною, ты увидишь Ганса за дѣломъ.

Мы шли около четверти часа и увидѣли, наконецъ, по ту сторону образующаго маленькую гавань мыса работающаго Ганса. Я подошелъ къ нему и увидѣлъ, къ величайшему удивленію своему, на прибрежномъ пескѣ полуоконченный плотъ. Плотъ былъ сколоченъ изъ стволовъ какого то особеннаго дерева. Тутъ же валялись трехдюймовыя доски, и всякіе обрубки. Тутъ было изъ чего выстроить цѣлую флотилію.

— Дядя!—воскликнулъ я.—Что это за дерево?

— Это сосны, ели, березы, всякаго рода сѣверныя шишконосныя деревья, пропитанныя минеральными соединеніями морской воды.

— Неужели?

— Это такъ называемый «surtarbrandur», т. е. ископаемое дерево.

— Но въ такомъ случаѣ оно, какъ лигнитъ, должно быть твердое, какъ камень, и не будетъ плавать.

— Это случается иногда. Нѣкоторыя изъ этихъ деревьевъ превратились въ настоящій антрацитъ; но другіе, какъ напримѣръ вотъ эти, находятся лишь въ началѣ процесса окаменѣнія. Вотъ посмотри!

При этихъ словахъ дядя бросилъ одинъ изъ драгоцѣнныхъ кусковъ дерева въ море.

Сначала кусокъ дерева погрузился въ воду, но потомъ снова показался на поверхности и сталъ качаться на волнахъ.

— Ну что, видишь?—спросилъ дядя.

— Я убѣжденъ, хотя все это продолжаетъ казаться мнѣ невѣроятнымъ?

На слѣдующій день вечеромъ, благодаря искусству проводника, плотъ былъ готовъ. Онъ былъ въ пять футовъ шириною. Бревна ископаемаго дерева были связаны крѣпкими веревками, и плотъ казался очень прочнымъ. Когда его спустили, онъ спокойно поплылъ по морю Лиденброка.

XXXII.

13-го августа мы встали рано утромъ, такъ какъ рѣшено было продолжать путь новымъ легкимъ способомъ.

Такелажъ состоялъ изъ мачты, сдѣланной изъ двухъ брусьевъ, реи и паруса, при чемъ послѣдній былъ сдѣланъ изъ одѣяла. Веревокъ у насъ было мало. Все было прочно.

Въ шесть часовъ профессоръ отдалъ приказъ отваливать. Съѣстные припасы, багажъ, инструменты, оружіе, достаточный запасъ прѣсной воды были уже нагружены.

Гансъ приспособилъ руль, который позволялъ ему управлять плотомъ. Рулить взялся онъ самъ. Я отвязалъ канатъ, которымъ былъ привязанъ паромъ, мы подняли парусъ и отвалили отъ берега.

Когда мы выходили изъ маленькаго порта, дядя, любившій давать названія мѣстностямъ, предложилъ назвать гавань моимъ именемъ.

— Я предложилъ бы вамъ, дядя, другое.

— Чье?

— Имя Граубенъ. «Портъ Граубенъ» — это будетъ очень красиво на географической картѣ.

— Пусть будетъ Портъ Граубенъ.

Такимъ образомъ наша экспедиція была связана съ воспоминаніемъ о хорошенькой Граубенъ.

Вѣтеръ дулъ съ нордъ-оста, попутный, и мы шли очень быстро. Плотные слои воздуха сильно вздували парусъ.

Черезъ часъ дядя могъ уже опредѣлить скорость нашего хода.

— Если мы все время будемъ идти съ такою быстротою, — сказалъ онъ, — въ сутки мы пройдемъ тридцать миль и очень скоро достигнемъ противоположнаго берега.

Я ничего не отвѣтилъ и сѣлъ на передней части плота. На сѣверѣ береговая полоса уже начинала уходить въ даль. Двѣ косы, казалось, раскрывали объятія, какъ бы для того, чтобы облегчить намъ плаваніе. Необъятное море простиралось передъ нами. Огромныя облака бросали на его поверхность тяжелую сѣроватую тѣнь. Серебристые лучи электрическаго свѣта, отражаемые каплями воды, казались блестящими точками на краяхъ нашего парома. Скоро мы потеряли изъ вида

землю, глазъ нигдѣ не находилъ точки опоры и, если бы не пѣнистый кормовой слѣдъ, оставляемый плотомъ, можно было бы подумать, что мы стоимъ на одномъ мѣстѣ.

Около полудня на поверхности волнъ показались огромныя водоросли. Я имѣлъ уже представленіе о растительной силѣ этихъ ползучихъ растеній, растущихъ на глубинѣ двѣнадцати тысячъ футовъ и болѣе, размножающихся подъ давленіемъ въ четыреста атмосферъ и образующихъ иногда цѣлыя отмели, препятствующія плаванію кораблей. Но никто, вѣроятно, не видывалъ такихъ исполинскихъ водорослей, какъ водоросли Леденброкова моря.

Нашъ плотъ шелъ мимо фикусовъ, имѣющихъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ миль длины и похожихъ на огромныхъ змѣй. Я слѣдилъ взглядомъ за ихъ безконечными изгибами, ожидая, когда же, наконецъ, ихъ не будетъ, но водоросли тянулись цѣлыми часами, обманывая мои ожиданія и удивляя меня.

Какая сила природы создала эти растенія! Какою должна была представляться земля въ первые вѣка своего существованія, если, подъ вліяніемъ тепла и влаги, растительное царство само собою развивалось на ея поверхности!

День уже клонился къ вечеру, а между тѣмъ воздухъ, какъ я это замѣтилъ уже наканунѣ, не утрачивалъ своей лучезарности. Это было постоянное явленіе, на которое можно было разсчитывать.

Послѣ ужина я растянулся у основанія мачты и заснулъ сладкимъ, полнымъ грезъ сномъ.

Гансъ сидѣлъ у руля неподвижный. Впрочемъ плотъ шелъ съ попутнымъ вѣтромъ и управлять имъ почти не приходилось.

Со времени выхода изъ Порта Граубенъ профессоръ Лиденброкъ поручилъ мнѣ вести шканечный журналъ, отмѣчать всѣ наблюдаемыя интересныя явленія природы, направленіе вѣтра, скорость, съ которою мы идемъ, пройденное разстояніе, словомъ, всѣ событія этого необыкновеннаго плаванія.

Итакъ, для большей точности описанія нашего плаванія, я приведу здѣсь свои ежедневныя записи составленныя, такъ сказать, подъ диктовку событій.

Пятница 14-го августа. — Дуетъ ровный нордъ-остъ. Паромъ идетъ быстро по прямой линіи. Берегъ остался въ тридцати миляхъ подъ вѣтромъ. На горизонтѣ ничего не видно.

свѣтъ все такъ же интенсивенъ. Погода хорошая; прозрачныя серебристыя облака парятъ высоко.

Температура: $+32°$ по стоградусному термометру.

Въ полдень Гансъ привязалъ къ веревкѣ удочный крючокъ, нацѣпивъ въ видѣ приманки маленькій кусочекъ мяса, и закинулъ въ море. Въ теченіе двухъ часовъ онъ ничего не поймалъ. Мы уже думали, что воды эти—необитаемы. Однако, нѣтъ. Толчокъ, и Гансъ вытащилъ изъ воды сильно бившуюся рыбу.

— Рыба!—воскликнулъ дядя.

— Это осетръ!—сказалъ я.—Небольшой осетръ.

Профессоръ внимательно посмотрѣлъ на рыбу и не раздѣлилъ моего мнѣнія. У этой рыбы плоская, закругленная голова, а передняя часть тѣла покрыта крѣпкими чешуйками. У нея нѣтъ во рту зубовъ. Довольно развитые грудные плавники прикрѣплены къ безхвостому тѣлу. Животное это принадлежитъ къ отряду, къ которому натуралисты относятъ осетра, но оно имѣетъ нѣкоторыя существенныя отличія.

Дядя не ошибся. Осмотрѣвъ рыбу, онъ сказалъ:

— Рыба эта принадлежитъ къ исчезнувшему уже нѣсколько столѣтій семейству, ископаемые остатки котораго находятъ въ девонской формаціи.

— Неужели намъ удалось поймать живой экземпляръ этихъ обитателей первобытныхъ морей?—спросилъ я.

— Да,—отвѣчалъ профессоръ, продолжая наблюдать,—и ты видишь, что эти ископаемыя рыбы не имѣютъ ничего общаго съ современными видами. Поймать живую рыбу этого вида—большое счастье для натуралиста.

— Къ какому семейству принадлежитъ она?

— Къ отряду ганоидныхъ, семейству головоногихъ, роду...

— Какому?

— Рыба эта очень похожа на птерикса, но у нея есть особенность, свойственная рыбамъ, водящимся въ подземныхъ водахъ.

— Какая?

— Она—слѣпая.

— Слѣпая?

— Не только слѣпая, но у нея даже вовсе нѣтъ органа зрѣнія.

Я посмотрѣлъ. Дядя былъ правъ. Но это могла быть простая случайность. И вотъ мы снова нацѣпили на крючокъ приманку и закинули удочку. Вѣроятно, этотъ океанъ кишитъ рыбами, потому что въ два часа мы поймали множество птериксовъ и другихъ рыбъ. Всѣ онѣ не имѣютъ глазъ. Благодаря этой неожиданной рыбной ловлѣ, намъ удалось пополнить свои запасы.

Итакъ, намъ удалось установить, что въ этомъ морѣ встрѣчаются лишь древніе, нынѣ исчезнувшіе на землѣ, виды рыбъ и пресмыкающихся.

Можетъ быть, мы встрѣтимъ также тѣхъ ящерныхъ животныхъ, которыхъ наукѣ съ трудомъ удалось возстановить по остаткамъ костей и хрящей.

Я взялъ подзорную трубу и осмотрѣлъ море. Оно совершенно пустынно. Должно быть, мы еще слишкомъ близко отъ берега.

Я осматриваю также воздушное пространство. Почему бы птицамъ, возсозданнымъ безсмертнымъ Кювье, не рѣять въ этихъ тяжелыхъ слояхъ воздуха? Рыбы здѣсь достаточно. Птицы были бы обезпечены пищей. Я смотрю въ пространство, но воздухъ такъ же необитаемъ, какъ побережье.

Дивныя гипотезы палеонтологіи плѣняютъ, однако, мое воображеніе. Мнѣ грезятся странные сны на яву. На поверхности водъ чудятся мнѣ огромныя допотопныя черепахи, похожія на плавающіе островки. Кажется мнѣ, что по прибрежной полосѣ проходятъ исполинскія млекопитающія первыхъ дней жизни вселенной. Исполинскій тапиръ прячется за скалами и хочетъ отнять добычу у анаплотерія, страннаго животнаго, похожаго на носорога, лошадь, гиппопотама и верблюда, словно Творецъ, спѣша въ первые часы мірозданія, соединилъ въ немъ одномъ нѣсколько животныхъ. Гигантъ мастодонтъ размахиваетъ хоботомъ и ломаетъ своими клыками прибрежныя скалы, а мегатерій, согнувшись на своихъ огромныхъ лапахъ, роетъ землю и будитъ своимъ ревомъ звучное горное эхо. Выше скачетъ по деревьямъ первобытная обезьяна. Еще выше птеродактиль, допотопная ящерица съ перепончатыми лапками, порхаетъ, какъ летучая мышь, по сгущенному воздуху. Наконецъ, въ послѣднихъ слояхъ огромныя птицы, болѣе могучія, чѣмъ кизуаръ, болѣе крупныя, чѣмъ страусъ раскрываютъ свои широкія крылья и ударяются головою о гранитный сводъ.

Весь міръ ископаемыхъ существъ воскресъ въ моемъ воображеніи. Я мысленно возвращаюсь къ той библейской эпохѣ мірозданія, когда человѣка еще не было, а земля была еще слишкомъ не устроена, чтобы принять его. Мысль моя уносится ко времени, когда еще не было живыхъ существъ. Исчезаютъ млекопитающія, потомъ птицы, за ними пресмыкающіяся вторичной эпохи, наконецъ, даже рыбы, ракообразныя, моллюски и суставчатыя животныя. Зоофиты переходнаго періода исчезаютъ также. На всей землѣ нѣтъ живого существа, кромѣ меня, и во всемъ пустынномъ мірѣ бьется одно мое сердце. Нѣтъ больше ни временъ года, ни поясовъ; собственная теплота земного шара увеличивается и нейтрализуетъ солнечную теплоту. Растительность произростаетъ съ необычайною силою. Какъ тѣнь прохожу я среди древовидныхъ папортниковъ по кейперскому и пестрому песчанику, прислоняюсь къ стволу исполинскихъ шишконосныхъ деревьевъ, ложусь въ тѣни каламитовъ и плауновъ въ сто футовъ вышиною.

Вѣка пролетаютъ, какъ дни. Я уношусь мечтою еще въ болѣе отдаленную эпоху жизни земли. Исчезаютъ самыя растенія. Гранитныя скалы расплавляются. Подъ вліяніемъ сильнаго жара всѣ вещества изъ твердаго переходятъ въ жидкое состояніе. Поверхность земли покрыта кипящею и улетучивающеюся въ видѣ паровъ водою. Земля, вся окутанная парами, сама мало-по-малу превращается въ красновато бѣловатую, блестящую, какъ солнце, и равную ему по величинѣ массу газовъ.

И вотъ я уношусь въ планетное пространство вмѣстѣ съ этою туманностью, которая въ тысячу четыреста разъ больше современнаго земного шара. Тѣло мое все преображается, дѣлается прекраснымъ и, какъ невѣсомый атомъ, сливается съ этими парами, которые совершаютъ свой огненный путь въ безконечномъ пространствѣ.

Что это за сонъ? Куда это я унесся мечтою? Я весь какъ въ лихорадкѣ записываю эти странныя подробности. Я забылъ обо всемъ реальномъ, о профессорѣ, проводникѣ и плотѣ. Я галлюцинирую...

— Что съ тобою?—спросилъ дядя.

Я смотрю на него, но ничего не вижу

— Берегись, Аксель, ты упадешь въ море!

Въ то же время я чувствую, какъ меня обхватила сильная рука Ганса. Еслибы не онъ, опьяненный странными грезами, я бросился бы въ волны.

— Уже не сошелъ ли онъ съ ума? — воскликнулъ профессоръ.

— Что такое?—говорю я, наконецъ, очнувшись.

— Ты боленъ?

— Нѣтъ. Я просто галлюцинировалъ. Все обстоитъ благополучно?

— Да, вѣтеръ попутный, море не бурное, и мы идемъ такъ быстро, что должно быть скоро подойдемъ къ противоположному берегу.

Я встаю, смотрю на горизонтъ, но земли не вижу: на горизонтѣ вода попрежнему сливается съ облаками.

XXXIII.

Суббота 15-го августа.—Море все такъ же однообразно. Земли попрежнему не видно. Горизонтъ словно отодвинулся.

Должно быть вслѣдствіе галлюцинацій, у меня еще болитъ голова.

Дядя, хотя и не грезилъ,—тоже въ дурномъ расположеніи духа. Онъ осмотрѣлъ въ подзорную трубу все необъятное пространство и съ досадой скрестилъ руки.

Я замѣчаю, что профессоръ Лиденброкъ сталъ опять такъ же нетерпѣливъ, какъ въ былыя времена, и записываю въ дневникѣ это свое наблюденіе. Моя болѣзнь, опасность, которой я подвергался, сдѣлали его болѣе мягкимъ и человѣчнымъ, но лишь на время. Съ тѣхъ поръ, какъ я поправился, природный характеръ взялъ въ немъ верхъ. Не понимаю, однако, почему онъ сердится. Вѣдь путешествіе наше идетъ своимъ чередомъ вполнѣ благополучно, плотъ идетъ изумительно быстро.

— Вы чѣмъ то озабочены, дядя? — спрашиваю я, видя, что онъ то и дѣло смотритъ въ зрительную трубку.

— Озабоченъ? Нѣтъ.

— Ну, такъ вы просто нетерпѣливы.

— На то есть уважительныя причины!

— Мы подвигаемся, однако, довольно быстро.

— Не въ этомъ дѣло! Скорость тутъ не причемъ, а вотъ море слишкомъ велико!

Я вспомнилъ, что когда мы выходили въ море, профессоръ разсчитывалъ, что длина подземелья не превышаетъ тридцати миль. Между тѣмъ мы прошли въ три раза большее разстояніе, а южнаго берега еще не было видно.

— Мы не спускаемся вглубь земного шара!—продолжалъ профессоръ.—Мы только теряемъ напрасно время. Вѣдь я же не для того сюда пришелъ, чтобы прогуляться по пруду въ лодкѣ!

Онъ называетъ наше плаваніе прогулкою въ лодкѣ, а это море—прудомъ!

— Но вѣдь мы идемъ указаннымъ Сакнуссемомъ путемъ...— возразилъ я.

— Это еще неизвѣстно! Богъ знаетъ, встрѣтилъ ли Сакнуссемъ на дорогѣ это водное пространство и переправлялся ли онъ черезъ него. Можетъ быть, мы напрасно слѣдовали по теченію ручья: мы могли заблудиться.

— Во всякомъ случаѣ намъ нечего раскаиваться въ томъ, что пришли сюда. Это дивное зрѣлище чего-нибудь да стоитъ, и...

— Я не затѣмъ шелъ сюда. Я задался цѣлью и хочу достигнуть ея! Нечего говорить мнѣ о красотѣ вида!

Я замолчалъ и предоставилъ профессору мучиться и казниться. Въ шесть часовъ вечера Гансъ потребовалъ получки, и дядя отсчиталъ ему причитающіеся ему шесть риксдалей.

Воскресенье 16-го августа.—Ничего новаго не случилось. Погода стоитъ прежняя. Только вѣтеръ свѣжѣетъ. Просыпаясь, я каждый день констатирую, что свѣтъ по прежнему интесивенъ. Я все боюсь, чтобы это электрическое явленіе не померкло, или не угасло совсѣмъ. Однако, до сихъ поръ все обстоитъ благополучно. На поверхности воды отчетливо обрисовывается тѣнь плота.

О, какое безконечное море! Шириною оно пожалуй, не меньше Средиземнаго.

Нѣсколько разъ дядя пробовалъ измѣрять глубину, привязавъ къ веревкѣ самую тяжелую кирку и разматывая веревку на двѣ сажени, но дна не досталъ. Намъ съ трудомъ удается вытащить лотъ.

Когда мы вытащили кирку изъ воды, Гансъ показалъ мнѣ на ней какіе то слѣды: словно какія то два необычайно твердыхъ тѣла сжали желѣзо.

Я вопросительно посмотрѣлъ на охотника.

— «Fänder»,—сказалъ онъ.

Не понявъ значенія слова, я обратился къ дядѣ, который погрузился въ размышленія. Мнѣ не хотѣлось безпокоить его и я снова обратился къ исландцу. Тотъ нѣсколько разъ разжалъ и снова стиснулъ зубы, стараясь объяснить мнѣ мимикой.

— Зубы!—сказалъ я, внимательно осматривая желѣзную кирку.

Въ самомъ дѣлѣ на металлѣ остался слѣдъ зубовъ! Какою же силою должны обладать челюсти, въ которыхъ сидятъ такіе зубы! Ужъ не одно ли это изъ тѣхъ чудовищъ, которыя плаваютъ глубоко подъ водою и болѣе прожорливы, чѣмъ акула, страшнѣе, чѣмъ китъ. Я долго смотрѣлъ на полуизгрызанную желѣзную кирку. Неужели то, что снилось мнѣ въ прошлую ночь осуществится на яву?

Мысли эти цѣлый день не даютъ мнѣ покоя и только послѣ того, какъ я заснулъ на нѣсколько часовъ, воображеніе мое успокоилось.

Понедѣльникъ 17-го августа.—Я стараюсь припомнить особенности допотопныхъ животныхъ вторичной эпохи, появившихся вслѣдъ за моллюсками, ракообразными и рыбами, предшествовавшими появленію млекопитающихъ на земномъ шарѣ. То было царство пресмыкающихся. Этими чудовищами кишѣли юрскія моря *). Природа наградила ихъ совершенною организаціей. Какое мощное строеніе! Какая чудовищная сила! Современныя ящерицы, аллигаторы или крокодилы, какъ бы они ни были велики, даютъ лишь слабое представленіе о своихъ первобытныхъ предкахъ.

Я содрогаюсь при одномъ воспоминаніи объ этихъ чудовищахъ. Ни одинъ человѣкъ не видѣлъ ихъ живыми. Они существовали на землѣ за тысячу лѣтъ до появленія человѣка, но людямъ удалось реставрировать ихъ исполинскіе скелеты

*) Моря вторичной эпохи, образовавшія формаціи, изъ которыхъ состоятъ горы Юры.

изъ исключенныхъ частей, которыя найдены въ глинистомъ или твердомъ известнякѣ.

Я видѣлъ нѣкогда въ Гамбургскомъ музеѣ скелетъ одного ящеричнаго животнаго въ тридцать футовъ длины. Неужели мнѣ, сыну земли, суждено встрѣтиться съ живыми представителями допотопнаго семейства? Нѣтъ, этого не можетъ быть. Между тѣмъ вотъ на этой желѣзной мотыгѣ ясно виденъ слѣдъ конусообразныхъ зубовъ, похожихъ на зубы крокодила.

Въ ужасѣ я озираюсь на море, опасаясь, что вотъ-вотъ изъ подводныхъ пещеръ выплыветъ страшное чудовище.

Кажется та же мысль пришла и профессору Лиденброку, потому что, осмотрѣвъ кирку, онъ, какъ и я, бросаетъ взглядъ на поверхность океана.

— И надо было ему измѣрять глубину!—мысленно ворчу я.—Навѣрно онъ разбудилъ какое-нибудь морское чудовище, спавшее въ своей норѣ, и теперь оно можетъ напасть на насъ.

Я осматриваю имѣющееся у насъ въ запасѣ оружіе и убѣждаюсь, что оно въ исправности. Дядя замѣтилъ эту предосторожность и жестомъ одобрилъ ее.

Вотъ поверхность воды уже взволновалась подъ вліяніемъ волненія нижнихъ слоевъ. Опасность близка. Будемъ на сторожѣ!

Вторникъ, 18-го августа.—Уже вечерѣетъ. Правильнѣе, впрочемъ, сказать, что сонъ смежаетъ очи, такъ какъ надъ этимъ океаномъ никогда не смеркается; вѣчный свѣтъ утомляетъ зрѣніе, какъ если бы мы путешествовали по арктическимъ морямъ. Гансъ сидѣлъ у руля. Я пользуюсь тѣмъ, что не моя очередь быть на вахтѣ, и засыпаю.

Два часа спустя я просыпаюсь отъ сильнаго толчка. Какая то необъяснимая сила подняла нашъ плотъ надъ водою и отбросила на двадцать саженъ.

— Что это?—вскричалъ дядя.—На что это мы наткнулись?

Гансъ указываетъ пальцемъ на какую то черную то выплывающую изъ воды, то погружающуюся массу въ двухъ стахъ саженъ отъ плота.

— Это исполинская морская свинья!—воскликнулъ я.

— Да,—отвѣчалъ дядя.—А вотъ еще и морская ящерица необыкновенныхъ размѣровъ.

— А дальше чудовищной величины крокодилъ! Взгляните только на эту огромную челюсть, вооруженную рядами зубовъ. Ахъ, онъ исчезъ подъ водою!

— Китъ, китъ!—закричалъ профессоръ. — Я вижу его плавники и фонтаны, которые онъ выбрасываетъ изъ своихъ водометныхъ отверстій.

Въ самомъ дѣлѣ надъ поверхностью моря бьютъ два столба воды. Окружающее насъ стадо морскихъ чудовищъ пугаетъ и поражаетъ насъ. Они страшно велики; самое маленькое изъ нихъ могло бы уничтожить нашъ плотъ однимъ ударомъ зуба. Гансъ хочетъ повернуть плотъ такъ, чтобы уйти изъ этого опаснаго сосѣдства, но и на другой сторонѣ насъ осаждаютъ такіе же страшные враги: черепаха въ сорокъ футовъ ширины и тридцатифутовая змѣя, поднявшая надъ водою свою огромную голову.

Спасенія нѣтъ. Гады приближаются, быстро плаваютъ, описывая концентрическіе круги вокругъ плота. Я схватилъ винтовку. Но, Боже мой! что значитъ пуля для этихъ покрытыхъ бронею животныхъ?

Мы молчимъ, боясь не только крикнуть—вздохнуть. Вотъ они уже близко. Съ одной стороны крокодилъ, съ другой—змѣя. Остальныя чудовища куда то исчезли. Я хочу выстрѣлить, но Гансъ знакомъ удерживаетъ меня. Змѣя и крокодилъ бросаются другъ на друга въ пятидесяти саженяхъ отъ плота и въ бѣшеной схваткѣ не замѣчаютъ насъ.

Въ ста саженяхъ отъ плота происходитъ поединокъ. Мы видимъ малѣйшія подробности боя.

Но вотъ мнѣ кажется, что и другія животныя, морская свинья, китъ, ящерица, черепаха принимаютъ участіе въ сраженіи. Фигуры ихъ поминутно мелькаютъ передо мною. Я показываю ихъ исландцу, но тотъ только отрицательно покачиваетъ головою.

— Тvа,—произноситъ онъ.

— Что это, онъ увѣряетъ, что ихъ только двое?..

— И онъ правъ,—возражаетъ дядя, не отрываясь отъ зрительной трубки.

— Да что вы?

— Да, только у одного изъ чудовищъ — морда морской свиньи, голова ящерицы и зубы крокодила; это и вводитъ

насъ въ заблужденіе. Это самое страшное изъ допотопныхъ пресмыкающихся—ихтіозавръ.

— А другое?

— Другое — змѣя, прячущаяся подъ щитомъ черепахи, это непримиримый врагъ перваго животнаго—плезіозавръ.

Гансъ не ошибся. Поверхность моря взбаламучена лишь двумя чудовищами. Передо мною два пресмыкающихся первобытныхъ морей. Я вижу налившійся кровью глазъ ихтіозавра величиною съ человѣческую голову. Природа надѣлила животное зрительнымъ органомъ страшной силы, способнымъ выдержать давленіе слоевъ воды на страшной глубинѣ, гдѣ оно живетъ... Его справедливо называютъ ящерицей-китомъ, потому что размѣрами и быстротой движенія онъ очень похожъ на кита. Этотъ ихтіозавръ имѣетъ не менѣе ста футовъ въ длину; о величинѣ его я могу судить въ моменты, когда онъ бьетъ по водѣ плавниками своего хвоста. У него огромныя челюсти, въ которыхъ, по словамъ натуралистовъ, не менѣе ста восьмидесяти двухъ зубовъ.

Плезіозавръ круглымъ туловищемъ своимъ и короткимъ хвостомъ похожъ на змѣю, но у него есть расположенныя въ видѣ веселъ лапы. Все тѣло его покрыто щитомъ, а шея, гибкая, какъ у лебедя, поднимается на тридцать футовъ надъ водою.

Животныя сразились въ бѣшеной схваткѣ. Они взволновали море до самаго плота. Разъ двадцать подвергались мы опасности потерпѣть крушеніе. Слышатся пронзительный свистъ. Животныя сплелись тѣлами такъ, что ихъ трудно отличить другъ отъ друга. То изъ нихъ, которое одержитъ побѣду въ ярости можетъ погубить и насъ.

Прошелъ часъ, два часа. Борьба продолжается съ тѣмъ же ожесточеніемъ. Борющіяся то приближаются къ плоту, то удаляются отъ него. Мы же застыли, неподвижные, держа ружья на готовѣ.

Вдругъ ихтіозавръ и плезіозавръ исчезаютъ въ пучинѣ волнъ. Должно быть поединокъ кончится на днѣ морскомъ?

Но вотъ на поверхности показывается огромная голова плезіозавра. Чудовище смертельно ранено. Я уже не вижу болѣе его огромнаго щита, только длинная шея его то согнется, то вытянется, то бьетъ по волнамъ, то изовьется, какъ

изрѣзанный въ куски червь. Далеко разлетаются брызги. Они ослѣпляютъ насъ. Но вотъ агонія кончилась. Движенія пресмыкающагося постепенно ослабѣли, судороги прекратились и, наконецъ, длинное тѣло змѣи вытянулось безжизненною массою на утихшей поверхности водъ.

А что сталось съ ихтіозавромъ? Ушелъ ли онъ въ свое подводное логовище, или снова появится на поверхности моря?

XXXIV.

Среда 19-го августа. — Къ счастью, сильный вѣтеръ быстро унесъ насъ отъ мѣста ужаснаго поединка. Гансъ попрежнему сидитъ на рулѣ. Дядя, заинтересовавшійся картиной сраженія, снова съ нетерпѣніемъ сталъ смотрѣть на горизонтъ.

Путешествіе снова идетъ однообразнымъ чередомъ; но я предпочитаю такое однообразіе вчерашней опасности.

Четвергъ 20-го августа.—Дуетъ порывистый нордъ-остъ. Тепло. Мы дѣлаемъ по три съ половиною мили въ часъ.

Около полудня послышался отдаленный шумъ.

Я только отмѣчаю фактъ, не зная, чѣмъ объяснить его. Это какой то непрерывный ревъ.

— Гдѣ то по близости есть должно быть утесъ или островокъ, о который разбиваются волны,—сказалъ профессоръ.

Гансъ взобрался на вершину мачты, но не увидѣлъ никакого рифа. Далеко до самаго горизонта растилается гладкая поверхность моря.

Прошло три часа. Повидимому, это слышенъ шумъ отдаленнаго водопада.

Я высказываю это предложеніе дядѣ, но онъ только головою качаетъ. Между тѣмъ я почти увѣренъ, что не ошибаюсь. А что, если мы идемъ прямо къ водопаду, который низвергнетъ насъ въ бездну? Можетъ быть, это и понравится профессору. потому что онъ такимъ образомъ приблизится къ центру земли что касается меня...

Во всякомъ случаѣ въ нѣсколькихъ миляхъ подъ вѣтромъ происходитъ что нибудь необычайное, потому что ревъ становится все сильнѣе. Откуда доносится онъ? съ облаковъ ли, съ океана ли?

Я смотрю на покрытое облаками воздушное пространство. Небо спокойно. Неподвижныя облака поднялись подъ своды и сливаются въ лучезарномъ свѣтѣ. Значитъ, надо искать причину феномена не тамъ.

Я взглянулъ на чистый безоблачный горизонтъ. Онъ не измѣнился. Но если это шумъ водопада, если весь океанъ впадаетъ въ бассейнъ, расположенный ниже, если ревъ этотъ происходитъ отъ воды, теченіе по мѣрѣ приближенія должно дѣлаться быстрѣе и по этому признаку можно судить о степени угрожающей намъ опасности. Я бросаю въ воду пустую бутылку—она остается подъ вѣтромъ. Теченія почти нѣтъ.

Въ четыре часа Гансъ встаетъ и влѣзаетъ на самую вершину мачты. Онъ долго смотритъ на часть моря, по которой намъ предстоитъ идти, наконецъ взглядъ его останавливается на одной точкѣ.

— Онъ увидѣлъ что-то,—говоритъ дядя.

— Кажется.

— Гансъ спускается съ мачты, протягиваетъ руку по направленію къ югу и говоритъ.

— «Der mere!»

— Тамъ?—спрашиваетъ дядя и, взявъ подзорную трубку, внимательно смотритъ. Эта минута кажется мнѣ вѣчностью.

— Да, да!—восклицаетъ онъ.

— Что вы видите?

— Огромный бьющій надъ водою фонтанъ.

— Что же это какое нибудь морское животное?

— Можетъ быть.

— Ну такъ повернемъ на западъ: мы уже знаемъ, что значитъ встрѣча съ этими допотопными чудовищами!

— Не надо,—отвѣчаетъ дядя.

Я смотрю на Ганса: онъ невозмутимо продолжаетъ рулить въ прежнемъ направленіи.

Можно себѣ представить, какихъ размѣровъ должно быть животное, если бьющій изъ его водометныхъ отверстій фонтанъ видѣнъ на разстояніи двѣнадцати миль! Самое элементарное понятіе объ осторожности должно было бы побудить насъ бѣжать отъ этого чудовища. Но осторожность не въ нашихъ правилахъ.

Итакъ, мы идемъ впередъ. Фонтанъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ нему. Какое животное можетъ

вдохнуть въ себя такую массу воды и безъ перерыва выпускать ее?

Въ восемь часовъ вечера мы всего въ двухъ миляхъ отъ него. Чудовищно огромное, черноватое тѣло его простирается въ морѣ, какъ островокъ. У страха глаза велики,—ужъ не подъ вліяніемъ ли этого чувства животное кажется мнѣ въ тысячу саженъ длиною! Что это за китообразное, о которомъ не снилось ни Кювье, ни Блюменбаху? Оно неподвижно; должно быть спитъ. Море, кажется, не можетъ поднять его, и волны лишь омываютъ его бока. Фонтанъ бьетъ на пятьсотъ футовъ въ вышину и падаетъ съ оглушительнымъ шумомъ. Какъ безумные, стремимся мы прямо къ этому могучему чудовищу, которое могло бы поглотить сотню китовъ въ день.

Мною овладѣваетъ ужасъ. Я отказываюсь идти дальше. Если нужно я обрѣжу гордель паруса. Я возмущаюсь противъ профессора, но онъ не отвѣчаетъ мнѣ.

Вдругъ Гансъ встаетъ и, показывая пальцемъ на грозное чудовище, говоритъ:

— «Holme!»

— Островъ!—восклицаетъ дядя.

— Островъ!—повторяю я, пожимая плечами.

— Очевидно,—со смѣхомъ отвѣчаетъ профессоръ.

— А этотъ фонтанъ!

— «Geyser! говоритъ Гансъ.

— Конечно же гейзеръ,—подтверждаетъ дядя.—Такой же гейзеръ, какіе встрѣчаются въ Исландіи!

Мнѣ стыдно признаваться, что я ошибся. Какая грубая ошибка принять островокъ за морское чудовище! Но дѣлать нечего, я долженъ признаться, что ошибся. Передъ нами обыкновенное явленіе природы.

Фонтанъ принимаетъ все болѣе грандіозные размѣры по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ нему. Островокъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательно похожъ на огромнаго кита, поднявшаго голову на десять саженъ надъ водою. На окраинѣ его величественно бьетъ гейзеръ или «гейзиръ», какъ произносятъ исландцы, что означаетъ «ярость». По временамъ раздаются глухіе раскаты и огромный снопъ воды, придя въ неистовство, съ новою силою взвивается до нижняго слоя облаковъ. Гейзеръ — одинъ. По близости нѣтъ ни фумаролъ, ни горячихъ

ключей, и вся вулканическая сила сосредоточивается въ немъ одномъ. Электрическіе лучи, падая на этотъ водяной столбъ, освѣщаютъ его, и каждая капля переливаетъ всѣми цвѣтами радуги.

— Пристанемъ къ берегу,—говоритъ профессоръ.

Надо, однако, стараться не попасть подъ этотъ водяной смерчъ, который въ одинъ мигъ можетъ потопить плотъ. Гансъ ловко управляетъ плотомъ и ведетъ его къ окраинѣ островка.

Я выскакиваю на утесъ, дядя съ легкостью слѣдуетъ за мною, а охотникъ, какъ человѣкъ ничему не удивляющійся, спокойно остается на своемъ мѣстѣ.

Мы идемъ по чередующемуся кремнистымъ туфомъ граниту. Горячая почва вздрагиваетъ подъ ногами, словно огромный кипящій котелъ. Вотъ мы у небольшого центральнаго бассейна, изъ котораго бьетъ гейзеръ. Я опускаю въ воду термометръ: онъ показываетъ сто шестьдесятъ три градуса.

Такимъ образомъ, вода эта вытекаетъ изъ горячаго очага. Это странно противорѣчитъ теоріямъ профессора Лиденброка. Я не могу удержаться, чтобы не замѣтить ему этого.

— Какимъ же образомъ это противорѣчитъ моему ученію?— возражаетъ онъ.

— Никакимъ,—сухо отвѣчаю я, видя что противъ такого упрямства ничего не подѣлаешь.

Долженъ, однако, признаться, что до сихъ поръ путешествіе наше протекаетъ вполнѣ благопріятно и что, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, температура все время держится нормальная. Я увѣренъ все же, что рано или поздно мы придемъ въ области, гдѣ центральная теплота достигаетъ крайнихъ предѣловъ и превышаетъ всѣ измѣренія термометра.

Поживемъ—увидимъ. Это я говорю словами профессора, который, назвавъ островъ въ честь своего племянника, даетъ сигналъ трогаться въ путь.

Еще нѣсколько минутъ я любуюсь гейзеромъ. Я замѣчаю въ немъ нѣкоторую неправильность: онъ бьетъ то слабѣе, то съ новою силою, должно быть въ зависимости отъ давленія скопившихся въ резервуарѣ паровъ.

Мы обходимъ крутые утесы южной части острова. Гансъ воспользовался остановкой, чтобы починить плотъ.

Передъ тѣмъ, какъ снова выйти въ море, я соображаю, какое разстояніе мы прошли и отмѣчаю въ своемъ дневникѣ. Мы прошли двѣсти семьдесятъ миль отъ Порта Граубенъ и находимся въ шести стахъ двадцати миляхъ отъ Исландіи, подъ Англіей.

XXXV.

Пятница 21-го августа.—На слѣдующій день великолѣпный гейзеръ исчезъ. Вѣтеръ сталъ свѣжѣе и быстро относитъ насъ отъ островка Акселя. Мало-по-малу утихъ и ревъ.

Предстоитъ, кажется, перемѣна погоды, если можно такъ выразиться. Воздухъ насыщенъ парами, которые поглощаютъ образовавшееся изъ соленыхъ водъ электричество; тяжелыя облака опускаются все ниже и ниже и принимаютъ однообразный оливковый оттѣнокъ; электрическіе лучи съ трудомъ пронизываютъ непрозрачную завѣсу театра, на которомъ вотъ вотъ разыграется драма бурь.

Мною овладѣваетъ то угнетенное состояніе, какое охватываетъ всякое живое существо передъ наступленіемъ катаклизма. Собравшіяся на югѣ «кучевыя облака» *) имѣютъ зловѣщій видъ. Это тотъ «безпощадный» видъ, который мнѣ часто случалось наблюдать передъ началомъ бури. Паритъ. Море спокойно.

Вдали облака похожи на большіе безпорядочно сбившіеся въ кучу мотки хлопка. Мало-по-малу они надуваются, дѣлаются больше и въ то же время малочисленнѣе. Они такъ тяжелы, что не могутъ подняться надъ горизонтомъ. Но подъ вліяніемъ верхнихъ теченій воздуха они сливаются въ одну темную, грозную массу. Иногда еще освѣщенный клубъ пара отрывается отъ этого сѣраго ковра и исчезаетъ въ непрозрачной массѣ.

Вся атмосфера, очевидно, насыщена влагой, я весь пропитанъ ею, волосы встаютъ дыбомъ у меня на головѣ, какъ при приближеніи къ электрической машинѣ. Мнѣ кажется, что еслибы мои спутники подошли ко мнѣ, онѣ получили бы сильный толчокъ.

Въ десять часовъ утра близость грозы дѣлается все очевиднѣе. Вѣтеръ затихъ, какъ будто для того, чтобы запастись новою силою. Тучи нависли, какъ необъятный мѣхъ, въ которомъ скапливаются ураганы.

---

*) Облака кру лыхъ очертанія

Мнѣ не хочется вѣрить угрозамъ неба, однако, я замѣчаю, что въ воздухѣ пахнетъ грозою.

Профессоръ не отвѣчаетъ на мое замѣчаніе. Настроеніе у него убійственное. Его сердитъ, что морю не видно конца. Въ отвѣтъ на мои слова онъ только плечами пожимаетъ.

— Будетъ гроза,—говорю я, показывая на горизонтъ.— Тяжелыя тучи такъ нависли надъ моремъ, что вотъ, вотъ раздавятъ его!

Всюду царитъ тишина. Полное безвѣтріе. Природа точно замерла, не дышитъ. Вотъ на вершинѣ мачты засвѣтился огонекъ Св. Эльма. Парусъ повисъ тяжелыми складками. Посреди тяжелаго соннаго моря неподвижно стоитъ нашъ плотъ. Если мы вовсе не подвигаемся, къ чему намъ этотъ парусъ? Вѣдь при малѣйшемъ шквалѣ онъ можетъ погубить насъ.

— Закрѣпимъ паруса и снимемъ мачту, — совѣтую я. — Этого требуетъ осторожность.

— Нѣтъ, чортъ побери, нѣтъ! — кричитъ дядя. — Пусть лучше вѣтеръ умчитъ насъ, пусть насъ унесетъ буря, но я хочу, наконецъ, видѣть берегъ, хотя бы нашъ плотъ разлетѣлся въ тысячу кусковъ, ударившись о его скалы.

Не успѣлъ онъ кончить этой фразы, какъ на югѣ произошла внезапная перемѣна. Сгущенные пары пролились дождемъ, а воздухъ, устремившись въ образовавшееся на мѣстѣ паровъ пустое пространство обратился въ ураганъ. Изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ пещеры начался притокъ воздуха. Стало темно.

Плотъ такъ и пляшетъ, такъ и вздымается. Дядя растянулся во весь ростъ. Я подползаю къ нему. Онъ крѣпко ухватился за канатъ и, повидимому, съ наслажденіемъ смотритъ на разбушевавшіяся стихіи.

Гансъ неподвиженъ. Вѣтеръ треплетъ его длинные волосы, причемъ на концѣ каждой пряди засвѣтились огоньки. Это придаетъ ему странный видъ. Лицо его напоминаетъ маску допотопнаго человѣка, современника ихтіозавровъ и мегатеріевъ.

Однако, мачта противится вѣтру. Паруса наполнились такъ, что вотъ, вотъ лопнутъ. Плотъ мчится со страшною быстротою, но все же не такъ быстро, какъ падаютъ подъ прямымъ угломъ эти водяныя капли.

— Парусъ! парусъ!—говорю я, жестомъ показывая, чтобы его спустили.

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ дядя.

— «Nej»,—повторяетъ Гансъ, тихо качая головою.

Дождь шумитъ, какъ водопадъ, тамъ на горизонтѣ, куда мы стремимся, какъ безумные. Мы еще не домчались до этого мѣста, какъ облачная завѣса передъ нами разорвалась, море закипѣло, а электричество, образующееся въ верхнихъ слояхъ путемъ грандiознаго химическаго процесса, стало производить самые неожиданные эффекты. Вслѣдъ за зигзагами молнiи гремитъ громъ. Зигзаги молнiи перекрещиваются. Пары раскалились. Градины, падающiя на наше оружiе, инструменты свѣтятся. На гребнѣ каждой волны появляется огонекъ, такъ что волны кажутся огнедышущими холмами. Весь этотъ свѣтъ ослѣпляетъ. Грохотъ и раскаты грома оглушаютъ меня. Я держусь за мачту, а она гнется, какъ тростникъ подъ напоромъ урагана...

. . . .

(Съ этого времени мои путевыя замѣтки становятся неполными. Я записалъ почти машинально лишь нѣкоторыя мимолетныя впечатлѣнiя. Но несмотря на свою краткость и нѣкоторую туманность, онѣ являются вѣрнымъ выраженiемъ моего настроенiя и даютъ точную картину моего положенiя).

. . . .

Воскресенье, 23-го августа.—Гдѣ мы? Мы несемся куда-то съ страшною быстротою.

Мы провели ужасную ночь. Буря не утихаетъ. Мы живемъ среди цѣлаго мiра звуковъ и раскатовъ. Изъ ушей у насъ течетъ кровь. Разговаривать невозможно.

Молнiи не перестаютъ сверкать. Я вижу возвратныя молнiи: спустившись внизъ, онѣ снова поднимаются и ударяются о гранитный сводъ. А что, если сводъ обрушится? Другiя молнiи раздѣляются вилообразно, или принимаютъ форму огненныхъ шаровъ и взрываются, какъ бомбы. Общiй гулъ и грохотъ не усиливается отъ этого: онъ уже перешелъ всѣ границы доступнаго человѣческому слуху и теперь, если бы взорвались

заразъ пороховые склады всего міра, мы не услышали бы болѣе сильнаго шума.

Облака постоянно разряжаются; ихъ молекулы непрерывно выдѣляютъ электричество. Очевидно, газовые элементы воздуха измѣнились. Безчисленные водяные столбы поднимаются, чтобы, пѣнясь, снова низвергнуться.

Куда мы стремимся?.. Дядя лежитъ, растянувшись во весь свой ростъ, на краю плота.

Становится жарко. Смотрю на градусникъ; онъ показываетъ... цифры не видно...

Понедѣльникъ, 24-го августа. — Этому конца не будетъ! Да и въ самомъ дѣлѣ, почему бы этой сгущенной атмосферѣ, измѣнившейся разъ, не остаться въ этомъ состояніи навсегда?

Мы страшно утомлены. Только Гансъ такой же, какъ всегда. Плотъ попрежнему держитъ курсъ на юго-востокъ. Мы отошли отъ островка Акселя на двѣсти съ лишнимъ миль.

Въ полдень ураганъ усиливается. Мы крѣпко привязываемъ также и самихъ себя. Волны перекатываются черезъ наши головы.

Вотъ уже три дня, какъ мы лишены возможности разговаривать. Раскроешь ротъ, шевелишь губами, а звука не слышно. Не слышно словъ даже и тогда, когда мы кричимъ другъ другу надъ самымъ ухомъ.

Дядя приблизился ко мнѣ и что-то произнесъ. Мнѣ кажется, что онъ сказалъ: «Мы погибли», но я не увѣренъ.

Тогда я пишу ему слѣдующія слова:

«Спустимъ паруса».

Онъ киваетъ головою въ знакъ согласія.

Не успѣлъ онъ поднять опущенную голову, какъ вдругъ откуда ни возьмись на краю плота появился огненный дискъ. И мачта, и парусъ мигомъ сорвались и взвились высоко, высоко, какъ фантастическій птеродактиль первыхъ вѣковъ.

Мы застыли отъ ужаса. На половину бѣлый, на половину синеватый шаръ, величиною съ двѣнадцати-дюймовую бомбу быстро вращается, проходитъ по плоту, вскакиваетъ на мѣшокъ со съѣстными припасами, прыгаетъ, пролетаетъ вплотную мимо ящика съ порохомъ. О, Боже! Мы взлетимъ на воздухъ! Нѣтъ! Огненный шаръ удалился. Вотъ онъ около Ганса, который смотритъ на него въ упоръ, около дяди, который бросается на колѣни, чтобы не коснуться его; теперь онъ совсѣмъ близко

отъ меня. Я дрожу, ослѣпленный его свѣтомъ и опаленный его жаромъ. Вотъ онъ вертится у моей ноги. Я хочу отдернуть ногу и не могу.

Въ воздухѣ пахнетъ азотистымъ газомъ. Газъ этотъ проникаетъ въ горло, въ легкія. Мы задыхаемся.

Отчего это я не могу отвести ногу? Вѣдь не прикована же она къ плоту! Ахъ, вотъ оно что! Электрическій шаръ, падая, намагнитилъ все, что было на плоту желѣзнаго: инструменты, орудія, вооруженіе, все это двигается, сталкивается съ рѣзкимъ звономъ. Гвозди моихъ сапогъ плотно прилипли къ желѣзной полоскѣ, соединяющей бревна плота. Вотъ почему я не могу отвести ноги!

Сдѣлавъ отчаянное усиліе, я, наконецъ, отдергиваю ногу въ тотъ самый моментъ, когда шаръ чуть не коснулся ея въ своемъ вращательномъ движеніи и чуть не увлекъ меня... . .

Что за ослѣпительный свѣтъ! Шаръ лопнулъ! Насъ всѣхъ обрызгало пламенемъ!

Потомъ огонь погасъ такъ же внезапно, какъ появился. Я только успѣлъ разглядѣть, что дядя лежитъ на плоту, вытянувшись во весь ростъ, а Гансъ попрежнему сидитъ у руля и, весь пронизанный электричествомъ, «выплевываетъ пламя»!

Куда идемъ мы? Куда стремимся?

. . . .

Вторникъ, 25-го августа.—Я очнулся отъ продолжительнаго обморока. Гроза не перестала. Молніи съ яростью устремляются, какъ стая выпущенныхъ въ воздухъ змѣй.

Неужели мы все еще въ морѣ? Да, и стремимся куда-то съ страшною быстротою. Мы прошли уже подъ Англіей, Ламаншемъ, Франціей, можетъ быть даже Европой.

Чу! опять какой-то шумъ! Это, кажется, шумъ прибоя Волны разбиваются о скалы!.. Въ такомъ случаѣ...

. . . .

. . . .

XXXVI

На этомъ обрывается моя «шканечная книга», которую мнѣ, къ счастью, удалось спасти во время крушенія. Теперь я буду продолжать свой разсказъ.

Не сумѣю сказать, что произошло послѣ того, какъ плотъ нашъ ударился о рифы. Меня отбросило въ волны, и если я не погибъ, если не разбился объ острые утесы, то лишь благодаря Гансу, который своими сильными руками вытащилъ меня изъ бездны.

Отважный исландецъ вынесъ меня изъ волнъ и положилъ на горячій песокъ, гдѣ я очутился рядомъ съ дядей.

Потомъ Гансъ вернулся къ утесамъ, о которые бѣшено разбивались волны, чтобы спасти хоть какіе-нибудь остатки плота и того, что на немъ было. Я не могъ говорить. Усталость и волненіе истощили меня. Только черезъ часъ я нѣсколько пришелъ въ себя.

Дождь лилъ, не переставая, даже съ новою силою, возвѣщая близкій конецъ грозы. Мы укрылись отъ ливня подъ нависшими кое-гдѣ утесами. Гансъ приготовилъ намъ поѣсть, но я не дотронулся до ѣды и всѣ мы, измученные тремя безсонными ночами, заснули тяжелымъ и больнымъ сномъ.

На слѣдующій день стояла чудная погода. Небо и море успокоилось. Бури какъ не бывало. Когда я проснулся, дядя весело привѣтствовалъ меня.

— Ну, другъ мой,—воскликнулъ онъ,—какъ ты почивалъ?

Точь въ точь какъ будто мы живемъ въ домикѣ на Кенигштрассе, а я спокойно пришелъ со своей верхушки къ завтраку внизъ, и въ этотъ же день состоится моя свадьба съ бѣдняжкой Граубенъ.

Увы! если буря отбросила насъ на востокъ, мы прошли подъ Германіей и находимся можетъ быть подъ моимъ милымъ Гамбургомъ, подъ улицею, на которой живетъ та, которая для меня дороже всего на свѣтѣ. И тогда насъ раздѣляютъ лишь сорокъ миль! Но сорокъ миль въ вертикальномъ направленіи, гранитная стѣна въ сорокъ миль, а на самомъ дѣлѣ надо пройти свыше тысячи миль!

Всѣ эти печальныя мысли быстро пронеслись у меня въ головѣ раньше, чѣмъ я успѣлъ отвѣтить дядѣ.

— Ахъ! такъ ты не хочешь сказать мнѣ, хорошо ли ты спалъ?

— Отлично!—отвѣчалъ я.—Я еще утомленъ немного, но не бѣда.

— Конечно, пустяки! Ты немного усталъ.

— Вы, кажется, въ хорошемъ настроеніи сегодня, дядя?

— Я въ восторгѣ, другъ мой, въ восторгѣ! Мы прибыли

— На мѣсто назначенія?

— Нѣтъ, но добрались до берега этого нескончаемаго моря. Теперь мы пойдемъ уже по сушѣ и проникнемъ къ центру земли.

— Позвольте, дядя, задать вамъ вопросъ.

— Пожалуйста, Аксель.

— Что вы думаете насчетъ возвращенія?

— Мы еще не дошли до цѣли, а ты уже думаешь о возвращеніи!

— Нѣтъ, я только хочу знать, какимъ образомъ оно послѣдуетъ.

— Очень просто. Дойдемъ до центра сфероида, а тамъ найдемъ новую дорогу, которая приведетъ насъ на поверхность. Вернемся мы самымъ мѣщанскимъ способомъ такъ же, какъ пришли. Надѣюсь, что путь за нами не закроется.

— Тогда придется починить плотъ.

— Непремѣнно.

— А какъ на счетъ съѣстныхъ припасовъ? Достаточно ли ихъ осталось для такого путешествія?

— Вполнѣ. Гансъ ловкій малый, и я увѣренъ, что онъ съумѣлъ спасти большую часть груза. А, впрочемъ, пойдемъ, посмотримъ сами.

Мы вышли изъ пещеры, въ которую со всѣхъ сторонъ дулъ вѣтеръ. Я и надѣялся, и въ то же время боялся: мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы на разбившемся плоту уцѣлѣли припасы. Я ошибся. Когда мы вышли къ берегу, я увидѣлъ Ганса посреди массы разложенныхъ имъ вещей. Дядя съ благодарностью пожалъ ему руку. Пока мы спали этотъ преданный человѣкъ работалъ и съ опасностью жизни спасъ наиболѣе цѣнныя вещи.

Конечно, дѣло не обошлось безъ потерь. Такъ, мы потеряли, напримѣръ, свое оружіе. Но безъ него еще можно было жить. Порохъ, чуть было не взорвавшійся во время бури, остался въ цѣлости.

— Ну, что же!—воскликнулъ профессоръ.—Нѣтъ ружей, и не станемъ охотиться.

— А инструменты?

— Манометръ спасенъ, а это самый цѣнный для насъ, за него я отдалъ бы всѣ другіе. При помощи его я могу измѣрить глубину и знать, когда мы достигнемъ центра. Безъ него мы рисковали бы пройти дальше и выйти у антиподовъ!

Такія шутки показались мнѣ жестокими.

— А гдѣ мой компасъ?—спросилъ я.

— Вотъ на этой скалѣ. Онъ цѣлъ и невредимъ такъ же, какъ хронометры и термометры. Нашъ охотникъ прелестный человѣкъ!

Этого нельзя было не признать. Всѣ инструменты оказались на лицо. Все было цѣло. Кромѣ того, на пескѣ валялись и орудія, лѣстницы, веревки, кирки, ломы и пр.

Оставалось, освѣдомиться о съѣстныхъ припасахъ.

— А съѣстные припасы?—спросилъ я.

— Посмотримъ что съ припасами,—отвѣчалъ дядя.

Ящики съ продовольствіемъ лежали тоже въ сохранности на берегу. Море не поглотило ихъ,—и сухарей, солонины, вяленой рыбы, можжевеловой водки намъ могло хватить на четыре мѣсяца.

— Четыре мѣсяца!—воскликнулъ профессоръ.—За это время мы успѣемъ дойти до мѣста назначенія и вернуться. Я еще устрою изъ остатковъ нашей провизіи великолѣпный обѣдъ для своихъ товарищей по Іоганнеуму!

Давно пора было бы привыкнуть къ дядиному характеру, а между тѣмъ я все еще удивлялся его выходкамъ.

— А теперь,—сказалъ онъ,—пополнимъ свой запасъ прѣсной воды дождевою водою, которая скопилась во всѣхъ углубленіяхъ гранита, и тогда намъ нечего будетъ бояться жажды. Что же касается плота, хотя я и не думаю, чтобы онъ намъ понадобился, я попрошу Ганса починить его.

— Какъ это не понадобится?—воскликнулъ я.

— На этотъ счетъ у меня свои разсчеты! Я думаю, что мы выйдемъ на поверхность земли не тамъ, гдѣ вошли въ ея нѣдра.

Я недовѣрчиво посмотрѣлъ на профессора. «Ужъ не сошелъ ли онъ съума», думалъ я. Между тѣмъ, говоря это, «онъ не подозрѣвалъ, какъ онъ близокъ къ истинѣ».

— Пора завтракать,—сказалъ онъ.

Онъ еще ранѣе распорядился, чтобы Гансъ приготовилъ все. Мы отправились къ высокому мысу, гдѣ были приготовлены

сушеное мясо, сухари и чай. Кажется, никогда еще не ѣлъ я съ такимъ аппетитомъ. Воздухъ, спокойствіе послѣ волненій, все это придавало аппетита.

За завтракомъ я спросилъ дядю, гдѣ мы находимся.

— Мнѣ кажется, что это трудно разсчитать,—сказалъ я.

— Разсчитать, конечно, трудно, даже невозможно, потому что за эти три дня, пока продолжалась буря, я не могъ дать себѣ отчета о направленіи и быстротѣ хода плота. Но опредѣлить приблизительно можно.

— Въ послѣдній разъ мы опредѣляли положеніе плота у островка съ гейзеромъ.

— У острова Акселя, другъ мой. Не отклоняй отъ себя счастья, которое выпало на твою долю—дать твое имя первому открытію въ нѣдрахъ земли.

— Пусть будетъ по вашему! До острова Акселя мы прошли моремъ двѣсти семьдесятъ миль и находились всего въ шестистахъ миль отъ Исландіи.

— Отлично! Оттуда и начнемъ свои счеты. Въ теченіе четырехъ дней бури мы проходили никакъ не меньше восьмидесяти миль въ сутки.

— Я тоже думаю. Это составитъ триста миль.

— Да, а море Лиденброка имѣетъ, значитъ, около шести сотъ миль въ ширину! Знаешь, Аксель, вѣдь въ такомъ случаѣ оно не меньше Средиземнаго моря!

— Да, особенно, если мы перешли его въ ширину!

— А это очень возможно!

— И какое странное совпаденіе,—замѣтилъ я,—если наши вычисленія вѣрны, Средиземное море находится теперь надъ нами

— Неужели?

— Непремѣнно, потому что мы отошли на девятьсотъ миль отъ Рейкіавика!

— Порядочная дистанція, другъ мой. Однако сказать, что мы находимся подъ Средиземнымъ моремъ, а не подъ Турціею или Атлантическимъ океаномъ, можно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы мы могли навѣрное знать, что не отклонились отъ первоначальнаго направленія.

— Этого не могло случиться. Вѣтеръ дулъ все время одинъ и тотъ же. Я думаю, что этотъ берегъ расположенъ на юго-востокъ отъ Порта Граубенъ.

— Это легко провѣрить по компасу.

Профессоръ пошелъ къ скалѣ, на которой Гансъ разложилъ инструменты. Онъ былъ чрезвычайно веселъ и потиралъ руки отъ удовольствія. Онъ шелъ походкой молодого человѣка. Я послѣдовалъ за нимъ, любопытствуя узнать, ошибся ли я въ своихъ предположеніяхъ.

Когда мы подошли къ скалѣ, дядя взялъ компасъ поставилъ его горизонтально и сталъ наблюдать за стрѣлкой, которая поколебалась сначала, но потомъ подъ вліяніемъ магнита остановилась.

Дядя посмотрѣлъ, протеръ глаза, посмотрѣлъ еще разъ. Наконецъ, онъ обернулся ко мнѣ, чѣмъ то пораженный.

— Что случилось?—спросилъ я.

Онъ знакомъ показалъ мнѣ на инструментъ. У меня вырвался крикъ удивленія. Стрѣлка указывала сѣверъ тамъ, гдѣ мы предполагали югъ. Вмѣсто того, чтобы обращаться къ морю, она обращалась къ берегу.

Я потрясъ компасъ, осмотрѣлъ его. Онъ былъ въ исправности. Какое бы положеніе ни придавали мы стрѣлкѣ, она упрямо обращалась все въ томъ же направленіи.

Такимъ образомъ, повидимому, вѣтеръ неожиданно перемѣнилъ направленіе во время бури и незамѣтно для насъ прибилъ плотъ къ берегамъ, которые мы оставили за собою.

XXXVII.

Невозможно передать всѣ чувства, которыя послѣдовательно волновали профессора Лиденброка: удивленіе смѣнилось недовѣріемъ и, наконецъ, гнѣвомъ. Никогда не приходилось мнѣ видѣть болѣе разочарованнаго въ началѣ, болѣе раздраженнаго въ концѣ человѣка. Всѣ трудности плаванія, всѣ пережитыя опасности придется пережить вторично! Вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ мы возвращались вспять!

Но дядя быстро овладѣлъ собою.

— Судьба сыграла со мною злую шутку!—воскликнулъ онъ.—Стихіи въ заговорѣ противъ меня: воздухъ, огонь, вода соединились, чтобы помѣшать мнѣ. Ну, такъ я же покажу, что значитъ моя воля! Я не уступлю, и посмотримъ, кто окажется сильнѣе—человѣкъ или природа!

Оттонъ Лиденброкъ, грозный, гнѣвный, стоялъ на скалѣ, какъ суровый Аяксъ, бросающій вызовъ богамъ. Я счелъ однако своевременнымъ охладить это безумное неистовство.

— Послушайте,—сказалъ я съ твердостью,—всякому честолюбію есть предѣлы. Нельзя бороться съ невозможностью. У насъ нѣтъ порядочнаго судна для путешествія моремъ. Нельзя пройти пятьсотъ миль на плоту изъ плохо сколоченныхъ бревенъ, съ одѣяломъ, натянутымъ вмѣсто паруса, съ палкой вмѣсто мачты, при сильныхъ противныхъ вѣтрахъ. Управлять плотомъ мы не можемъ. Мы—игрушка бури. Предпринять вторично это плаваніе было бы безуміемъ!

Цѣлыхъ десять минутъ излагалъ я подобные неопровержимые доводы. Профессоръ не прерывалъ меня, но случилось это единственно потому, что онъ меня не слушалъ.

— На плотъ!—скомандовалъ онъ.

Таковъ былъ отвѣтъ. Напрасно я умолялъ, выходилъ изъ себя,—я встрѣтилъ отпоръ, твердый, какъ гранитъ, отпоръ.

Между тѣмъ Гансъ уже успѣлъ починить плотъ. Это странное существо, казалось, угадывало планы дяди. Нѣсколькими кусками полуобгорѣлаго дерева онъ поправилъ наше судно. На немъ уже поднятъ былъ парусъ, и вѣтеръ трепалъ его складки.

Профессоръ сказалъ проводнику нѣсколько словъ, и тотъ немедленно принялся грузить нашъ багажъ и приготовляться къ плаванію. Воздухъ былъ довольно прозрачный, дулъ сильный нордъ-вестъ.

Что могъ я подѣлать одинъ противъ двоихъ. Бороться было немыслимо. Еслибы хоть Гансъ взялъ мою сторону. Не тутъ то было. Исландецъ, казалось, не имѣлъ никакой личной воли, онъ былъ весь самоотверженіемъ. Отъ такого покорнаго слуги своего господина ждать было нечего. Оставалось идти впередъ.

Я уже собирался сѣсть на свое обычное мѣсто на плоту, но дядя знакомъ остановилъ меня.

— Мы отбудемъ лишь завтра,—сказалъ онъ.

Я сдѣлалъ жестъ человѣка, который на все готовъ.

— Я не хочу ничѣмъ пренебрегать,—замѣтилъ онъ;—судьба забросила меня на этотъ берегъ, и я изслѣдую его.

Дѣло въ томъ, что мы вернулись на сѣверное побережье моря, но не на то же мѣсто, откуда вышли. Портъ Граубенъ, должно быть, находился на западѣ. Поэтому намѣреніе дяди

осмотрѣть окрестности новой стоянки было вполнѣ благоразумно.

— Пойдемъ осматривать мѣстность!—согласился я.

Оставивъ Ганса за работой, мы отправились на развѣдки. Между наносною землею и контръ-форсами было довольно большое пространство. Отъ берега до скалъ было полдня пути. Мы наступали на безчисленныя раковинки всѣхъ формъ и величинъ—въ нихъ когда то жили животныя первыхъ эпохъ. Попадались иногда и огромные щиты, иногда свыше пятнадцати футовъ въ діаметрѣ. Онѣ принадлежали нѣкогда исполинскимъ глиптодонамъ пліоценоваго періода, лишь слабымъ воспроизведеніемъ которыхъ является современная черепаха. Кромѣ того, почва была усыпана камнями, закругленными въ волнахъ валунами. Изъ этого можно было заключить, что въ прежнія времена море доходило до этого мѣста. Вода оставила также несомнѣнные слѣды на разсѣянныхъ тамъ и сямъ утесахъ.

Это отчасти объясняло и самое существованіе океана въ сорока миляхъ подъ землею. Мнѣ казалось однако, что вода должна была мало-по-малу всасываться въ нѣдра земли, уходить; происходила же она, по всей вѣроятности, отъ водъ океана, которыя просачиваются какою-нибудь трещиною. Слѣдовало, впрочемъ, допустить, что въ настоящее время эта трещина закрылась; въ противномъ случаѣ вся эта пещера, или, лучше сказать, весь этотъ огромный резервуаръ наполнился бы въ очень короткое время. Можетъ быть, часть воды, вслѣдствіе подземнаго жара, испарилась. Этимъ путемъ образовались облака, нависшія надъ нашею головою, этимъ же объясняется происхожденіе электричества, производящаго грозы въ нѣдрахъ земли.

Такое объясненіе явленій природы, которыя мы только что наблюдали, казалось мнѣ вполнѣ правдоподобнымъ. Каковы бы ни были чудеса природы, ихъ почти всегда можно объяснить законами физики.

Итакъ, мы шли по осадочной почвѣ, образовавшейся изъ растворенныхъ и осѣвшихъ веществъ, какъ и всѣ почвенныя широко распространенныя на поверхности земли породы этого періода. Профессоръ внимательно осматривалъ каждую скважину скалъ. Онъ измѣрялъ глубину каждаго отверстія.

Мы прошли милю вдоль побережья Лиденброкова моря, когда почва внезапно измѣнилась. Она казалась потрясенной

какимъ то переворотомъ, выбросившимъ на поверхность внутренніе пласты. Во многихъ мѣстахъ холмы и углубленія являлись явнымъ признакомъ перемѣщенія горныхъ породъ.

Мы шли съ большимъ трудомъ по осколкамъ гранита смѣшаннаго съ кварцемъ, кремнемъ и аллювіальными осадками, какъ вдругъ передъ нами открылось усѣянное костями поле. Оно напоминало огромное кладбище, на которомъ смѣшался прахъ поколѣній двадцати вѣковъ. Вдали возвышались цѣлыя высокія груды костей. Эти холмы тянулись далеко и терялись въ смутномъ туманѣ горизонта. Здѣсь на пространствѣ какихъ-нибудь трехъ квадратныхъ миль запечатлѣлась вся исторія жизни животныхъ; тогда какъ на почвѣ еще новыхъ земель населеннаго міра едва появились ея первыя начертанія.

Мы заинтересовывались все больше и больше. У насъ подъ ногами хрустѣли останки доисторическихъ животныхъ и ископаемыя окаменѣлости, за честь обладанія которыми спорятъ между собою музеи большихъ городовъ. Жизни многихъ Кювье не хватило бы для реставраціи скелетовъ органическихъ существъ, покоящихся на этомъ величественномъ кладбищѣ.

Я былъ пораженъ. Дядя воздѣлъ руки къ замѣнявшему намъ небо своду. Широко открытый ротъ, глаза мечущіе молніи изъ-за очковъ, трясущаяся голова, вся его фигура выражали безграничное удивленіе. Мы стояли передъ цѣнной колекціей мегатеріевъ, мастодонтовъ, первобытныхъ обезьянъ и птеродактилей, всѣхъ этихъ допотопныхъ чудовищъ, нагроможденныхъ здѣсь, казалось, спеціально для того, чтобы доставить удовольствіе ученому. Представьте себѣ страстнаго библіомана, котораго вдругъ перенесли бы въ знаменитую Александрійскую библіотеку, сожженную Омаромъ и чудомъ возродившуюся изъ пепла. Въ такомъ положеніи находился мой дядя профессоръ Лиденброкъ.

Но удивленіе его достигло еще большихъ размѣровъ, когда, проходя по усѣянному костями полю, онъ поднялъ черепъ.

— Аксель! Аксель! голова человѣка! — воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Человѣческая голова, дядя!—повторилъ я, пораженный не менѣе его.

— Да, племянничекъ! О, Мильнъ - Эдуардсъ, Катрфажъ, зачѣмъ васъ нѣтъ здѣсь, гдѣ нахожусь я, Огтонъ Лиденброкъ!

XXXVIII.

Чтобы понять это воззваніе моего дяди къ знаменитымъ французскимъ ученымъ, надо знать, что незадолго до нашего отъѣзда въ палеонтологіи произошелъ важный переворотъ.

28-го марта 1863 г. землекопы, работавшіе подъ наблюденіемъ г. Буше де-Перта въ каменоломняхъ Муленъ-Киньона, близъ Аббевилля, въ Сомскомъ департаментѣ во Франціи, нашли на глубинѣ четырнадцати футовъ подъ землею человѣческую челюсть. То было первое ископаемое этого рода, извлеченное на свѣтъ Божій. Неподалеку отъ него нашли каменные топоры, отточенные кремни, покрытые отъ времени однообразною мѣдною окисью.

Слухъ объ этомъ открытіи облетѣлъ не только Францію, но и Англію, и Германію. Нѣсколько ученыхъ, членовъ французскаго археологическаго института, между прочимъ и гг. Мильнъ-Эдуардсъ и Катрфажъ, приняли это дѣло близко къ сердцу, доказывая неоспоримую подлинность найденной кости, и сдѣлались горячими защитниками въ «процессѣ о челюсти», какъ его назвали англичане.

Къ геологамъ Соединенныхъ Штатовъ, Фальконеру, Беску, Карпентеру, также повѣрившимъ достовѣрности находки, присоединились германскіе ученые и среди нихъ самый страстный и увлекающійся, мой дядя Лиденброкъ.

Подлинность ископаемаго человѣка четверичной эпохи казалась вполнѣ доказанной и признанной.

Система эта нашла, однако, противника въ лицѣ г. Эліи де-Бомона. Этотъ пользующійся большимъ авторитетомъ ученый утверждалъ, что почва Муленъ-Киньона принадлежитъ не къ дилювіальной, а къ гораздо менѣе древней формаціи и, вмѣстѣ съ Кювье, не допускалъ, чтобы родъ человѣческій могъ существовать одновременно съ животными четверичной эпохи. Дядя Лиденброкъ, имѣя на своей сторонѣ большинство геологовъ, стоялъ на своемъ, спорилъ, вступалъ въ пренія и убѣдилъ, наконецъ, почти всѣхъ оппонентовъ, исключая Эліи де Бомона.

Все это дѣло было извѣстно намъ во всѣхъ подробностяхъ, но мы не знали, что со времени нашего отъѣзда вопросъ по-

лучилъ дальнѣйшее развитіе. Въ рыхлой и сѣрой землѣ нѣкоторыхъ пещеръ Франціи, Швейцаріи, Бельгіи нашли однородныя челюсти, хотя принадлежащія къ разнымъ типамъ и національностямъ, а съ ними вмѣстѣ оружіе, утварь, орудія, кости дѣтей, подростковъ, взрослыхъ и стариковъ. Существованіе человѣка въ четверичную эпоху подтверждалось съ каждымъ днемъ.

Но это еще не все. Новыя раскопки пліоценовой формаціи третичной эпохи позволили наиболѣе смѣлымъ ученымъ заявить, что человѣческій родъ существовалъ уже и тогда. Правда, извлеченныя во время этихъ раскопокъ остатки были не человѣческія кости, а только предметы обихода первобытнаго человѣка большеберцовыя и бедряныя кости ископаемыхъ животныхъ, правильно отточенныя и съ ясными слѣдами обработки руками человѣка.

Такимъ образомъ, восходя по лѣстницѣ многихъ столѣтій, человѣкъ оказался предшественникомъ мастодонта, современникомъ «elophas meridionalis» и жилъ сто тысячъ лѣтъ тому назадъ, такъ какъ это срокъ, къ которому наиболѣе извѣстные геологи относятъ образованіе пліоценовой формаціи.

Въ такомъ положеніи находилось въ то время палеонтологія; оно вполнѣ объясняетъ нашу радость при открытіи груды костей на берегу Лиденброкова моря. Читатель пойметъ удивленіе и радость моего дяди, когда онъ нашелъ шагахъ въ двадцати отъ этой груды костей часть скелета человѣка четверичной эпохи.

Не знаю, было ли причиною тому особенное свойство почвы, подобное свойству земли кладбища св. Михаила въ Бордо, только это человѣческое тѣло прекрасно сохранилось. Трупъ лежалъ передъ нами, какъ живой: съ пожелтѣвшею, какъ пергаментъ кожею, еще гибкими, по крайней мѣрѣ на видъ, членами, съ уцѣлѣвшими зубами, съ густыми волосами, съ страшно длинными ногтями на рукахъ и ногахъ.

Я стоялъ въ нѣмомъ недоумѣніи передъ этимъ представителемъ отдаленныхъ вѣковъ. Дядя, обыкновенно такой словоохотливый и рѣчистый, тоже молчалъ. Мы подняли изсохшій трупъ, поставили его. Онъ смотрѣлъ на насъ своими пустыми орбитами.

Наконецъ, профессоръ взялъ верхъ надъ человѣкомъ. Оттонъ Лиденброкъ, съ свойственнымъ его темпераменту увлеченіемъ,

забылъ, при какихъ обстоятельствахъ совершалось наше путешествіе, забылъ, что мы находимся въ подземной пещерѣ. Вѣроятно, ему представилось, что онъ въ своей аудиторіи въ Іоганнеумѣ, потому что онъ тономъ профессора обратился къ воображаемымъ слушателямъ съ слѣдующей рѣчью:

— Господа,—началъ онъ,—честь имѣю представить вамъ человѣка четверичной эпохи. Одни великіе ученые отвергали возможность его существованія, другіе утверждали противное. Еслибы невѣрящіе палеонтологи были здѣсь, они, какъ св. Ѳома, могли бы убѣдиться, дотронувшись до него пальцемъ. Они сознали бы свою ошибку. Знаю, что наука должна относиться къ подобнаго рода открытіямъ очень осторожно. Мнѣ извѣстно, какъ Барнумы и другіе шарлатаны той же марки эксплоатировали довѣрчивыхъ людей, показывая имъ ископаемыхъ людей. Я помню исторію съ колѣнной чашкой Аякса, найденнымъ якобы спартанцами тѣломъ Ореста, трупомъ Астерія, длиною въ десять локтей, о которомъ говоритъ Павзаній. Я читалъ докладныя записки Трапани по поводу найденнаго въ XIV вѣкѣ скелета, въ которомъ думали признать Полифема, и исторію открытаго въ XVI столѣтіи въ окрестностяхъ Палермо великана. Вамъ, конечно, извѣстенъ такъ же хорошо, какъ и мнѣ, господа, анализъ исполинскаго скелета, извлеченнаго въ 1577 г. близъ Люцерна и принадлежавшаго, по мнѣнію извѣстнаго врача Феликса Платера, гиганту девятнадцати футовъ роста. Я не прочелъ, а проглотилъ трактаты Кассаніона и всѣ записки, брошюры, рѣчи и возраженія, появившіяся въ печати по поводу вопроса о скелетѣ Тевтобоха, короля кимвровъ, побѣдившаго галловъ, извлеченнаго въ 1613 г. изъ песочной копи въ Дофинэ. Въ XVIII вѣкѣ я вмѣстѣ съ Пьеромъ Кампэ выступилъ противъ теоріи о преадамитахъ Шейхцера. У меня въ рукахъ было сочиненіе, озаглавленное «Гиганс...»

Тутъ далъ себя знать недостатокъ произношенія дяди, который не могъ произносить передъ аудиторіей трудныхъ словъ.

— Сочиненіе озаглавленное «Гиганс...»—повторилъ онъ.

Дальше онъ не могъ ничего сказать.

— «Гигантео»...

Никакъ не удается! Злосчастное слово не выходило изъ устъ! То-то бы посмѣялись въ Іоганнеумѣ!

— Гигантостеологія,—выговорилъ, наконецъ, профессоръ Лиденброкъ между двухъ проклятій.

Потомъ онъ продолжалъ съ новымъ оживленіемъ:

— Да, господа, я знаю все это! Вѣдаю и то, что Кювье и Блюменбахъ признали эти кости просто за кости мамонта и другихъ животныхъ четверичной эпохи. Но здѣсь всякое сомнѣніе можно было бы счесть за оскорбленіе науки. Трупъ здѣсь на лицо! Вы можете осмотрѣть, ощупать его! Это не скелетъ, а цѣлое тѣло, сохранившееся какъ бы единственно въ цѣляхъ антропологіи.

Я не сталъ противорѣчить профессору.

— Еслибы я могъ обмыть его въ растворѣ сѣрной кислоты,—сказалъ дядя,—я удалилъ бы всѣ земляныя частицы и эти блестящія раковинки, которыя впились въ него. Но у меня нѣтъ драгоцѣннаго раствора. Но и такое, какое оно есть, тѣло это повѣдаетъ намъ свою исторію.

Профессоръ схватилъ ископаемый трупъ и началъ распоряжаться имъ съ быстротою человѣка, показывающаго публикѣ рѣдкости.

— Посмотрите, ростомъ онъ не выше шести футовъ, ему далеко до предполагаемыхъ великановъ. Онъ безспорно принадлежитъ къ кавказской расѣ, т. е. нашей бѣлой расѣ. Черепъ ископаемаго человѣка правильно овальной формы, скулы и нижняя челюсть не выдаются и не отличаются чрезмѣрнымъ развитіемъ. Въ немъ нѣтъ ни одной черты прогнотизма, видоизмѣняющаго лицевой уголъ *). Измѣрьте этотъ уголъ, и вы увидите, что онъ имѣетъ почти девяносто градусовъ. Но я пойду дальше въ своихъ выводахъ. Смѣю утверждать, что этотъ человѣкъ принадлежалъ къ арійскому племени, распространенному отъ Индіи до границъ западной Европы. Не улыбайтесь, милостивые государи!

Никто и не думалъ улыбаться, но профессоръ ужъ очень привыкъ видѣть улыбающіяся лица во время своихъ ученыхъ разсужденій.

---

*) Лицевой уголъ образуется двумя плоскостями; первая—болѣе или менѣе вертикальна и касается лба и переднихъ зубовъ, другая—проходитъ черезъ отверстіе слуховыхъ проходовъ и нижній носовой отростокъ кости. Въ антропологіи прогнатизмомъ называется проекція челюсти, измѣняющая лицевой уголъ.

— Да, — продолжалъ онъ съ жаромъ, — это ископаемый человѣкъ, современникъ мастодонтовъ, костями которыхъ покрытъ этотъ амфитеатръ. Но какимъ образомъ попалъ онъ сюда, какъ могли соскользнуть въ эту огромную пещеру слои въ которыхъ онъ былъ погребенъ, этого я сказать не сумѣю. Вѣроятно, въ четверичную эпоху въ земной корѣ еще происходили значительныя перемѣщенія породъ. Остывая, земной шаръ давалъ трещины, щели, провалы, въ которые и обваливалась часть верхнихъ пластовъ почвы. Я не утверждаю, но, по моему, человѣкъ этотъ, окруженный своими подѣлками, топорами, отточенными кремнями, относящимися къ каменному вѣку,—доподлинно древняго происхожденія, если только онъ не забрелъ сюда въ качествѣ такого же туриста и піонера науки, какъ я.

Профессоръ замолчалъ, а я покрылъ его рѣчь восторженнымъ рукоплесканіемъ. Впрочемъ, дядя былъ правъ и люди, болѣе свѣдущіе въ научныхъ вопросахъ, чѣмъ его племянникъ, не нашлись бы возразить ему.

Кромѣ того, это окаменѣлое тѣло было не единственнымъ въ этомъ огромномъ костехранилищѣ. На каждомъ шагу мы встрѣчали все новыя тѣла, и дядя могъ выбрать любое изъ нихъ для того, чтобы убѣдить невѣрующихъ.

Поистинѣ поразительное зрѣлище представляло это кладбище цѣлыхъ поколѣній людей и животныхъ. Но мы не могли рѣшить одного важнаго вопроса. Провалились ли на берега моря Ладенброка всѣ эти существа во время какого-нибудь обвала или землетрясенія и притомъ—будучи уже мертвыми; или же они жили въ этомъ подземномъ мірѣ, родились и умирали подъ этимъ искусственнымъ небомъ, какъ живутъ и умираютъ на землѣ? До сихъ поръ мы встрѣчали здѣсь лишь морскихъ чудовищъ и рыбъ! Неужели на этихъ пустынныхъ берегахъ бродитъ гдѣ-нибудь пещерный человѣкъ?

XXXIX.

Еще съ полчаса мы шли по усѣянному костями полю. Насъ влекло впередъ живое любопытство. Какія чудеса, какія сокровища для науки скрываетъ еще эта пещера? Воображеніе мое было такъ настроено, что я ожидалъ увидѣть еще больше удивительнаго.

Берега моря давно исчезли за холмами кладбища. Неосмотрительный професоръ шелъ все дальше, не опасаясь заблудиться. Мы шли молча. Электричество свѣтило попрежнему. Вслѣдствіе какого-то страннаго явленія природы, которому я не могъ найти объясненія, благодаря полному разсѣянію его лучей, всѣ поверхности предметовъ были одинаково освѣщены. Источника свѣта нигдѣ не было видно и свѣтъ не давалъ тѣней. Можно было подумать, что мы находимся въ лѣтній полдень въ экваторіальной области, подъ вертикальными лучами солнца. Въ воздухѣ не было никакихъ испареній. Скалы, отдаленныя горы, неясныя очертанія лѣса вдали, все это принимало странный видъ при равномѣрномъ распредѣленіи свѣта. Мы напоминали теперь фантастическаго человѣка, потерявшаго свою тѣнь, изъ сказки Гофмана.

Мы прошли милю и очутились на опушкѣ огромнаго лѣса, но это былъ уже не лѣсъ гигантскихъ грибовъ, какой мы видѣли вблизи Порта Граубенъ.

Это была растительность третичной эпохи во всемъ ея великолѣпіи. Высокія пальмы забытыхъ нынѣ видовъ, великолѣпныя сосны, тисы, кипарисы, туи представляли собою семейство шишконосныхъ. Непроходимыя ліаны обвивали своею сѣтью эти деревья. Земля была покрыта мягкимъ ковромъ печеночныхъ мховъ. Деревья не давали, однако, тѣни. У ихъ подножія тамъ и сямъ журчали ручейки. На берегахъ ихъ росли древовидные папоротники, какіе мы видимъ лишь въ теплицахъ. Но лишенные живительнаго солнечнаго свѣта и тепла, всѣ эти деревья, кусты и растенія были безцвѣтны. Все сливалось въ какомъ-то однообразномъ, поблекшемъ коричневатомъ тонѣ. Листья не были зелеными, даже многочисленные разцвѣтшіе въ третичную эпоху цвѣты были лишены красокъ и аромата и казались бумажными и вылинявшими отъ воздуха.

Дядя Лиденброкъ вошелъ подъ своды лѣса. Я не безъ опасенія послѣдовалъ за нимъ. Природа создала растительность, отчего бы не находиться здѣсь и млекопитающимъ животнымъ, которые питаются растительностью? На обширныхъ полянахъ, образовавшихся вслѣдствіе паденія подгнившихъ деревьевъ, я увидѣлъ растенія изъ семействъ бобовыхъ, кленовыхъ, мареновидныхъ и тысячу другихъ съѣдобныхъ кустарниковъ, столь цѣнимыхъ жвачными животными всѣхъ періодовъ. Далѣе на-

шимъ глазамъ представились древесныя породы всѣхъ странъ земного шара: дубъ росъ рядомъ съ пальмой, австралійскій эвкалиптъ около норвежской елки и сѣверной березы. Самые ученые ботаники и классификаторы потеряли бы тутъ голову.

Вдругъ я остановился и остановилъ дядю.

Разсѣянный свѣтъ позволялъ различать малѣйшіе предметы въ глубинѣ чащи. Мнѣ показалось... да нѣтъ же, я дѣйствительно видѣлъ огромную движущуюся подъ деревьями фигуру! Въ самомъ дѣлѣ, то было цѣлое стадо исполинскихъ мастодонговъ, не ископаемыхъ, а настоящихъ, живыхъ, похожихъ на тѣ, кости которыхъ были найдены въ 1801 г. въ болотахъ Огіо! Я видѣлъ этихъ гигантовъ-слоновъ, хоботы которыхъ извивались подъ деревьями, какъ легіонъ змѣй, слышалъ стукъ изъ длинныхъ клыковъ о старые древесные стволы. Вѣтви съ трескомъ ломались, а сорванныя листья исчезали въ огромной пасти животныхъ.

Итакъ, мой сонъ о возрожденіи животнаго царства доисторическихъ временъ, эпохъ третичной и четверичной, осуществился на яву! И мы здѣсь одни среди этихъ дикихъ обитателей нѣдръ земного шара!

Дядя смотрѣлъ.

— Идемъ,—сказалъ онъ вдругъ, схвативъ меня за руку,—впередъ, впередъ!

— Нѣтъ!—воскликнулъ я,—нѣтъ! У насъ нѣтъ оружія! Что мы будемъ дѣлать среди этого стада четвероногихъ исполиновъ! Пойдемте, дядя, прочь! Никакое человѣческое существо не въ силахъ бороться съ этими чудовищами.

— Никакое человѣческое существо!—отвѣчалъ дядя, понижая голосъ.—Ты ошибаешься, Аксель! Посмотри туда! Мнѣ кажется тамъ есть живое существо, такое же, какъ мы,—человѣкъ!

Я недовѣрчиво пожалъ плечами и посмотрѣлъ по указанному дядей направленію. Но какъ ни велико было мое невѣріе, я долженъ былъ повѣрить очевидности.

Въ какой-нибудь четверти мили отъ насъ, прислонившись къ стволу огромнаго дерева, стоялъ и пасъ безчисленное стадо человѣкъ, Протей этихъ подземныхъ странъ, новый сынъ Нептуна.

Immanis pecoris custos, immanior ipse! *).

---

*) Стражъ громаднаго стада, самъ еще громаднѣе!

Да, immanior ipse! Это уже было неископаемое существо, трупъ котораго мы нашли среди груды костей, это былъ великанъ, способный повелѣвать этимъ чудовищемъ. Онъ былъ ростомъ въ десять футовъ съ лишнимъ. На его огромной головѣ, величиною съ буйволовую, росли густые волосы, похожіе на гриву первобытнаго слона. Онъ держалъ въ рукахъ огромную вѣтку, достойный этого допотопнаго пастуха посохъ.

Мы стояли неподвижные, въ недоумѣніи. Однако насъ могли замѣтить. Надо было бѣжать.

— Идемъ, идемъ!—воскликнулъ я, увлекая дядю, который въ первый разъ послушалъ меня.

А теперь, когда я спокойно вспоминаю обо всемъ этомъ, когда со времени этой необычайной встрѣчи прошли мѣсяцы, я не знаю, что думать о ней. Нѣтъ, этого не могло быть! То былъ обманъ зрѣнія, галлюцинація! Въ этомъ подземномъ мірѣ нѣтъ ни одного человѣческаго существа! Въ этихъ подземныхъ пещерахъ нѣтъ людей, не вѣдающихъ о томъ, что творится на поверхности, не имѣющихъ никакихъ сношеній съ населеніемъ земного шара! Это безуміе, глубокое безуміе!

Скорѣе я готовъ допустить существованіе какого-нибудь животнаго, строеніемъ своимъ похожаго на человѣка, какой-нибудь первобытной обезьяны въ родѣ той, которую открылъ Лартэ въ пещерѣ Сансона. Однако то животное, которое видѣли мы, было большихъ размѣровъ, чѣмъ все, что до сихъ поръ извѣстно палеонтологіи! Все равно! Это была обезьяна, да, обезьяна, какъ это ни мало вѣроятно! Но чтобы это былъ живой человѣкъ, а съ нимъ цѣлое поколѣніе, погребенное въ нѣдрахъ земли! Этого не можетъ быть!

Между тѣмъ мы, молча, вышли изъ свѣтлаго лѣса, удивленные, пораженные, озадаченные. Мы почти бѣжали. Это было настоящее бѣгство ужаса, похожаго на тотъ страхъ, какой мы испытываемъ иногда во время кошмара. Инстинктивно мы снова вернулись къ Лиденброкову морю. Не знаю, какой оборотъ приняли бы мои изступленныя мысли, если бы практическія соображенія не направили ихъ на другой предметъ.

Хотя я и былъ убѣжденъ, что мы проходимъ по данной мѣстности впервые, мнѣ все чаще и чаще попадались на глаза цѣпи скалъ, очертанія которыхъ напоминали Портъ-Граубенъ. Сходство иногда становилось поразительнымъ. Съ выступовъ

утесовъ падали сотни ручьевъ и водопадовъ. Мнѣ казалось, что я узнаю слой подземнаго пожарища, ручей Ганса, гротъ, въ которомъ я очнулся; немного дальше видъ горныхъ уступовъ, другой ручей, причудливый силуэтъ какой-нибудь скалы снова наводили меня на сомнѣніе.

Профессоръ тоже былъ неувѣренъ и не могъ оріентироваться среди этой однообразной панорамы. Я понялъ это изъ нѣсколькихъ сказанныхъ имъ словъ.

— Очевидно,—сказалъ я,—мы пристали не у того берега, отъ котораго вышли; но, вѣроятно, мы выйдемъ къ Порту Граубенъ, если пойдемъ дальше вдоль побережья.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ дядя, —незачѣмъ и продолжать развѣдки, а лучше прямо сѣсть на плотъ. Но не ошибаешься ли ты, Аксель?

— Трудно утверждать, что бы то ни было, потому что всѣ эти скалы похожи другъ на друга. Мнѣ кажется, однако, что я узнаю мысъ, у котораго Гансъ строилъ наше судно. Дожно быть мы недалеко отъ порта, да, пожалуй, даже это онъ и есть,—прибавилъ я, какъ будто узнавая маленькую бухточку.

— Нѣтъ, Аксель; вѣдь въ такомъ случаѣ мы увидѣли бы на пескѣ слѣды своего пребыванія здѣсь, а я ничего не вижу...

— А я вижу!—воскликнулъ я, поднимая лежавшій на пескѣ блестящій предметъ.

— Что это?

— Вотъ!—отвѣчалъ я, показывая дядѣ поднятый мною кинжалъ.

— Такъ у тебя было съ собою это оружіе?—спросилъ дядя.

— Не у меня, а должно быть у васъ!

— Нѣтъ. Насколько я помню, у меня никогда не было подобнаго предмета.

— У меня также, дядя.

— Вотъ странно.

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго. Исландцы часто носятъ при себѣ подобное оружіе. Это навѣрное Гансъ потерялъ свой кинжалъ.

— Гансъ?—сказалъ дядя, покачавъ головой.

Потомъ онъ внимательно осмотрѣлъ оружіе.

— Аксель! — сказалъ онъ серьезно, — этотъ кинжалъ— оружіе шестнадцатаго столѣтія, какое носили за поясомъ дво-

ряне того времени, всегда готовые нанести смертельный ударъ. Это испанскій кинжалъ. Онъ не принадлежитъ ни тебѣ, ни мнѣ, ни охотнику!

— Вы полагаете?

— Онъ не могъ такъ сильно зазубриться отъ того, что его вонзали въ горло людей. Лезвіе его покрылось ржавчиной не за одинъ день, годъ или даже вѣкъ!

Профессоръ, по обыкновенію, оживлялся, воображеніе увлекало его.

— Аксель,—продолжалъ онъ,—мы на пути къ великому открытію! Этотъ кинжалъ пролежалъ на пескѣ сто, двѣсти, можетъ быть триста лѣтъ и зазубрился вотъ объ эти утесы подземнаго моря.

— Но какъ онъ здѣсь очутился!—воскликнулъ я.—Вѣдь самъ же онъ попалъ сюда. Кто-нибудь былъ здѣсь раньше насъ!

— Да, человѣкъ.

— Кто онъ?

— Онъ начерталъ свое имя этимъ кинжаломъ! Онъ хотѣлъ еще разъ указать путь къ центру земли. Поищемъ-же! поищемъ!

Заинтригованные, мы пошли вдоль высокой каменной стѣны, осматривая малѣйшія трещины, которыя могли оказаться входомъ въ новую галлерею.

Такъ пришли мы къ мѣсту, гдѣ береговая полоска сдѣлалась совсѣмъ узкой. Море почти омывало подножіе уступовъ, оставляя лишь полоску въ сажень шириною. Между двумя выступами скалъ виднѣлся входъ въ темный тоннель.

Тамъ, на гранитной плитѣ стояли двѣ таинственныя полустершіяся отъ времени буквы, инициалы отважнаго и фантастическаго путешественника.

4 Ч

— A. S! — воскликнулъ дядя. — Арне Сакнуссемъ! Опять Арне Сакнуссемъ!

XL.

Много разъ приходилось мнѣ удивляться во время нашего путешествія. Пора было бы, кажется, сдѣлаться равнодушнымъ и перестать изумляться. Однако я былъ пораженъ, когда уви-

дѣлъ эти двѣ буквы, начертанныя триста лѣтъ тому назадъ. Не только подпись ученаго алхимика стояла на скалѣ, но даже кинжалъ, которымъ онъ писалъ, былъ у меня въ рукахъ. При всемъ своемъ недовѣріи, я не могъ уже болѣе сомнѣваться въ существованіи путешественника, какъ и въ томъ, что онъ дѣйствительно совершилъ это путешествіе.

Пока всѣ эти мысли вихремъ пронеслись у меня въ головѣ, профессоръ Лиденброкъ принялся восхвалять Арне Сакнуссема.

— Дивный геній!—восклицалъ онъ,—ты ничего не упустилъ изъ вида, чтобы указать другимъ смертнымъ дорогу въ глубь земной коры. Другіе могутъ найти въ глубинѣ темныхъ подземелій слѣды твоихъ ногъ, хотя ты былъ здѣсь три столѣтія тому назадъ! Ты хотѣлъ, чтобы и другіе узрѣли эти чудеса! Твое имя, начертанное отъ времени до времени, указываютъ дорогу путешественнику, достаточно отважному, чтобы слѣдовать за тобою, и должно привести насъ къ центру нашей планеты, гдѣ мы, вѣроятно, снова увидимъ его, написаннымъ твоею рукою. Напишу же и я свое на послѣдней гранитной страницѣ! А этотъ мысъ на берегу открытаго тобою моря пусть называется отнынѣ мысомъ Сакнуссема!

Вотъ приблизительно то, что я услышалъ. Дядя увлекъ своимъ энтузіазмомъ и меня. Въ груди моей воскресло угасшее было пламя! Я забылъ все, и опасности путешествія, и опасности возвращенія. Мнѣ хотѣлось совершить то, что другой сдѣлалъ раньше насъ. Если человѣкъ достигъ центра земли, значитъ это возможно!

— Впередъ! Впередъ!—вскричалъ я.

Я уже вошелъ было въ темную галлерею, но на этотъ разъ обыкновенно столь увлекающійся профессоръ остановилъ меня и посовѣтовалъ мнѣ быть терпѣливымъ и хладнокровнымъ.

— Вернемся къ Гансу,—сказалъ онъ,—и спрячемъ плотъ въ надежное мѣсто.

Я нехотя исполнилъ его приказаніе и побѣжалъ къ прибрежнымъ скаламъ.

— Знаете дядя,—говорилъ я дорогой,—нельзя не признать, что обстоятельства благопріятствовали намъ до сихъ поръ.

— Ты находишь, Аксель?

— Конечно же. Даже буря сослужила намъ службу: благодаря ей, мы возвратились на вѣрный путь. Мы должны бла-

гословлять эту бурю! Бурей насъ прибило къ этому берегу, отъ котораго мы удалились бы, если бы погода стояла хорошая! Подумайте только, что было бы съ нами, если бы мы пристали къ южному берегу Лиденброкова моря. Мы не увидѣли бы тогда имени Сакнуссема и бродили бы теперь на берегу, не находя выхода.

— Да, Аксель, должно быть по волѣ Провидѣнія, мы держали курсъ на югъ, а между тѣмъ вернулись на сѣверъ къ мысу Сакнуссема. Въ этомъ кроется что то удивительное и необъяснимое.

— Не все ли намъ равно! Надо пользоваться случаемъ, а не искать объясненій.

— Конечно, дорогой мой, но...

— Мы отправимся снова на сѣверъ и пройдемъ подъ сѣверными странами Европы, Швеціей, Россіей, Сибирью вмѣсто того, чтобы углубляться подъ пустыни Африки и воды океана. Больше я ничего знать не хочу!

— Да, Аксель, ты правъ, все къ лучшему, разъ мы уходимъ отъ этого раскинувшагося горизонтально моря, путешествіе по которому ни къ чему не повело бы. Мы должны спускаться и спускаться! Знаешь ли ты, что до центра земли намъ осталось лишь тысяча пятьсотъ миль!

— Ба!—воскликнулъ я.—Объ этомъ и разговаривать не стоитъ! Въ дорогу же! въ дорогу!

Между тѣмъ мы подошли къ охотнику. Все было готово для немедленнаго отъѣзда. Всѣ тюки были уже на плоту. Мы сѣли и подняли паруса. Гансъ повелъ плотъ вдоль побережья, къ мысу Сакнуссема.

Вѣтеръ былъ противный, и отъ времени до времени приходилось подвигаться при помощи палокъ съ желѣзнымъ концомъ. Иногда мы принуждены были обходить довольно далеко подводные рифы. Наконецъ, послѣ трехчасового плаванія, около шести часовъ вечера мы нашли удобное для высадки мѣсто.

Я прыгнулъ на берегъ, за мною послѣдовали дядя и исландецъ. Это путешествіе не успокоило меня. Напротивъ, я даже предложилъ «сжечь наши корабли», чтобы тѣмъ отрѣзать себѣ отступленіе. Но дядя воспротивился. Я находилъ, что онъ необычайно хладнокровенъ.

— По крайней мѣрѣ,—сказалъ я,—отправимся, не теряя времени.

— Хорошо, другъ мой; только осмотримъ сначала эту новую галлерею, чтобы знать, нужно-ли приготовить лѣстницы.

Дядя привелъ въ дѣйствіе приборъ Румкорфа. Плотъ привязали и оставили на берегу. Впрочемъ, отверстіе галлереи было всего въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ разстоянія, и весь нашъ маленькій караванъ немедленно двинулся подъ моимъ предводительствомъ въ путь.

Почти круглое отверстіе имѣло около пяти футовъ въ діаметрѣ. Темный высѣченный въ скалѣ тоннель, былъ тщательно высверленъ вулканическими веществами, которыя нѣкогда проходили этимъ путемъ.

Нижнею частью своею онъ почти касался земли, такъ что въ него можно было войти безъ труда.

Мы пошли по почти горизонтальной плоскости, но не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ огромная каменная глыба преградила намъ путь.

— Проклятый утесъ!—разсердился я, при видѣ этого непреодолимаго препятствія.

Напрасно искали мы выхода справа и слѣва, сверху и снизу—нигдѣ ни прохода ни развѣтвленія. Мнѣ было страшно досадно и я просто не хотѣлъ примириться съ своимъ безвыходнымъ положеніемъ. Я наклонялся, смотрѣлъ подъ глыбу. Нигдѣ никакого пространства или щели. Наверху та же гранитная глыба. Гансъ взялъ лампу и освѣтилъ стѣну со всѣхъ сторонъ; нигдѣ не оказалось ни малѣйшаго разрыва или скважины.

Надо было отказаться отъ мысли пройти дальше.

Я сѣлъ на землю. Дядя большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по корридору.

— Но какъ же прошелъ здѣсь Сакнуссемъ? — воскликнулъ я.

— Да,—сказалъ дядя,—остановился-ли онъ, какъ мы, передъ этою каменною дверью.

— Нѣтъ! нѣтъ!—горячо возразилъ я. — Этотъ обломокъ скалы внезапно закрылъ проходъ вслѣдствіе какого-нибудь потрясенія или магнетическаго явленія, которыя дѣйствуютъ на земную кору. Между возвращеніемъ Сакнуссема и обваломъ этой

глыбы прошло много лѣтъ. Галлерея эта была, очевидно, нѣкогда русломъ лавы, и вулканическія вещества свободно стремились по ней. Посмотрите на недавнія трещины гранитнаго свода. Весь онъ состоитъ изъ огромныхъ камней, сложенныхъ словно рукою какого-то гиганта. И вотъ въ одинъ прекрасный день давленіе оказалось сильнѣе обыкновеннаго, и эта глыба, похожая на замочный камень свода, обрушилась и заградила проходъ. Сакнуссемъ не встрѣтилъ этого препятствія на своемъ пути; мы же должны его устранить, или же мы не заслуживаемъ чести проникнуть къ центру земли!

Вотъ, какъ я говорилъ! Въ меня какъ бы вселился духъ профессора. Меня окрыляла жажда открытій. Я забылъ прошлое и пренебрегалъ будущимъ. Для меня не существовало больше ничего на поверхности сфероида, въ нѣдра котораго я проникъ, ни города, ни деревни, ни Гамбура, ни Кенигштрассе, ни даже моей бѣдной Граубенъ, которая, вѣроятно, считала меня навѣки погибшимъ въ безднѣ.

— Ну, что же,—сказалъ дядя,—будемъ работать заступомъ, пока не проложимъ себѣ дорогу.

— Заступомъ тутъ ничего не подѣлаешь,—возразилъ я.

— Ну, такъ ломомъ.

— И ломомъ надо работать слишкомъ долго.

— Такъ какъ же быть?

— А порохъ то на что. Заложимъ мину и взорвемъ глыбу.

— Порохъ!

— Конечно же! И всего то придется взорвать лишь часть скалы!

— За работу, Гансъ!—воскликнулъ дядя.

Исландецъ побѣжалъ къ плоту и скоро возвратился съ заступомъ, которымъ и сталъ рыть подъ глыбою минную скважину. Это было довольно трудно, такъ какъ скважина должна была содержать пятьдесятъ фунтовъ пироксилина, который въ четыре раза сильнѣе обыкновеннаго пороха.

Я былъ въ страшно возбужденномъ состояніи. Пока Гансъ работалъ, я помогалъ дядѣ приготовлять длинный фитиль изъ сырого пороха, насыпаннаго въ парусиновый рукавъ.

— Мы непремѣнно пройдемъ!—увѣрялъ я.

— Пройдемъ!—повторялъ дядя.

*

Въ полдень мы окончили свою работу рудокоповъ, пироксилиновый зарядъ былъ заложенъ, а фитиль проходилъ черезъ всю галерею до самаго выхода.

Достаточно было искры, чтобы взорвать мину.

— Ну, остальное отложимъ до завтра, — сказалъ профессоръ.

Дѣлать нечего, пришлось покориться и ждать шесть долгихъ часовъ.

XLI.

Слѣдующій день, четвергъ 27-го августа, сталъ знаменательнымъ въ хроникѣ нашего подземнаго путешествія. До сихъ поръ не могу вспомнить его безъ замиранія сердца. Съ этого момента мы стали игрушкой явленій природы, ни разумъ, ни изобрѣтательность не могли помочь намъ.

Въ шесть часовъ мы уже были на ногахъ. Пора было открыть себѣ путь черезъ гранитную преграду.

Я взялся поджечь мину. Сдѣлавъ это, я долженъ былъ бѣжать къ плоту, на немъ мы отъѣдемъ отъ берега, чтобы не подвергаться опасности взрыва.

По нашему разсчету фитиль долженъ былъ горѣть въ продолженіе десяти минутъ, раньше чѣмъ огонь дойдетъ до заряда. Такимъ образомъ, я успѣю добѣжать до плота.

Не безъ внутренняго волненія готовился я исполнить возложенное на меня порученіе.

Позавтракавъ на скорую руку, дядя и охотникъ сѣли на плотъ, я же, съ зажженнымъ фонаремъ, которымъ долженъ былъ поджечь фитиль, остался на берегу.

— Ступай, другъ мой,—сказалъ дядя, — и возвращайся немедленно.

— Будьте покойны, дядя, я не замѣшкаюсь въ дорогѣ.

Я тотчасъ отправился къ отверстію галлереи, открылъ фонарь и схватилъ конецъ фитиля.

Профессоръ смотрѣлъ на свой хронометръ.

— Готово?—спросилъ онъ.

— Готово.

— Ну такъ пали, другъ мой!

Я поспѣшно поджегъ фитиль и бѣгомъ пустился къ берегу.

— Садись скорѣе!—торопилъ дядя.—Отваливай!

Гансъ сильно оттолкнулся отъ берега, и плотъ отошелъ саженъ на двадцать въ море.

Мы были въ напряженномъ состояніи. Профессоръ слѣдилъ за стрѣлкой хронометра.

— Еще пять минутъ,—говорилъ онъ,—еще четыре, три.

Пульсъ учащенно бился.

— Двѣ минуты, одна!.. Развернитесь гранитныя горы!

Что случилось? Я, кажется, даже не слышалъ шума взрыва; но скалы внезапно измѣнили свой видъ, онѣ раскрылись, какъ завѣса. Я увидѣлъ, что отъ самаго берега открылась глубокая пучина. Все море преобразилось какъ бы въ одну сплошную волну, на гребнѣ которой плотъ повисъ почти перпендикулярно.

Мы всѣ три свалились. Въ мигъ вмѣсто свѣта воцарился глубокій мракъ. Я почувствовалъ, что подъ плотомъ, а не подъ ногами, нѣтъ больше точки опоры. Я подумалъ, что мы идемъ ко дну. Этого, однако, не случилось. Я хотѣлъ было сказать что-то дядѣ, но ревъ волнъ заглушилъ мой голосъ.

Несмотря на темноту, шумъ, собственное волненіе и удивленіе, я понялъ, что такое случилось.

Позади взорванной нами скалы была пропасть. Взрывъ произвелъ землетрясеніе въ этой изобилующей трещинами почвѣ, пропасть разверзлась, и море, превратившись въ потокъ, унесло насъ въ эту пучину.

Я думалъ, что мы погибли.

Не знаю, сколько времени прошло, можетъ быть часъ, быть можетъ два. Мы держали другъ друга за руки, чтобы насъ не сбросило съ плота. По временамъ плотъ ударялся о стѣны. Впрочемъ, эти толчки были довольно рѣдки, изъ чего можно было заключить, что галлерея становилась значительно шире. Мы, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдовали дорогою Сакнуссема, но вмѣсто того, чтобы спускаться сами по себѣ, вслѣдствіе неосторожности, мы увлекли за собою цѣлое море.

Всѣ эти мысли смутно роились у меня въ головѣ; мнѣ трудно было связывать ихъ во время этой головокружительной скачки, похожей на паденіе. Судя по воздуху, хлеставшему меня по лицу, мы подвигались быстрѣе скораго поѣзда. При такихъ условіяхъ было невозможно зажечь факелъ, а наша послѣдняя электрическая лампочка разбилась во время взрыва.

Поэтому меня очень удивилъ засвѣтившійся рядомъ со мною свѣтъ. Онъ освѣтилъ спокойное лицо Ганса. Ловкому охотнику удалось таки зажечь фонарь и, хотя пламя сильно колебало вѣтромъ, оно слабо освѣтило этотъ страшный мракъ.

Галлерея была широкая. Я не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. При слабомъ свѣтѣ мы не могли видѣть обѣ стѣны ея заразъ. Вода стремилась по отвѣсной плоскости быстрѣе самыхъ стремительныхъ потоковъ Америки. Поверхность этого потока состояла, казалось, изъ связки жалкихъ стрѣлъ, пущенныхъ со страшною силою. Мнѣ не приходитъ въ голову болѣе правильнаго сравненія. По временамъ плотъ захватывало какимъ-то водоворотомъ, и онъ кружился. Когда мы приближались къ стѣнамъ галлереи, я подносилъ къ нимъ фонарь; по тому, какъ выступы скалъ сливались въ непрерывныя линіи, можно было судить о быстротѣ нашего движенія. Мы стремились какъ бы среди сѣтки движущихся линій. По моему разсчету, мы шли съ скоростью тридцати миль въ часъ.

Мы съ дядей растерянно смотрѣли другъ на друга, сидя рядомъ съ мачтой, которая сломалась въ самый моментъ катастрофы. Чтобы не задохнуться отъ быстроты движенія мы сѣли спиною къ дувшему навстрѣчу воздуху.

Между тѣмъ время шло. Положеніе наше не измѣнялось къ лучшему, напротивъ, даже ухудшилось вслѣдствіе слѣдующаго обстоятельства.

Сдѣлавъ попытку разложить поудобнѣе нашъ грузъ, я увидѣлъ, что большая часть взятыхъ нами предметовъ исчезла во время взрыва, когда море захватило насъ волной. Мнѣ захотѣлось точнѣе опредѣлить, какъ велики наши убытки, и я сталъ разсматривать съ фонаремъ въ рукахъ. Изъ инструментовъ уцѣлѣли только компасъ и хронометръ. Изъ всѣхъ лѣстницъ и веревокъ остался только обмотанный вокругъ обломка мачты конецъ каната. Ни одного лома, ни заступа, ни молотка не уцѣлѣло, и, что хуже всего, съѣстныхъ припасовъ осталось всего на одинъ день!

Я обшарилъ всѣ щели и углы плота. Ничего! Кусокъ сушеннаго мяса, да нѣсколько сухарей—вотъ все, что осталось отъ нашего запаса съѣстныхъ припасовъ.

Я обвелъ плотъ тупымъ взглядомъ, отказываясь понимать.

Однако, о чемъ это я заботился? Если бы у насъ было даже продовольствія на мѣсяцы, на годы, къ чему это, разъ намъ не выбраться изъ пропасти, куда влечетъ насъ этотъ неудержимый потокъ? Стоитъ ли безпокоиться о перспективѣ голодной смерти, когда смерть ожидаетъ насъ подъ другимъ видомъ? Да развѣ мы успѣемъ испытать муки голода!

Тѣмъ не менѣе, по непонятному капризу воображенія, я забывалъ объ опасности, угрожавшей въ данную минуту, и опасался за страшное будущее. А, можетъ быть, намъ и удастся спастись отъ ярости потока и выйти на поверхность земного шара. Какимъ образомъ? Не знаю. Въ какомъ мѣстѣ? Не все ли равно! Одинъ шансъ изъ тысячи—все-таки шансъ, тогда какъ голодная смерть не оставляла намъ никакой надежды.

Я хотѣлъ было сказать дядѣ, до какого бѣдствія мы дожили, и подсчитать, сколько времени намъ остается жить; но у меня хватило мужества промолчать. Пусть хоть онъ будетъ спокоенъ.

Тѣмъ временемъ пламя въ фонарѣ стало гаснуть и, наконецъ, потухло совсѣмъ. Свѣтильня догорала. Снова насъ окружилъ непроглядный мракъ, разсѣять который у насъ не было никакой возможности. Правда, у насъ былъ еще факелъ, но нечего было и думать, чтобы онъ могъ горѣть при такомъ вѣтрѣ. Какъ дитя, я закрылъ глаза, чтобы не видѣть темноты.

Черезъ нѣсколько времени мы понеслись еще съ большею скоростью. Я почувствовалъ это опять по силѣ, съ какою воздухъ свистѣлъ мимо насъ. Наклонность стала еще отвѣснѣе. Мы уже не плыли, а падали и, какъ мнѣ казалось, почти въ вертикальномъ направленіи. Гансъ и дядя, судорожно сжимая мои руки, удерживали меня.

Вдругъ я почувствовалъ толчокъ. Плотъ не ударился о что-нибудь твердое, а просто остановился. Огромный водяной столбъ, смерчъ, обрушился на плотъ. Я задыхался, утопалъ.

Но это неожиданное наводненіе продолжалось недолго. Черезъ нѣсколько секундъ, легкія мои уже глубоко вдыхали воздухъ. Дядя и Гансъ до боли сжимали мнѣ руки. Плотъ уносилъ насъ всѣхъ троихъ.

XLII.

Было около десяти часовъ утра. Первымъ начавшимъ дѣйствовать чувствомъ моимъ оказался слухъ. Первое, что я услышалъ, какимъ бы парадоксомъ это ни казалось, но я дѣйствительно «услышалъ» тишину, смѣнившую продолжавшійся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ грохотъ. Затѣмъ до меня донесся шепотъ дяди:

— Мы поднимаемся!

— Что вы говорите?—воскликнулъ я.

— Да, поднимаемся! поднимаемся!

Я протянулъ руку, дотронулся до стѣны, рука оказалась изцарапанною въ кровь. Мы, дѣйствительно, поднимались съ страшною быстротою.

— Факелъ! факелъ!—вскричалъ профессоръ.

Гансу съ грѣхомъ пополамъ удалось зажечь его. Хотя подъ вліяніемъ движенія вверхъ, пламя мигало сверху внизъ, оно все-таки въ достаточной степени освѣтило окружающую обстановку.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ дядя,—мы находимся въ узкомъ четырехсаженномъ колодезѣ. Вода поднимается въ немъ, а мы вмѣстѣ съ нею.

— Куда?

— Не знаю, но надо быть готовыми ко всему. Мы поднимаемся съ скоростью двухъ саженъ въ секунду, т.-е. ста двадцати саженъ въ минуту, иными словами, проходимъ по три съ половиною мили въ часъ. Такимъ образомъ, мы быстро подвинемся впередъ.

— Да, если только ничто насъ не остановитъ и если есть выходъ изъ колодезя! Но если онъ глухой, то подъ напоромъ водяного столба воздухъ будетъ все болѣе и болѣе сгущаться и насъ раздавитъ!

— Аксель,—спокойно отвѣчалъ профессоръ,—наше положеніе отчаянное, но все-таки есть шансы спасенія. Вотъ о нихъ то я и думаю. Каждую минуту намъ грозитъ гибель, но каждую минуту мы можемъ и спастись. Будемъ же готовы воспользоваться малѣйшими случайностями.

— Но что же мы должны дѣлать?

— Прежде всего поѣсть и подкрѣпить свои силы.

Я испуганно взглянулъ на дядю. Приходилось признаться въ томъ, что я хотѣлъ скрыть.

— Поѣсть?—повторилъ я.

— Да, немедленно.

Профессоръ сказалъ что-то Гансу по-датски. Тотъ покачалъ головою.

— Что?—вскричалъ дядя,—всѣ наши съѣстные запасы потеряны?

— Да, вотъ все, что отъ нихъ осталось! Кусокъ сушенаго мяса на всѣхъ троихъ!

Дядя смотрѣлъ на меня, не понимая моихъ словъ.

— Ну что,—сказалъ я,—вы все еще надѣетесь, что мы спасемся?

На мой вопросъ отвѣта не послѣдовало.

Прошелъ часъ. Я былъ очень голоденъ, спутники мои тоже, но ни одинъ изъ насъ не рѣшался дотронуться до этихъ жалкихъ остатковъ пищи.

Между тѣмъ мы все поднимались. Иногда у насъ захватывало духъ, какъ у воздухоплавателей, при слишкомъ быстромъ подъемѣ. Но въ то время, какъ аэронавты ощущаютъ усиливающійся холодъ по мѣрѣ того, какъ они поднимаются, мы чувствовали совершенно противоположное. Становилось все жарче. Было, вѣроятно, градусовъ сорокъ.

Что значитъ подобная перемѣна? До сихъ поръ все подтверждало теорію Дэви и Лиденброка. До сихъ поръ особенности огнеупорныхъ скалъ, электричества, магнетизма совершенно измѣнили законы природы, создавая умѣренную температуру, потому что теорія о центральномъ огнѣ оставалась, по моему мнѣнію, единственной вѣрной. Неужели теперь намъ суждено очутиться въ области, гдѣ эти явленія разыгрываются съ страшною силою и гдѣ жара расплавляетъ даже скалы? Я опасался этого.

— Если мы не утонемъ и не разобьемся,—сказалъ я профессору,—если не умремъ отъ голода, мы можемъ заживо сгорѣть.

Онъ только пожалъ плечами и снова погрузился въ свои размышленія.

Прошелъ еще часъ. Ничто не измѣнилось въ нашемъ положеніи, только температура повысилась.

Наконецъ, дядя прервалъ молчаніе.

— Однако, надо же что-нибудь предпринять! — сказалъ онъ.

— Что-нибудь предпринять?—спросилъ я.

— Да, надо подкрѣпить силы. Если мы будемъ беречь эти остатки съѣстныхъ припасовъ, чтобы продолжить на нѣсколько часовъ наше существованіе, мы ослабѣемъ.

— Да, но вѣдь скоро настанетъ конецъ всему.

— Ну, такъ что же! Но представь себѣ, что представится случай спастись, надо будетъ дѣйствовать, а гдѣ у насъ будутъ силы, если мы отощаемъ?

— Ахъ! дядя. Вѣдь у насъ ничего не останется, если мы съѣдимъ этотъ кусочекъ мяса.

— Ничего, Аксель. Но, глядя на этотъ кусокъ, ты вѣдь не насытишься! Ты разсуждаешь, какъ безвольный человѣкъ, лишенный всякой энергіи!

— Да развѣ же вы не отчаяваетесь?—раздраженно вскричалъ я.

— Нѣтъ!—съ твердостью отвѣчалъ профессоръ.

— Что? Вы еще вѣрите въ возможность спасенія.

— Да, конечно, вѣрю и буду вѣрить, пока бьется мое сердце, пока я живъ... Я не допускаю, чтобы человѣкъ съ волей могъ предаваться отчаянію.

Каково? Человѣкъ, говорящій такъ при подобныхъ обстоятельствахъ, долженъ быть недюжиннымъ!

— Но что же вы хотите дѣлать?—спросилъ я.

— Съѣсть до послѣдней крошки все, что у насъ осталось изъ съѣстныхъ припасовъ. Это будетъ нашъ послѣдній обѣдъ, но за то по крайней мѣрѣ мы будемъ снова людьми, а не истощенными существами.

— Что же! съѣдимъ, пожалуй!—воскликнулъ я.

Дядя взялъ кусокъ мяса и уцѣлѣвшіе отъ крушенія сухари и раздѣлилъ ихъ на три части. На долю каждаго изъ насъ пришлось около фунта пищи. Профессоръ ѣлъ жадно, лихорадочно; я, несмотря на голодъ,—безъ всякаго удовольствія, почти съ отвращеніемъ; Гансъ—спокойно, умѣренно, маленькими кусками, разжевывая и смакуя ихъ, со спокойствіемъ человѣка, который не заботится о будущемъ. Поискавъ хорошенько, онъ нашелъ фляжку, наполовину наполненную можжевеловою водкою. Онъ

предложилъ намъ водки, и этотъ благодѣтельный напитокъ немного оживилъ меня.

— «Förträfflig!»—сказалъ Гансъ, отвѣдавъ въ свою очередь.

— Превосходно!—отвѣчалъ дядя.

Я снова началъ надѣяться. Было пять часовъ утра, когда мы пообѣдали въ послѣдній разъ.

Человѣкъ такъ устроенъ, что здоровье дѣлаетъ его эгоистомъ. Сытому человѣку трудно себѣ представить всѣ ужасы голода. Чтобы понять эти страданія, надо самому испытать ихъ. Стоило намъ послѣ продолжительнаго поста проглотить нѣсколько сухарей и немного мяса, и мы забыли пережитыя только что страданія.

Послѣ обѣда каждый изъ насъ погрузился въ раздумье. О чемъ думалъ Гансъ, этотъ уроженецъ далекаго запада, но покорный судьбѣ, какъ житель востока? Что касается меня, я снова жилъ воспоминаніями о томъ, что было на поверхности земного шара, который я такъ напрасно покинулъ. Какъ видѣнія, пронеслись предо мною образы Граубенъ, Марты, домъ на Кенигштрассе, а зловѣщій грохотъ въ каменномъ колодезѣ напоминалъ мнѣ городской шумъ.

Дядя не терялъ времени: съ факеломъ въ рукахъ онъ внимательно изучалъ свойство почвы. По верхнимъ слоямъ и пластамъ онъ старался опредѣлить, гдѣ мы находимся. Конечно, онъ могъ опредѣлить это лишь приблизительно, но ученый всегда останется ученымъ, если ему удастся сохранить присутствіе духа, а профессоръ Лиденброкъ, конечно, обладалъ въ высшей степени этою способностью.

Я слушалъ геологическіе термины, которые онъ произносилъ, понималъ ихъ и невольно интересовался этимъ послѣднимъ научнымъ рефератомъ.

— Гранитъ вулканическаго происхожденія, — говорилъ онъ;—мы находимся среди формацій первичной эпохи. Однако, мы поднимаемся все выше и выше, и кто знаетъ?..

Кто знаетъ? Значитъ, онъ все еще надѣется. Онъ ощупывалъ рукою вертикальную стѣну и продолжалъ:

— Вотъ гнейсъ, слюдяные сланцы! Мы выходимъ изъ области формацій переходной эпохи, а тамъ дальше...

Что хотѣлъ сказать профессоръ? Развѣ онъ могъ измѣрить толщину земной коры надъ нашею головою. Могъ-ли онъ

разсчитать это? Нѣтъ. У него не было манометра, а никакой приблизительный подсчетъ не могъ замѣнить его.

Между тѣмъ становилось все жарче. Зной этотъ можно было сравнить съ жарой въ плавильнѣ въ моментъ, когда тамъ отливаютъ металлы. Дядя, Гансъ и я сняли сначала куртки, потомъ и жилеты. Самая легкая одежда тяготила насъ, причиняла почти страданія.

— Ужъ не приближаемся-ли мы къ раскаленному ядру?— воскликнулъ я, когда зной усилился.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ дядя,—этого не можетъ быть!

— Однако,—сказалъ я, ощупывая стѣну, — эта стѣна горячая!

Въ то же время я нечаянно коснулся воды и быстро отдернулъ руку.

— Кипятокъ!—вскричалъ я.

Профессоръ на этотъ разъ, вмѣсто отвѣта, только сердито махнулъ рукою.

Тогда мною овладѣлъ непреодолимый ужасъ. Я предчувствовалъ близкую катастрофу, какую не могло бы представить себѣ самое смѣлое воображеніе. Мысль, сначала смутная и неясная, приняла въ моемъ умѣ образъ вѣроятія. Я отгонялъ ее отъ себя, а она навязчиво приходила вновь на умъ. Я не смѣлъ высказать ее. Нѣкоторыя невольныя наблюденія еще болѣе усилили мое убѣжденіе. При неопредѣленномъ свѣтѣ факела я замѣтилъ безпорядочное движеніе гранитныхъ слоевъ. Вѣроятно неминуемо разыграется какое-нибудь необыкновенное явленіе, въ которомъ электричество сыграетъ свою роль. Что за ужасная жара, и въ довершеніе всего еще этотъ кипятокъ!.. Я рѣшился посмотрѣть на компасъ. Магнитная стрѣлка его отклонилась отъ естественнаго направленія.

XLIII.

Да, стрѣлка компаса отклонилась отъ естественнаго направленія, она металась, какъ безумная, отъ одного полюса къ другому, обходила весь циферблатъ и вертѣлась, словно страдая головокруженіемъ.

Я зналъ, что, по общепризнаннымъ теоріямъ, минеральная кора земного шара никогда не остается въ абсолютномъ по-

кое; разложеніе веществъ внутри земного шара, движеніе большихъ потоковъ, дѣйствіе магнетизма потрясаютъ ее даже тогда, когда разсѣянныя на ея поверхности живыя существа вовсе и не подозрѣваютъ о томъ. Случай со стрѣлкой, такимъ образомъ, не испугалъ бы меня, не навелъ бы меня на ужасную мысль.

Но другія обстоятельства sui generis *) скоро открыли мнѣ глаза. Все сильнѣе и сильнѣе раздавались раскаты, напоминавшіе оглушительный шумъ, производимый ѣдущими по мостовой многочисленными повозками. Громъ стоялъ несмолкаемый.

Мечущаяся подъ вліяніемъ электричества стрѣлка компаса подтверждала мои предположенія. Минеральная кора угрожала разрывомъ, гранитные массивы грозили сомкнуться, трещины и пустыя пространства заполниться и раздавить насъ ничтожныхъ въ своихъ ужасныхъ объятіяхъ.

— Дядя, дядя!—вскричалъ я,—мы погибли!

— Вотъ еще вздумалъ опять пугаться! — спокойно отвѣчалъ дядя.—Что съ тобою?

— Что со мною? Взгляните же на эти колеблющіяся стѣны, на перемѣщающіяся массы гранита, вѣдь вы же чувствуете страшный зной, видите, что вода кипитъ, пары сгущаются, магнитная стрѣлка мечется, какъ шальная: вѣдь это все предвѣстники землетрясенія!

Дядя отрицательно покачалъ головою.

— Землетрясенія?—сказалъ онъ.

— Да!

— Ты, кажется, ошибаешься, Аксель.

— Какъ? Вы не узнаете всѣхъ этихъ симптомовъ?

— Землетрясенія? Нѣтъ. Я ожидаю большаго.

— Что вы хотите сказать?

— Я ожидаю вулканическаго изверженія, Аксель.

— Изверженія!—воскликнулъ я.—Такъ мы находимся въ кратерѣ дѣйствующаго вулкана?

— Кажется,—отвѣчалъ профессоръ, съ улыбкой. — И это самый счастливый для насъ исходъ.

Самый счастливый! Положительно дядя сошелъ съ ума! Что значитъ его слова? Какъ онъ можетъ быть покойнымъ и улыбаться.

---

*) Своего рода.

— Какъ!—вскричалъ я,—мы захвачены движеніемъ изверженія! Злой рокъ привелъ насъ въ русло раскаленной лавы, расплавленныхъ скалъ, кипящихъ водъ, всевозможныхъ вулканическихъ веществъ! Насъ будетъ бросать какъ щепку, пока мы не взлетимъ на воздухъ вмѣстѣ съ обломками каменныхъ глыбъ, дождемъ шлаковъ и пепла, огненнымъ столбомъ! И все это вы называете счастливымъ исходомъ!

— Да,—возразилъ профессоръ, взглянувъ на меня поверхъ очковъ, —потому что это единственный способъ возвратиться на землю.

Не стану упоминать о тысячѣ мыслей, мелькнувшихъ у меня въ головѣ. Дядя въ концѣ концовъ былъ правъ, совершенно правъ, и никогда еще не казался онъ мнѣ столь отважнымъ и столь убѣжденнымъ, какъ въ этотъ моментъ, когда онъ спокойно ожидалъ изверженія вулкана и взвѣшивалъ всѣ шансы на спасеніе.

Между тѣмъ мы поднимались все выше, поднимались всю ночь. Грохотъ все усиливался. Я задыхался и думалъ, что наступилъ мой послѣдній часъ. Но какъ это ни странно, воображеніе мое продолжало работать, только не я повелѣвалъ своими мыслями, а онѣ одолѣвали меня!

Не оставалось сомнѣнія, что мы попали въ русло изверженія. Подъ плотомъ кипѣла вода, а ниже подъ водою текла лава, расплавленныя горныя породы, которыя на вершинѣ кратера расплывались во всѣ стороны. Итакъ, мы находились въ жерлѣ вулкана, въ этомъ не оставалось никакого сомнѣнія.

Только на этотъ разъ, вмѣсто потухшаго вулкана Снеффельса, это былъ дѣйствующій вулканъ. Я спрашивалъ себя мысленно, какая это гора и въ какой части свѣта мы снова выйдемъ на поверхность земли.

Конечно, гдѣ-нибудь на сѣверѣ. До послѣдняго времени магнитная стрѣлка указывала неизмѣнно на сѣверъ. Отъ мыса Сакнуссема мы стремились нѣсколько сотъ миль на сѣверъ. Можетъ быть, мы снова находимся подъ Исландіей и насъ выброситъ на поверхность земного шара кратеръ Геклы или одна изъ семи огнедышащихъ горъ острова. На протяженіи 500 миль на западъ подъ этою параллелью находятся лишь мало извѣстные вулканы сѣверо-западнаго побережья Америки. На востокѣ подъ восьмидесятымъ градусомъ широты есть только

вулканъ Эскъ, на островѣ Яна Майена, недалеко отъ Шпицбергена! Конечно, кратеровъ—много и они такъ велики, что могли бы извергнуть цѣлую армію! Но я старался угадать, которымъ изъ нихъ выйдемъ на свѣтъ Божій мы.

Къ утру мы стали подниматься съ еще большей стремительностью. Зной не только не уменьшался по мѣрѣ приближенія къ поверхности земли, а все усиливался, вслѣдствіе мѣстнаго вулканическаго вліянія. У меня не оставалось болѣе и тѣни сомнѣнія относительно способа нашего передвиженія. Насъ двигала страшная сила въ нѣсколько сотъ атмосферъ, производимая скопившимися въ нѣдрахъ земли парами. Мы подвергались страшной опасности.

Въ постепенно расширяющуюся вертикальную галлерею заглянуло отраженіе пламени. Я видѣлъ направо и налѣво глубокіе топцели, изъ которыхъ вырывались густые пары. Огненные языки, мигая, лизали стѣны этихъ боковыхъ галерей.

— Посмотрите, посмотрите, дядя!—вскричалъ я.

— Ну что же! Это сѣрное пламя. Это совсѣмъ обыденная вещь во время изверженій.

— А если это пламя обовьетъ насъ?

— Авось этого не случится.

— Если мы задохнемся!

— Не задохнемся. Галлерея становится шире. Если нужно, мы сойдемъ съ плота и спрячемся въ какой-нибудь трещинѣ.

— А вода-то! Вѣдь вода поднимается?

— Воды больше нѣтъ, Аксель, есть только густая лава, которая поднимаетъ насъ къ отверстію кратера.

Дѣйствительно столбъ жидкости исчезъ, его замѣнили кипящія и довольно густыя вулканическія вещества. Жара стояла невыносимая. Еслибы у насъ былъ термометръ, онъ навѣрно показалъ бы свыше семидесяти градусовъ! Я обливался потомъ. Если бы не скорость, съ которою мы приближались къ поверхности земли, мы навѣрно задохлись бы.

Профессоръ не исполнилъ своего плана высадиться съ плота, и хорошо сдѣлалъ. Эти наскоро сколоченныя доски все-таки представляли изъ себя твердую точку опоры, какой мы не нашли бы нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Около восьми часовъ вечера произошло другое явленіе. Движеніе лавы вдругъ остановилось; плотъ всталъ неподвижно.

— Что это?—спросилъ я, едва устоявъ отъ толчка во время внезапной остановки.

— Остановка,—отвѣчалъ дядя.

— Извержение прекратилось?

— Надѣюсь, что нѣтъ.

Я всталъ и оглядѣлся. Можетъ быть, какой-нибудь выступъ скалы на минуту удержалъ нашъ плотъ и теченіе вулканической массы, тогда надо поскорѣе высвободить застрявшее судно.

Ничего подобнаго. Столбъ пепла, шлаковъ, обломковъ камней стоялъ неподвижно.

— Не прекратилось ли изверженіе?—воскликнулъ я.

— Ахъ! — отвѣчалъ дядя, сердито стиснувъ зубы, — ты опасаешься этого, Аксель. Успокойся, эта остановка не продолжительная. Мы стоимъ уже пять минутъ и скоро станемъ вновь подниматься къ отверстію кратера.

Говоря это, профессоръ смотрѣлъ на свой хронометръ. Оказалось, что онъ и на этотъ разъ не ошибался. Плотъ скоро началъ подниматься, поднимался двѣ минуты и снова остановился.

— Отлично,—сказалъ дядя, глядя на часы,—черезъ десять минутъ мы снова пустимся въ путь.

— Десять минутъ?

— Да. Мы попали въ кратеръ вулкана, дѣйствующаго перемежающимся образомъ. Онъ позволяетъ намъ отдохнуть и самъ отдыхаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ указанное время мы снова устремились съ страшною быстротою. Приходилось держаться за плотъ, чтобы не быть сброшенными съ плота. Но вотъ потокъ снова остановился.

Впослѣдствіи я думалъ объ этомъ странномъ явленіи, не находя ему, однако, удовлетворительнаго объясненія. Мнѣ кажется, что мы попали не въ главное жерло вулкана, а въ одинъ изъ второстепенныхъ проходовъ, въ которомъ чувствовалось отражательное дѣйствіе.

Не сумѣю сказать, сколько разъ повторялся этотъ маневръ, знаю только, что съ каждою новою волною насъ подталкивало съ большею силою, и мы летѣли, какъ пушечный снарядъ. Мы задыхались во время остановокъ. Горячій воздухъ

обжигалъ насъ, когда мы снова подвигались впередъ. Я съ вожделѣніемъ думалъ о томъ, какъ пріятно было бы очутиться вдругъ въ сѣверныхъ областяхъ, въ тридцать градусовъ мороза. Возбужденное воображеніе мое представляло мнѣ, съ какимъ наслажденіемъ я гулялъ бы по арктическимъ снѣжнымъ равнинамъ; еслибы была возможность, я бы, кажется, валялся въ снѣгу у полюса! Мало-по-малу отъ постоянныхъ толчковъ у меня закружилась голова. Еслибы Гансъ не держалъ меня, я нѣсколько разъ могъ бы раскроить себѣ черепъ о гранитную стѣну.

Я не помню точно, что случилось въ послѣдующіе часы. Помню только смутно постоянный грохотъ, сотрясеніе гранитной массы, вращательное движеніе нашего плота. Плотъ покачивался на волнахъ лавы подъ пепельнымъ дождемъ. Пламя шипѣло вокругъ него. Точно вырвавшійся изъ огромныхъ мѣховъ ураганъ раздувалъ подземное пламя. Фигура Ганса мелькнула передо мною еще разъ какъ бы въ заревѣ пожара, а затѣмъ я не помню больше ничего; мною овладѣлъ ужасъ, подобный тому, какой испытываетъ осужденный на смерть и привязанный къ дулу пушки, въ тотъ моментъ, когда раздается разрывающій его на части выстрѣлъ.

XLIV.

Когда я открылъ глаза, Гансъ держалъ меня, обхвативъ одною рукою вокругъ пояса; другою онъ поддерживалъ дядю. Я не былъ опасно раненъ, но чувствовалъ себя разбитымъ, усталымъ. Я лежалъ на склонѣ горы, всего въ двухъ шагахъ отъ пропасти; малѣйшее неосторожное движеніе, и я могъ упасть въ нее. Гансъ спасъ меня отъ гибели въ то время, какъ я катился по склону кратера.

— Гдѣ мы?—спросилъ дядя, и мнѣ показалось, что онъ не доволенъ своимъ возвращеніемъ на поверхность земли.

Охотникъ пожалъ плечами, — онъ самъ не зналъ, гдѣ мы находимся.

— Въ Исландіи?—сказалъ я.

— «Nej»,—отвѣчалъ Гансъ.

— Какъ нѣтъ?—вскричалъ профессоръ.

— Гансъ ошибается,—замѣтилъ я, вставая.

Много разъ приходилось намъ удивляться во время путешествія, но насъ ожидалъ еще одинъ сюрпризъ. Я ожидалъ, что увижу увѣнчанную вѣчными снѣгами вершину среди безплодныхъ сѣверныхъ областей, подъ блѣдными лучами полярнаго солнца, на высокой широтѣ, а вмѣсто того дядя, исландецъ и я очутились на склонѣ опаленной знойнымъ солнцемъ горы, и насъ такъ и припекало.

Я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, но я чувствовалъ зной, и сомнѣваться было нечего. Мы вышли изъ кратера полунагіе и солнце, котораго мы не видѣли цѣлыхъ два мѣсяца, щедро дарило насъ и тепломъ, и свѣтомъ и лило на насъ свои ослѣпительные лучи.

Когда отвыкшие отъ свѣта глаза приглядѣлись, я оглядѣлся вокругъ, чтобы убѣдиться, что воображеніе обманывало меня. Мнѣ такъ хотѣлось быть гдѣ-нибудь на Шпицбергенѣ, что трудно было отказаться отъ этой мысли.

Профессоръ заговорилъ первый.

— Дѣйствительно что-то не похоже на Исландію,—сказалъ онъ.

— А на островъ Яна Майена?—спросилъ я.

— Нисколько. Это не сѣверный вулканъ съ гранитными отрогами и снѣговой вершиной.

— Однако...

— Смотри, Аксель, смотри!

Надъ нашею головою, всего въ пяти стахъ футовъ отъ насъ виднѣлся кратеръ вулкана, изъ котораго черезъ каждые четверть часа раздавался страшный грохотъ и вырывался высокій огненный столбъ пемзы, пепла и лавы. Я чувствовалъ какъ содрогается гора, дышитъ, словно огромный китъ, и видѣлъ, какъ она выбрасываетъ отъ времени до времени изъ своего жерла фонтанъ огня и газа. Внизу на довольно отвѣсномъ склонѣ на протяженіи семи или восьми сотъ футовъ разстилались вулканическія вещества. Высота вулкана не превышала ста саженъ. Подножіе его буквально утопало въ зелени оливковыхъ, фиговыхъ деревьевъ и виноградниковъ, гнувшихся подъ тяжестью розоватыхъ кистей.

Все это, конечно, очень мало напоминало арктическія области.

Когда взглядъ проникалъ черезъ эту зеленѣющую стѣну, я видѣлъ чудное море или озеро, воды котораго омывали со

всѣхъ сторонъ этотъ небольшой островъ. На востокѣ виднѣлись домики и небольшая гавань, въ которой качались на лазурныхъ волнахъ оригинальныхъ очертаній суда. Дальше изъ этой водной равнины выплывала группа многочисленныхъ похожихъ на муравейники островковъ. На западѣ вдали виднѣлись берега. На однихъ обрисовывались красиво подернутые голубою дымкою горы, на другихъ, болѣе отдаленныхъ, возвышалась высокая гора, на вершинѣ которой клубился дымокъ. На сѣверѣ въ лучахъ солнца разстилалась огромная водная поверхность. Коегдѣ виднѣлись мачта или натянутые паруса.

Вся эта дивная картина казалась еще прекраснѣе отъ того, что она открылась передъ нами столь неожиданно.

— Гдѣ мы? гдѣ мы?—шепталъ я.

Гансъ равнодушно закрывалъ глаза, а дядя смотрѣлъ и не понималъ.

— Какая бы это ни была гора,—сказалъ онъ, наконецъ,—на ней жарко. Сотрясенія не прекращаются, а между тѣмъ не стоило бы выйти цѣлымъ и невредимымъ изъ кратера вулкана только для того, чтобы получить ударъ камнемъ по головѣ. Спустимся съ горы и посмотримъ, какъ намъ быть. Къ тому же я умираю отъ голода и жажды.

Положительно профессоръ не былъ созданъ для мечтательнаго созерцанія. Что касается меня, то, забывъ усталость и голодъ, я охотно сидѣлъ бы нѣсколько часовъ подрядъ и любовался видомъ, но надо было слѣдовать за товарищами.

Склонъ вулкана былъ довольно отвѣсный. Мы шли, увязая въ грудѣ пепла, обходя змѣившіеся огненные ручьи лавы. Пока мы спускались я все время говорилъ. Воображеніе мое было слишкомъ полно и искало исхода въ словахъ.

— Мы въ Азіи!—воскликнулъ я.—На берегахъ Индіи, на Малайскихъ островахъ, въ Океаніи? Мы прошли половину земного шара и очутились у антиподовъ Европы?

— А компасъ?—отвѣчалъ дядя.

— Да, компасъ!—отвѣчалъ я сконфуженно.—Если вѣрить ему, мы все время шли на сѣверъ.

— Значитъ компасъ вралъ!

— Или, по твоему, это сѣверный полюсъ?

— Полюсъ не полюсъ, а...

Положительно я не находилъ объясненія этому чуду.

*

Между тѣмъ мы подошли къ группѣ деревьевъ, которыми любовались издали. Голодъ и жажда томили меня. Къ счастью, послѣ двухчасовой ходьбы мы подошли къ хорошенькой виллѣ, утопавшей въ зелени оливковыхъ и гранатныхъ деревьевъ и виноградниковъ. Мы были такъ голодны, что не стали разбирать, можно ли лакомиться чужимъ добромъ. Съ наслажденіемъ рвали мы сочные фрукты, а виноградъ ѣли прямо съ куста. Я нашелъ протекавшій неподалеку въ тѣни деревьевъ ручеекъ. Какая нѣга умыться студеною водою!

Пока мы нѣжились и отдыхали, подъ оливковыми деревьями показался мальчикъ.

— Ахъ!—воскликнулъ я,—вотъ и обитатель этой блаженной страны.

Мальчикъ былъ съ вида нищій. Одѣтъ онъ былъ въ лохмотья, и видъ у него былъ болѣзненный. Увидѣвъ насъ, онъ испугался. Въ самомъ дѣлѣ, мы были полунагіе, бороды у насъ отросли, и видъ у насъ, вѣроятно, былъ самый неблагонадежный, развѣ воры не испугались бы насъ, а приняли бы за своего брата.

Мальчикъ пустился было бѣжать, но Гансъ бросился за нимъ и, несмотря на крики и сопротивленіе, привелъ его обратно.

Дядя, какъ могъ, успокоилъ его и спросилъ по-нѣмецки:

— Какъ называется эта гора мой дружочекъ?

Ребенокъ не отвѣчалъ.

— Хорошо,—сказалъ дядя, — значитъ, мы не въ Германіи.—И онъ повторилъ свой вопросъ по-англійски.

Мальчикъ продолжалъ молчать. Это начинало меня интересовать.

— Да что онъ, нѣмой, что ли?—воскликнулъ профессоръ и, гордый своимъ знаніемъ языковъ, задалъ тотъ же вопросъ по-французски.

Отвѣта опять не послѣдовало.

— Ну-ка попробуемъ по-итальянски, — продолжалъ дядя и спросилъ:

— Dove noi siamo?

— Гдѣ мы?—повторилъ я съ нетерпѣніемъ.

Мальчикъ и на это не отвѣчалъ.

— Да будешь ты, наконецъ, говорить или нѣтъ? — разсердился дядя и схватилъ ребенка за ухо. — Come si noma questa isola?

— Stromboli,—отвѣчалъ пастушокъ, вырвался изъ рукъ Ганса и скрылся въ оливковой рощѣ.

Намъ было не до мальчика! Стромболи? Это имя произвело сильное впечатлѣніе. Такъ значитъ, мы въ Средиземномъ морѣ, среди эолійскаго архипелага, нѣкогда игравшаго роль въ миѳологіи, въ древнемъ Стронгиле, гдѣ Эолъ держалъ на цѣпи бури и вѣтры. А на востокѣ въ голубоватой дымкѣ тумана виднѣются горы Калабріи. Высящійся же на югѣ грозный вулканъ—Этна.

— Стромболи! Стромболи!—повторилъ я.

Дядя жестикулировалъ и тоже твердилъ это названіе. Издали можно было подумать, что мы поемъ дуэтъ.

О! какое путешествіе! Что за дивное путешествіе! Мы вошли въ кратеръ одного вулкана, а вышли кратеромъ другого, находящагося въ тысячѣ двухъ стахъ миляхъ отъ Снеффельса и безплоднаго острова Исландіи, волею судебъ заброшеннаго на край свѣта. Экспедиція случайно привела насъ въ одну изъ самыхъ прекрасныхъ странъ земли! Мы покинули область вѣчныхъ снѣговъ и попали въ царство земли и цвѣтовъ, вмѣсто сѣраго тумана холоднаго пояса, надъ нами сіяетъ лазурное небо Сициліи.

Утоливъ голодъ фруктами и напившись холодной воды, мы отправились по направленію порта Стромболи. Мы рѣшили не разсказывать, какимъ образомъ мы очутились на островѣ. Суевѣрные итальянцы легко могли принять насъ за чертей, вышедшихъ изъ ада. Итакъ, мы рѣшили выдать себя за потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Это не окружало насъ такой славой, но было вѣрнѣе.

Дорогой дядя ворчалъ:

— Но компасъ! компасъ вѣдь все время указывалъ на сѣверъ. Чѣмъ это объяснить?

— Полноте, дядя!—сказалъ я.—Нечего и голову ломать надъ этимъ.

— Какъ же не ломать головы. Вѣдь просто стыдно, что профессоръ Іоганнеума не можетъ объяснить этого явленія!

Дядя, когда говорилъ это, несмотря на свой смѣшной видъ,—онъ былъ оборванъ, полураздѣтъ, но съ очками на носу,—снова становился профессоромъ минералогіи.

Черезъ часъ мы вышли изъ оливковой рощи и вошли въ портъ Санъ-Виченцо. Гансъ потребовалъ жалованье за тринад-

цатую недѣлю своей службы и получилъ его вмѣстѣ съ благодарностью и крѣпкими рукопожатіями.

Напослѣдокъ Гансъ, хотя и не раздѣлявшій нашего восторга, все-таки выказалъ необычайное для себя проявленіе чувства.

Концами пальцевъ онъ слегка пожалъ намъ руки и улыбнулся.

XLV.

Вотъ конецъ разсказа, въ истинѣ котораго могутъ усумниться даже люди, привыкшіе ничему не удивляться. Но я заранѣе зналъ, что встрѣчу въ людяхъ недовѣріе.

Стромбольскіе рыбаки радушно приняли потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Они дали намъ платье и съѣстныхъ припасовъ. Черезъ двое сутокъ, 31-го августа, мы отправились на маленькомъ суднѣ въ Мессину, гдѣ и отдыхали въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Въ пятницу, 4-го сентября, мы сѣли на французское почтовое судно «Волтурнъ» и высадились въ Марсели. Насъ озабочивало только одно, почему нашъ компасъ указывалъ вмѣсто сѣвера па югъ. Это необъяснимое явленіе не давало мнѣ покоя. 9-го сентября вечеромъ мы прибыли въ Гамбургъ.

Какъ удивлена была Марта, какъ радовалась Граубенъ!

— Теперь ты герой, Аксель,—сказала мнѣ моя невѣста,— и мы больше не разстанемся.

Я взглянулъ на нее. Она смѣялась и плакала.

Возвращеніе профессора Лиденброка произвело въ Гамбургѣ сенсацію. Марта проболталась таки, и всѣ узнали, что профессоръ отправился въ путешествіе къ центру земли. Многіе отказывались вѣрить и, увидѣвъ дядю по возвращеніи, еще больше сомнѣвались.

Присутствіе Ганса и нѣкоторыя справки, присланныя изъ Исландіи, мало-по-малу измѣнили общественное мнѣніе.

Съ этихъ поръ дядя мой сталъ великимъ человѣкомъ, а я—племянникомъ великаго человѣка. Это тоже чего-нибудь стоитъ. Гамбургъ далъ въ честь насъ банкетъ. Профессоръ прочиталъ докладъ о своей экспедиціи въ Іоганнеумѣ. Пропустилъ онъ на своей лекціи только одно—случай съ компасомъ.

Въ тотъ же день онъ передалъ въ Гамбургскій архивъ документъ Сакнуссема и выразилъ сожалѣніе, что ему не удалось дойти до самаго центра земли по слѣдамъ исландскаго путешественника. Онъ былъ скроменъ, не смотря на свою славу, и это создало ему прекрасную репутацію.

Столько почестей возбудили, конечно, зависть противниковъ. Такъ какъ его теорія противорѣчила существующей научной системѣ о расплавленномъ ядрѣ земного шара, противники выступили противъ него; но публичными лекціями и трактатами онъ вступилъ въ диспутъ съ учеными всего міра.

Что касается меня, я не согласенъ съ его теоріей охлажденія. Не смотря на все, что я видѣлъ, я всегда вѣрилъ и буду вѣрить въ существованіе въ землѣ огня, но допускаю, что нѣкоторыя еще не выяснившіяся обстоятельства могутъ измѣнить этотъ законъ въ зависимости отъ явленій природы.

Когда всѣ эти вопросы еще горячо дебатировались, дядю постигло огорченіе. Не уступая его просьбамъ, Гансъ уѣхалъ изъ Гамбурга. Человѣкъ этотъ, которому мы обязаны всѣмъ, не захотѣлъ оставаться съ нами.

Онъ затосковалъ по родной Исландіи.

— Färval, — сказалъ онъ намъ однажды и уѣхалъ въ Рейкіавикъ.

Мы успѣли очень привязаться къ охотнику за гагами. Мы никогда не забудемъ того, кто спасъ намъ жизнь. Я ни за что не умру, не повидавшись съ нимъ.

Скажу въ заключеніе, что это «Путешествіе къ центру земли» имѣло шумный успѣхъ. Его перевели на всѣ языки. Самые извѣстные журналы коментировали, оспаривали, обсуждали, защищали отдѣльные эпизоды путешествія. Неслыханная вещь—дядя прославился еще при жизни. Дѣло дошло до того, что г. Барнумъ предложилъ ему ангажементъ, желая «показывать» его за деньги въ Соединенномъ Королевствѣ.

Только одно омрачило нашу славу—оставшійся невыясненнымъ случай съ компасомъ, а этого вполнѣ достаточно, чтобы терзать ученаго. Но счастье и тутъ не оставило дядю.

Разъ, приводя въ порядокъ коллекцію минераловъ въ кабинетѣ дяди, я нечаянно взглянулъ на этотъ компасъ и сталъ наблюдать.

Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ онъ стоитъ себѣ въ углу, не подозрѣвая, какихъ мученій онъ является причиною.

Вдругъ, вообразите мое удивленіе!.. Я закричалъ. Дядя тотчасъ же прибѣжалъ на мой крикъ.

— Что случилось?—спросилъ дядя.

— Компасъ то!..

— Ну...

— Да вѣдь стрѣлка компаса указываетъ на югъ, а не на сѣверъ!

— Что ты говоришь?

— Поглядите: у него полюсы перемѣнились.

— Перемѣнились!

Дядя взглянулъ, сравнилъ и сдѣлалъ такой прыжокъ, отъ котораго весь домъ задрожалъ.

И меня, и его озарила одна и та же мысль.

— Такъ, значитъ, послѣ того какъ мы достигли мыса Сакнуссема, эта проклятая стрѣлка все время указывала югъ вмѣсто сѣвера!—воскликнулъ дядя.

— Очевидно.

— Это объясняетъ нашу ошибку. Но какое явленіе могло произвести измѣненіе полюсовъ?

— Это очень просто.

— Объясни, другъ мой.

— Во время грозы на Лиденброковомъ морѣ огненный шаръ, который намагнитилъ все, что было желѣзнаго на нашемъ плоту, сбилъ съ толку и стрѣлку нашего компаса.

— Ахъ!—захохоталъ дядя.—Такъ это все штуки электричества!

Съ этого дня дядя сдѣлался самымъ счастливымъ изъ ученыхъ, а я самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ. Хорошенькая воспитанница профессора, хотя и осталась въ домѣ на Кенигштрассе, но уже въ качествѣ племянницы и жены. Излишне, я думаю, пояснять, что дядею ея сталъ знаменитый профессоръ Отто Лиденброкъ, членъ-корреспондентъ всѣхъ ученыхъ географическихъ и минералогическихъ обществъ пяти частей свѣта.

КОНЕЦЪ.